

45-летию спортивно-оздоровительного
комплекса НГТУ «Эрлагол»
посвящается

А С С О Ц И А Ц И Я   В Ы П У С К Н И К О В

E-mail: neti@assoc.nstu.ru
www.assoc.nstu.ru

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
АССОЦИАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ НГТУ–НЭТИ

Борис Скворцов

Эрлагол

НОВОСИБИРСК
2017

ББК 84Р7-49я44
С 427

Скворцов Б.В.

С 427 Эрлагол / Б.В. Скворцов. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 276 с.

ISBN 978-5-7782-3135-1

Эта книга издается к 45-летию загородного спортивно-оздоровительного комплекса НГТУ «Эрлагол», расположенного в одном из прекраснейших мест Горного Алтая. В ней представлены документальная повесть, рассказы и стихи Бориса Скворцова – выпускника НЭТИ 1982 года, члена Ассоциации выпускников НГТУ–НЭТИ, многолетнего инструктора туризма «Эрлагола».

Фото для обложки представлены Траулько Максимом Владимировичем.

ББК 84Р7-49я44

ISBN 978-5-7782-3135-1

© Новосибирский государственный
технический университет, 2017
© Региональная общественная организация
«Ассоциация выпускников НГТУ–НЭТИ», 2017
© Скворцов Б.В., 2017

Предисловие

Подготовка Ассоциацией выпускников НГТУ–НЭТИ книг о спортивно-оздоровительном комплексе НГТУ «Эрлагол», расположенном в одном из прекраснейших мест Горного Алтая, стала уже традицией^{1,2}.

Автор книг Б.В. Скворцов – выпускник НЭТИ 1982 года (самолётостроительный факультет), человек, безмерно влюблённый в горы, патриот и старожил «Эрлагола».

Вот и сейчас, к 45-летию «Эрлагола», он подготовил очередную книгу, которая представлена вашему вниманию.

В книге отражены реальные истории, в качестве героев которых выступают преподаватели и сотрудники НГТУ.

Стоит отметить, что за прошедшие годы тысячи студентов и преподавателей НЭТИ–НГТУ отдохнули в «Эрлаголе», никто из них не забудет магические эрлагольские дни, многодневные походы, прохладные вечера, песни у костра, быстрые холодные воды Чемала и Кубы.

За 45 лет работы «Эрлагола» сформировались добрые традиции, появились свои старожилы, возник так понятный всем, кто там бывал, дух «Эрлагола».

Спасибо Б.В. Скворцову за то, что он чрезвычайно трепетно относится к этой жемчужине нашего университета и формирует о ней добрую память.

Директор Ассоциации выпускников
НГТУ–НЭТИ

В.Б. Пономарев

---

¹ Скворцов Б.В. Здравствуй, Эрлагол! – Новосибирск: ОАО «Новосибирский полиграфический комбинат», 2005. – 161 с.

² Скворцов Б.В. До встречи, Эрлагол! – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. – 175 с.

От автора

С чего для меня начался Эрлагол? Наверное, с этого чудного слова, которое вначале прозвучало как «Аэрлагол». Нам, первокурсникам самолётостроительного факультета Новосибирского электротехнического института, всюду мерещились авиация, аэронавтика, самолёты.

А потом старшекурсники, показывая летние фотографии, весело сообщили о том, как, путешествуя на плотах по горно-алтайским рекам, вдруг увидели на огромном плакате хорошо знакомое слово – НЭТИ. Это были ворота в спортлагерь «Эрлагол». И так захотелось пойти в поход! Однако реальность первого студенческого лета оказалась серьезнее: альплагерь «Талгар», восхождение на вершину Коптау, суровые перевалы и ледники Заилийского Алатау.

Впервые близ Эрлагола оказался уже на втором курсе. Транспортируя на самодельных нартах травмированную участницу, безмерно уставшие, мы в густых ноябрьских сумерках возвращались из лыжного похода. И тут выяснилось, что в семи километрах от конечной точки маршрута, села Чемал, в широком распадке находится летний горно-спортивный палаточный лагерь НЭТИ. И в голову тогда не могло прийти, что уже грядущим летом 1978 года одним из инструкторов «Эрлагола» стану я.

Собирался-то снова в альплагерь, и путёвка в киргизскую «Дугобу» была уже на руках, да медкомиссия подвела. Однако пройдя весной семинар по подготовке инструкторов туризма с 23-дневным походом по горам Алтая, успешно сдал инструкторские экзамены. Вот руководитель семинара и убедил поработать в «Эрлаголе». Вместо стройотряда.

Прошло около сорока лет. Но для меня и многих моих друзей этот замечательный уголок Горного Алтая неизменно остаётся излюбленным местом летнего отдыха и отправной точкой для новых путешествий. И снова походы, походы!

Походы и послужили толчком к литературному творчеству. А началось с того, что в насыщенном различными приключениями 23-дневном походе, запланированном вначале на 10 дней, мне выпало быть летописцем. В «Летописи одного турпохода» я постарался как можно более подробно и бережно сохранить на бумаге всё то, что с нами тогда приключилось. А приключилось немало! Так, начав писать, я затем продолжил эрлагольскую летопись.

2005 году издательство НГТУ выпустило книгу «Здравствуй, Эрлагол!», в 2012 году, как продолжение, вышла новая книга – «До встречи, Эрлагол!». Когда эти книги разошлись, было решено выпустить ещё одну книгу, которая включает в себя в том числе и основное содержание первых двух.

*Летопись
одного турпохода
Документальная
повесть*

Пролог

16 июля 1985 года

Всю ночь в горах бушевал дождь. Такой сильный, что, несмотря на подстеленный под палатку полиэтилен и натянутый сверху тент, всё промокло. Мы стоим в верховьях горной реки Енгожок недалеко от границы леса на высоте немногим более полутора тысяч метров над уровнем моря. Восточный Алтай...

В сыром спальнике становится неудобно, и я вылезаю из палатки до подъёма дежурных. В лицо мягко ударяет ни с чем не сравнимая прекрасная свежесть раннего таёжного утра. На небе – ни единого облачка. Довольно прохладно.

Это место мы иногда называем стоянкой у «кедрового камня». В самом деле, в здоровенных разлапистых корнях могучего кедра невероятным образом разместился камень величиной с приличный сарай, весь покрытый разноцветными лишайниками. Вокруг камня под кроной таёжного красавца приютились четыре маленькие палатки. В каждой – по три человека.

Ломаю сухие ветки от кедра, разжигаю костёр. Подвешиваю котелки и вспоминаю, что где-то здесь мы ночевали с Филипповым. Тогда мы не смогли пройти верховья Енгожока из-за белой мглы. Было это 11 мая 1978 года.

Андрей Изотов на страховке подходит к краю снежного карниза, но белая мгла не даёт ничего разглядеть. Проходим вдоль обрыва вперёд и назад, такое впечатление, что обрыву конца-края нет. Ничего не остаётся, как вернуться к месту обеда и встать на ночёвку...

Встряхиваюсь от воспоминаний и смотрю на часы. Пора будить дежурных...

Я старший инструктор по туризму спортивного лагеря НЭТИ «Эрлагол». В мои обязанности входит организация работы инструкторов, их стажировка. Кроме того, подготовка, проведение и обеспечение техники безопасности туристических путешествий. В этом походе руковожу группой в двенадцать человек, включая четырёх стажёров...

Накинув рюкзаки, отправляемся вверх по тропе слева от реки. Этот верхний приток Енгожока по карте называется Мойноскон. Кроме него есть безы-

мянный приток, ведущий на перевал Сайгонош. По нему мы должны были проходить в том походе с Филипповым, но проскочили мимо...

Добираемся до границы леса, и тут мне в голову приходит мысль идти не по стандартному маршруту через верхний левый приточек и седловину, а в лоб, примерно туда, где в мае 1978 года висел снежный карниз. Стажёры глядят на меня непонимающими глазами. Объясняю: если там непроход – обойдём верхами, ну то есть исследуем иной путь.

Вот мы и наверху. Перед нами очень крутой, но недлинный спуск в один из истоков Малой Сумульты – реку Ижиму.

Но что это? Откуда здесь мог взяться тур?

Самый младший из стажёров веснушчатый пятнадцатилетний Димка Осипов достаёт из тура записку и, совершенно по-взрослому нахмутив брови, начинает читать её вслух. От неожиданности кровь ударяет мне в голову. Отнимаю у Димки записку и читаю сам.

На размокшем, разваливающемся клочке бумаги, пролежавшем на хребте почти два года в консервной банке среди камней, с трудом различаю текст.

Дорогие друзья!

Этот тур сложен в честь одного из старейших туристов г. Новосибирска Александра Михайловича Филиппова, трагически погибшего летом 1983 г.

Этот человек впервые открыл нам всю прелесть природы Восточного Алтая. Пусть перевал этот носит имя замечательного человека.

Мы, ученики А.М. Филиппова, просим всех туристов, проходящих через перевал, положить свой камень в этот тур 24 августа 1983 г. Если можно, то сохраните эту записку.

Подпись (неразборчиво)

Вспоминается... В январе 1983 года, капитально простыв, я не пошёл с Филипповым в лыжную «четвёрку» на Восточный Саян. За минуту до отхода поезда он, похлопав меня по плечу, проговорил:

– Ну ничего, мы с тобой ещё сходим...

Месяца через два мы встретились на проспекте Дзержинского. Прищурив левый глаз, Александр Михайлович сообщил:

– Слушай, у меня был Чувахин и просил, чтобы ты срочно вернул штормовку, ему её сдавать надо.

Эта встреча оказалось последней...

В июле 1983-го участники предстоящей пешей «тройки» собрались в общаге Сибирского НИИ авиации и руководитель – сорокавосемилетний сухой и жилистый Геннадий Алексеевич Злобин – сообщил, что самая дальняя точка нашего маршрута – Уйменские озёра. Я сказал, что там однажды уже проходил с Филипповым. Гена, рассеянно взглянув в окно, промолвил:

– Филиппов... Да-да, вот вчера похоронили...

–...??!

Перевал Филиппова. Вид с горы Альбаган. Фото А. Смелягина

– А ты не знал? – спросил Геннадий Алексеевич. Я молчал минуты две, пока участница предстоящего похода Ольга Хлебородова не сказала:

– Ну, ты не очень-то расстраивайся... перед походом.

Закончился эрлагольский сезон 1985 года. Вернувшись в Новосибирск, я отнёс подсушенную записку из тура вдове Филиппова. Долго разговаривали об Александре Михайловиче. (Позже я узнал, кто является автором записки – это участник того похода Владимир Жутяйкин.)

Потом, у себя в общежитии, долго рассматривал фотографии и дневники, вспомнив совет своей школьной учительницы, которой подробно рассказывал о том походе:

– Ты это приведи в порядок и сохрани, – посоветовала мне Любовь Александровна, – пусть это будут «Походные заметки».

Здесь ничего не придумано. К моим девятнадцати годам это четвёртое серьёзное путешествие по горам. Позади – альплагерь «Талгар» на Заилийском Алатау с его ледниками, трещинами, вершинами, стенами, ледовым глиссеро-

ванием на крутом склоне и спасательными работами. Потом, в ноябре 1977 года – Каракольские и Буюкские озёра на Восточном Алтае с пожаром в палатке, когда я едва не задохнулся. Затем последовал январский поход под Белуху на Центральном Алтае в сорокашестиградусный мороз с ветром. Но таких вот приключений у меня ещё не было.

И вот, уважаемый читатель, перед Вами летопись туристского похода, который в условиях межсезонья вместо запланированных десяти продлился двадцать три дня. Во время путешествия я вёл дневник кратким перечислением фактов. Например, «снежный карниз, Альбаганский перевал, солнечная река Ижима, сбились с тропы» и так далее.

Впоследствии я взял толстые тетради и расшифровал свои записи, а потом эти тетради долгие годы пролежали на дне чемодана, пока не пришло решение взять на себя ответственность и, сохранив подлинные имена и фамилии, эту Летопись опубликовать.

Мне безусловно хотелось бы предостеречь некоторых особо «горячих» начинающих туристов и заставить их вспомнить о такой банальности, как безопасность в походах.

При написании я провозгласил главный принцип: никаких художественных вымыслов. Постаравшись восстановить многие подробности давно прошедших дней, я хотел донести до читателя дух того времени, остроту и реальность невероятных и странных, смешных и горьких ситуаций. Короче – передать как можно точнее события тех дней.

Возможно, первая половина летописи покажется Вам скучной, неинтересной, с лишними деталями, но именно здесь исподволь, постепенно готовилось то, что произошло позднее, когда сложились и отсутствие точной карты, и ошибки ориентирования, и неправильная раскладка продуктов, и сильнейшее хроническое недосыпание, и погода, да и элементарное невезение.

Разумеется, моя повесть главным образом будет интересна тем, для кого описанные обстоятельства не просто сюжет, а знакомая по собственному опыту ситуация, пусть даже не столь трагичная.

Слегка перефразировав слова одного из моих читателей, повторю: «Горы нужно любить, чтобы туда ходить, и горы нужно уважать, чтобы оттуда приходить».

Итак, в путь.

Автор

Поход

6 мая 1978 года

Покинув в полдень пыльный Бийск, к вечеру доехали мы на автобусе до села Чемал. Завтра выходим на маршрут. За время почти часовой стоянки в Горно-Алтайске посетили контрольно-спасательную службу. Наш выход был зарегистрирован весьма неохотно. Бородатый «каэсэшник» Сухов вяло разъяснял, что нынешнее межсезонье выдалось сложное, непогодное и среди туристов в районе уже есть два трупа. Однако желанная отметка в маршрутной книжке была всё-таки получена, и мы отправились дальше.

В Чемале купили хлеб для первого дня похода. Прошли семь километров до горно-спортивного лагеря НЭТИ «Эрлагол».

Перед выходом на маршрут. Слева направо: О. Черноверская, В. Новиков, А. Ефименко, Б. Скворцов, Е. Беляев, М. Мельников, В. Хвоина, В. Коботов, С. Дерябин, С. Ульянов

6 мая 1978 года, г. Бийск. Фото А. Шуркевича

Лагерь раскинулся на обширной живописной поляне около впадения реки Кубы в приток Катуня – реку Чемал. Сквозь сумерки на противоположной стороне Чемала просматриваются массивные скалы. Удивительно свежий воздух, напоенный ароматом весенних трав, – дышится легко и радостно.

Здесь летом мы будем работать инструкторами. А сейчас нам предстоит главная часть инструкторского туристского семинара – пеший поход через Сумультинский хребет до Телецкого озера. Затем останутся экзамены и стажировка.

Нас семнадцать человек. Руководитель – кандидат в мастера спорта Александр Михайлович Филиппов. Отряд разбит на две группы со стажёрами во главе каждой: Александром Аляевым и Михаилом Мельниковым.

Первая группа: Михаил Мельников, Владимир Коботов, Сергей Дерябин, Сергей Ульянов, Андрей Ефименко, Вера Хвоина, Алексей Шуркевич, Евгений Беляев и автор этой летописи. С нами же Михалыч.

Вторая группа: Александр Аляев, Андрей Изотов, Светлана Курбакова, Елена Шибаева, Владимир Жутяйкин, Ольга Черноверская и Виктор Новиков.

Перед выходом на маршрут. Слева направо: С. Курбакова, Е. Шибаева, А. Аляев, В. Жутяйкин. 6 мая 1978 года, г. Бийск

...Темно. Костёр освещает лица ребят, многие из которых мне пока незнакомы. Некоторые участники присоединились к группам в последний момент.

Все примерно одного возраста: от семнадцати до двадцати одного года, кроме Филиппова. Ему, наверно, около сорока, он невысок ростом, но очень

коренаст, широкой кости, на голове обширные залысины. С ним я ходил в ноябре в лыжную «единичку». Александр Михайлович ещё и кандидат в мастера спорта по классической борьбе, преподаватель спорткафедры НЭТИ. Мужик весёлый, постоянно шутит.

Вместе с Андреем Изотовым, Леной и Светой прошлой зимой мы уже дважды ходили в походы. Андрей – четверокурсник, мужественное, слегка тронутое оспинками лицо. Он играет на гитаре, немного подражая Высоцкому. Лена – очень спортивная девушка. Это она меня затащила в зимние турпоходы, заинтересовавшись моим альпинизмом. И, кстати, чувствовала себя в них более уверенно, чем я. Света повыше ростом, немного нескладная, менее спортивная, но старательная.

Чтобы понять, зачем мы вновь отправляемся в путешествие по горам, надо хотя бы раз сходить самому. Настоящий спортивный туризм – это сильное, радостное ощущение жизни. К тому же нас ведёт опытнейший турист...

7 мая 1978 года

Выспавшись и плотно позавтракав, мы двинулись по лесовозной дороге вдоль Кубы вверх по течению. Жара. Первым раздевается до трусов Мельников. Следом и остальные постепенно снимают с себя почти всю одежду.

– Интересно, а мы увидим в этом походе снег? – спрашивает меня невысокий коренастенький Женя Беляев, который идёт в горы первый раз. Вспомнив прошлое лето на Тянь-Шане, наличие снега в горах ему гарантирую.

Обедали на берегу Кубы. Окунувшись в ледяную воду, загорали.

К вечеру мы дошли до правого притока – реки Сергезю и остановились на ночёвку. Новички измотаны. С изумлением вижу, что хрупкий Андрюшка Ефименко закурил папиросу. Худой и высокий Шуркевич прилёг, подложив под голову рюкзак, и закрыл глаза. Чёрные, как смоль, усы слегка обвисли, берет на голове залез на нос.

– Клещ!!! – раздаётся чей-то вопль. Все встрепенулись и осматриваются. Буквально каждый находит впившихся в тело одного или нескольких клещей.

– А у меня нет! – заявляет Ефименко, и тут же я замечаю клеща, впившегося в его макушку.

– А что это у тебя на голове? – спрашиваю я вкрадчивым голосом. Глаза Андрюшки округляются. Замедленно он дотрагивается до клеща и вздрагивает...

Для меня появление клещей не было новостью. На альпинистских слётах приходилось не раз вытаскивать их как из себя, так и из других. Для большинства же новичков – это неприятное открытие...

Прошли двадцать два километра. Некоторые участники успели набить на подошвах кровавые мозоли. Особенно жаловался Женя.

Первый день всегда очень тяжёлый: рюкзаки максимально наполнены, а мы ещё не втянуты в нагрузку. Но тот, кто уже ходил в горы, знает это заранее и к такому стрессу готов.

Стоило развести костёр и поужинать, как за круто заваренным чаем все вновь ожили, зазвучала гитара... Затем мы уснули здоровым сном физически уставших людей в объятиях замечательной природы Горного Алтая.

8 мая 1978 года

Наутро, уже более спокойно сняв с себя по несколько клещей, отправляемся дальше по лесовозной дороге.

Через несколько километров, взглянув на карту, Михалыч кричит:

– Эй, впереди! На первом повороте давай направо! – и вскоре мы переходим по мостику на противоположный берег.

В нешироком распадке идёт такая же дорога. Распадок тенистый, влажный. Путь раздваивается, и Михалыч вновь командует повернуть вправо.

Очень скоро, повернув ещё правее и вспугнув неожиданно выскочившего нам навстречу зайчишку, у ручья становимся на обед. Дежурный Серёга Ульянов, которого друзья почему-то зовут Пром, варит, как он выразился, «блевонтин».

– Мы идём в противоположную сторону, точно на 180 градусов! – вдруг слышу я. Это Михалыч и стажёры наклонились над развёрнутой картой:

– Нам нужен Абаш, а это другой приток – Каяс!

– До Абаша ещё пять километров!

– Если мы сейчас перевалим, то попадём на Кубу, ниже по течению!

– Чёрт побери! – резюмирует круглолицый Аляев, – забурились не в ту степь, потеряли полдня.

– Как это? – спрашивает Беляев.

– Как накакал, так и смякал! – моментально объясняет кто-то.

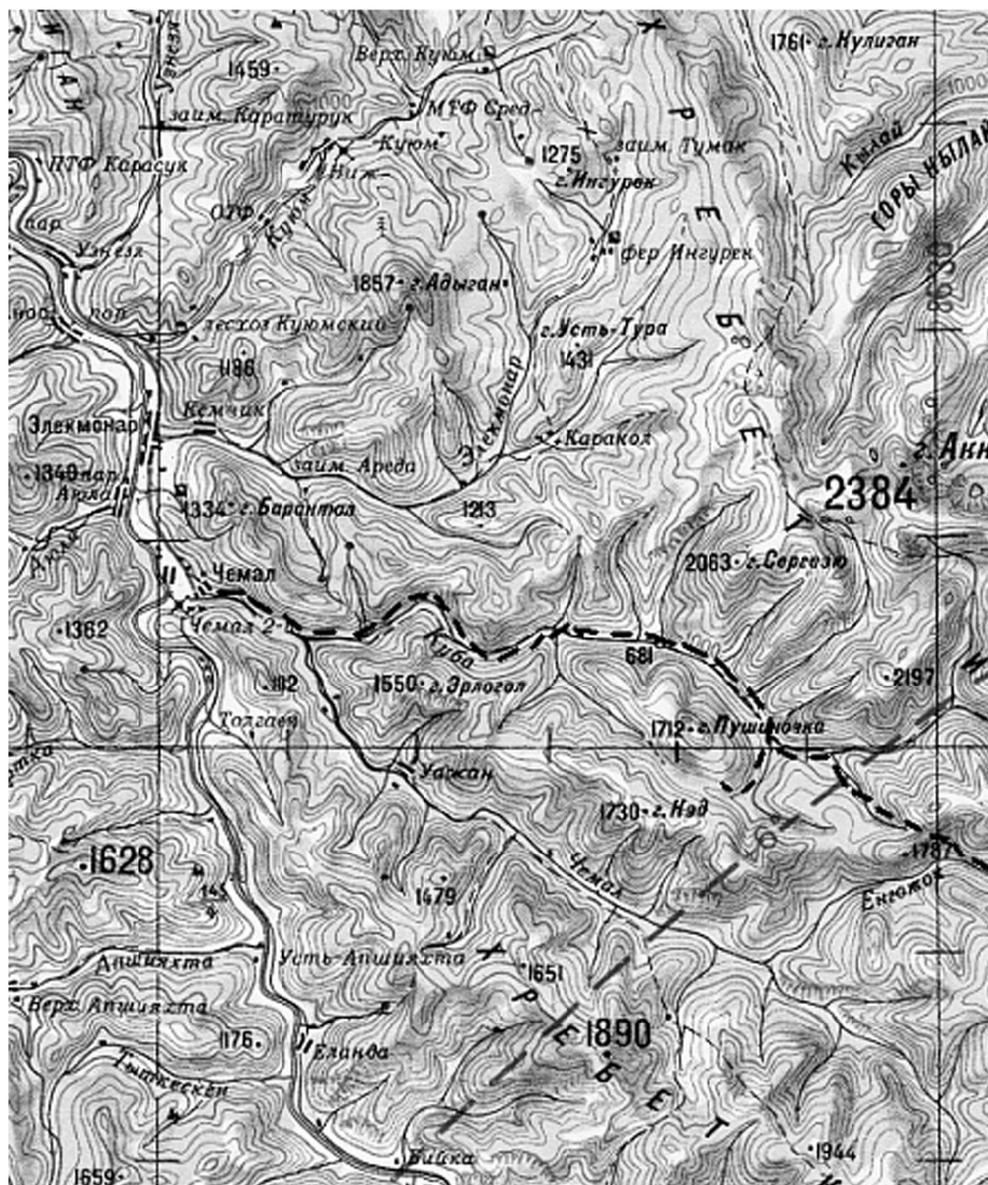
Спустившись тем же путём к Кубе и пройдя вверх по её течению ещё полчаса, пока не начало смеркаться, встаём на ночёвку.

9 мая 1978 года

По урочищу Абаш снова идёт лесовозная дорога. Вскоре подъём становится круче, и ещё километров через пять показалась избушка. Жара не спадает, шагаем полураздетые.

Распадок раздваивается. Уходим влево. Затем ещё раз влево. Через километр выходим на пяточок для разворота машин.

Дальше пробираемся без тропы, прямо по каким-то кустам, достигающим человеческого роста. На границе воды, где мы устраиваемся на отдых, лежит мокрый сугробистый снег.

Фрагмент карты. Село Чемал – начало маршрута

По моему предложению обе группы готовят обед на одном костре, а Оля Черновверская – скромная, усердная девушка – замечает:

– Видно, что раньше вы уже ходили вместе.

Потом, забравшись по крутому подъёму на гребень, мы увидели, что поднялись не по тому истоку и находимся вообще непонятно где.

– Ну, что, – ничуть не смутившись, говорит Филиппов, – ручей же вон внизу, пошли к нему.

Спуск очень крутой и каменистый, далеко внизу поблескивает, видимо, приток реки Енгожок. Очень осторожно, то и дело падая на пятую точку, более часа спускаемся к реке. Затем по едва заметным тропкам идём правым берегом вверх по течению Енгожока, пока не упираемся в прижим.

Надо переправляться на другую сторону. Около получаса мы рубим мощную сосну, но её уносит потоком, будто щепку.

– Михалыч! Давайте, я перейду с шестом и перетащу верёвку, – предлагаю я, вспомнив прошлогоднюю практику в альплагере «Талгар».

– А у тебя меховые плавки есть? – отвечает вопросом на вопрос Михалыч.

Продолжаю настаивать, и меня поддерживает подошедшая Лена Шибаева.

– А ты за него замуж пойдёшь? – говорит Михалыч, грубо обрывая разговор.

Следующая сосна, немного толще уплывшей, подрублена, накреняется и падает слегка наискосок. Неожиданно у неё налету обламывается макушка. Кто-то крикнул от досады, но дерево всё-таки ложится тонким концом на противоположный берег.

Пром, привязав булинью один конец верёвки к себе, без рюкзака первым идёт по дереву, доходит до середины и, слегка качнувшись, грозит реке пальцем. Далее идёт быстрее, обламывая мешающие ему ветки. На левом берегу Енгожока он привязывает удавкой к старой пихте верёвку, а Филиппов натягивает её с правого берега. Вторым с рюкзаком прохожу я, а последним, снимаемая перила, несуетливый Андрей Изотов.

Переправившись, мы замечаем на тропе следы какого-то зверя.

– Киска! – мимоходом сообщает Филиппов. Недавно здесь побывала рысь.

Берег Енгожока заросший, тенистый. Утомительная жара постепенно отступает. День идёт к закату, становимся на ночёвку.

В честь дня Победы Михалыч достаёт фляжку спирта и... несколько сушёных рыбок. Поужинав, поём костровые песни под гитару. Кстати, из трёх взятых с собой гитар одну уже успели сломать, когда спускались по камням в Енгожок.

Оказывается, кроме меня с Изотовым поют под гитару Ульянов, Мельников, Дерябин, Жутяйкин и особенно душевно – Аляев.

10 мая 1978 года

Спалось на редкость комфортно. Палатки были поставлены на мягкий, ровный ковёр из мха. По соседству одиноко возвышался гигантский камень величиной с трёхэтажный дом. Похоже, до нас здесь никто не ночевал.

Вылезая из спальника, случайно заехал Филиппову локтем по скуле.

– Ой, извините! – с ужасом воскликнул я.

– Эх, палатку жалко, а то бы сейчас ты у меня выпорхнул отсюда! – великодушно простил Михалыч.

«Это преамбула, а где же амбула?» – ни к селу, ни к городу вспомнил я Стругацких, вылезая из палатки...

Уходим, оставляя после себя превосходное кострище.

Тропка по Енгожоку очень слабая, часто теряющаяся во мху и в буреломе. Замшелые, гниловатые валежины – вдоль и поперёк, сверху и снизу. Чтобы обойти забуреломленный участок, довольно высоко поднимаемся по склону. В одном месте приходится заняться скалолазанием.

Участок пути, заваленный буреломом, продолжается довольно долго. Нескоро мы спустимся к реке, которую сегодня несколько раз пересечём. Сначала – после обеда, когда увидим на правом берегу тропу, затем – когда подойдём к прижимам.

Солнце уже садится, когда мы приближаемся к мощному левому распадку. Предположительно это и есть тот распадок, поднимаясь по которому должны выйти на перевал Сайгонош. Но, посомневавшись, руководитель принимает решение идти дальше вверх по Енгожоку. Переправившись вброд на правый берег, останавливаемся на ночлег.

Да, межсезонье – это межсезонье, вода большая. Летом, скорее всего, здесь проходить намного проще. Хотя... Именно при переправе через Енгожок два года назад, в двадцатых числах июля, погибло два человека: инструктор Эрлагола Владимир Сало и участница похода Нина Савишева, которую он пытался спасти.

«Вот что такое таёжная речка. Как в книгах у Григория Федосеева», – подумал я засыпая.

11 мая 1978 года

Проснувшись, сначала решил, что идёт дождь. Но это слегка шумел ветер и пели птицы. Вчера набил приличную мозоль, и теперь пришлось залепить её пластырем. Когда все окончательно расшевелились, то заметили, что стало прохладнее, а кое-где на вершинах лежит снег.

Позавтракав, мы двинулись вверх правым берегом Енгожока и тут же увидели медвежьи следы. Топтыгин идёт где-то впереди нас. Филиппов время от времени смотрит на карту и хмыкает. Дело в том, что приток, ведущий на перевал Сайгонош, мы, по-видимому, уже проскочили.

Пора становиться на обед, и тут Михалыч насмешливо кричит:

– Часа через три будем на Альбагане!

Альбаганский перевал – это перевал с верховьев реки Ложа на реку Ижиму – один из истоков Малой Сумульты. Выходит, сделали лишнюю петлю. Недовольно морщится нетерпеливый Мельников. Оживлённо вскидывает голову Аляев, который годом раньше уже побывал на этом перевале.

Пообедав, почувствовали, что стало ещё прохладнее, неожиданно появляется туман. То тут, то там виднеются островки снега. Идём дальше, туман

сгущается. Вот уже идём по снегу. Лена где-то зацепилась за сучок и порвала штормовые брюки. На голом бедре сквозь здоровенную прореху видно глубокую царапину.

– Ну вот, теперь будет шрам через всю ногу, в горах всегда так, – сетует она.

Постепенно туман превращается в белую мглу. Белый снег и белый туман сливаются. Видно лишь несколько человек сзади и столько же спереди. Наступаем на ямки, невидимые глазу, но хорошо ощутимые. Вот что-то просматривается впереди и как будто далеко. Делаешь два шага – и оказывается, что это камень, причём рядом.

Теряется ощущение времени и пространства. Кажется, долго ещё движемся по белой мгле, пока не замечаем, а вернее сказать, не ощущаем, что слева от нас – снежный обрыв.

Александр Михайлович Филиппов

Михалыч достаёт верёвку. Андрей Изотов на страховке подходит к краю, но белая мгла не даёт ничего разглядеть. Мы проходим вдоль карниза вперёд и назад, но такое впечатление, что ему конца-края нет. Приходится вернуться к месту обеда и вставать на ночёвку.

А вот это уже амбула! – усмехнулся я, почему-то вспомнив вчерашнее утро.

– Сурово! – говорит Вера Хвоина – полная, энергичная девушка. С ней мы учимся в одной группе на втором курсе самолётостроительного факультета НЭТИ.

– Не сурово, а хреново! – поправляет Верку Мишка Мельников. – Сроки становятся угрожающими, – добавляет он.

Я с ним полностью согласен, но Филиппов – непререкаемый авторитет, и в случае необходимости именно он, как руководитель, должен принять решение.

Слегка порошит снег. Раскидываем палатки, у нас их три. В Михалычевой перкальке ночуют четверо: Михалыч, я, Андрей Ефименко и Лёша Шуркевич. Порядком измотавшись, Лёша после ужина сразу заползает в спальник – поскорее на боковую. Михалыч делает на карте красным карандашом пометки, затем, взяв кинокамеру, залезает в палатку перезаряжать плёнку.

А не пора ли сокращать маршрут?.. – думаю я, но вслух произнести это не решаюсь.

12 мая 1978 года

Утро доброжелательно солнечное, ясное. Всюду лежит снег, туман рассеялся. Могучие корни кедра завешаны носками дежурных. Прохладно...

Мы отправляемся туда, где вчера стояла белая мгла. Добираемся до снежного карниза, подходим к краю.

Вот это да!!!

Мало того, что за ним обрыв метров двести, ещё и сам-то карниз нависает вперёд метров до десяти!!! И по этому козырьку мы вчера топтались! А как-во, если бы он под нами оборвался! А?!! Кто-то ошарашенно говорит:

– Ни себе чего!

Оказывается, сами того не ведая, вчера мы подвергались серьёзной опасности.

– Кто ещё не видел перевал Альбаган? – спрашивает Аляев. – Вот он – перевал Альбаган!

Левее и несколько ниже того места, где сейчас стоим, – красивая, почти симметрично обрамлённая двумя гольцами седловина. А мы, как выясняется, в поисках прохода через карниз чересчур забрали влево и вверх. Теперь, найдя более или менее подходящее место, с большой осторожностью сходим вниз. Оглядываюсь. Люди – один над другим.

– А ведь вчера мы могли запросто спустить лавину! – констатирует Мельников.

Теперь идём вниз по новой речке, совершенно непохожей на прежнюю.

– Был Енгожок, а теперь Ижима, – произносит Михалыч. Весело журчит вода. Тепло, но на северных склонах лежит снежок.

Идущий первым Мельников потерял тропу, в результате мы выскочили на резкие сбросы высоты в стороне от основного русла, к тому же ещё и заваленные буреломом.

– Больше ты меня на такие штучки не затащишь! – говорит мне Кадет после того, как мы на тропу выкарабкались. Кадет – это мой однокурсник Витя Новиков, так его прозвали потому, что раньше он учился в суворовском училище.

Между прочим, я его и не затаскивал в поход. Он просто видел, что я хожу в горы и каждый раз возвращаюсь довольный. Но самое главное, ему нравится моя одноклассница Вера Хвоина, вот он и пошёл. А Верку, пожалуй, я действительно заташил, но не силой, а убеждением и личным примером.

Часа через два долина реки немного расширилась и на появившейся поляне показались деревянные идолы. Это означает, что мы вышли на плановую тропу всесоюзного туристского маршрута № 77. Предполагается, что дальше пойдём только по ней. Останавливаемся на обед прямо у идолов на готовом кострище.

Во время отдыха я попросил Мишку показать мне на гитаре ля-секст-аккорд.

– Что-что? – переспросил Мельников. – Секс-аккорд? – и расхохотался. Оказывается, Света в купальнике полезла на дерево, а Мишка, достав фотоаппарат со словами:

– Вот секс-кадр! – её сфотографировал. А тут я с «секс-аккордом». Верка хохотала так, что только одним этим веселила всех.

После обеда почти сразу приходится переходить вброд ледяную Ижиму. Андрей Изотов переносит девушек на руках. Пройдя примерно километр, мы оказываемся у слияния двух рек.

Самоуверенный Мельников, не вняв моему совету приостановиться и подождать всех, повёл народ по мощной тропе влево. С нами увязался и Кадет, оторвавшийся от своей группы, а Михалыч в тот момент, наоборот, шёл где-то сзади. Только километра через два Мишка наконец смекнул, что идём неправильно, и повернул обратно. Навстречу без рюкзака шла Лена, которую послали за нами.

Тем временем остальные налаживали навесную переправу.

– Вроде ведь ясно, – внушает Филиппов, – на карте нужный приток обозначен ровно через километр, а вы куда упиликали?

– И я сдуру за вами ушёл, – подхватывает Кадет.

Переправившись, двинулись по правому берегу Тюрдема. Тропа раздвоилась. Смотрю: участники сначала идут вправо, но, дойдя до скалы, возвращаются и идут левой тропой. «Интересно, что их заставило изменить направление движения?» – любопытствую я, шагая вправо.

А. Изотов (на переднем плане), В. Жутяйкин, В. Новиков

Приблизившись вплотную к скале, неожиданно обнаруживаю гладкий прижим, который не позволяет пройти по береговой кромке. Вспомнив прошлогодний альплагерь, лезу по скале, используя при этом очень маленькие зацепочки и уступчики.

Так метрах в шести над бурлящей водой, не снимая рюкзака, проскрёбся по всему прижиму и, вполне довольный собой, догнал Михалыча, который шёл предпоследним передо мной. Группа растянулась, и наш последующий разговор никто не слышал.

– Это как называется? – не оглядываясь, негромко спрашивает Филиппов.

– Осмотрел прижим! – бойко отвечаю я.

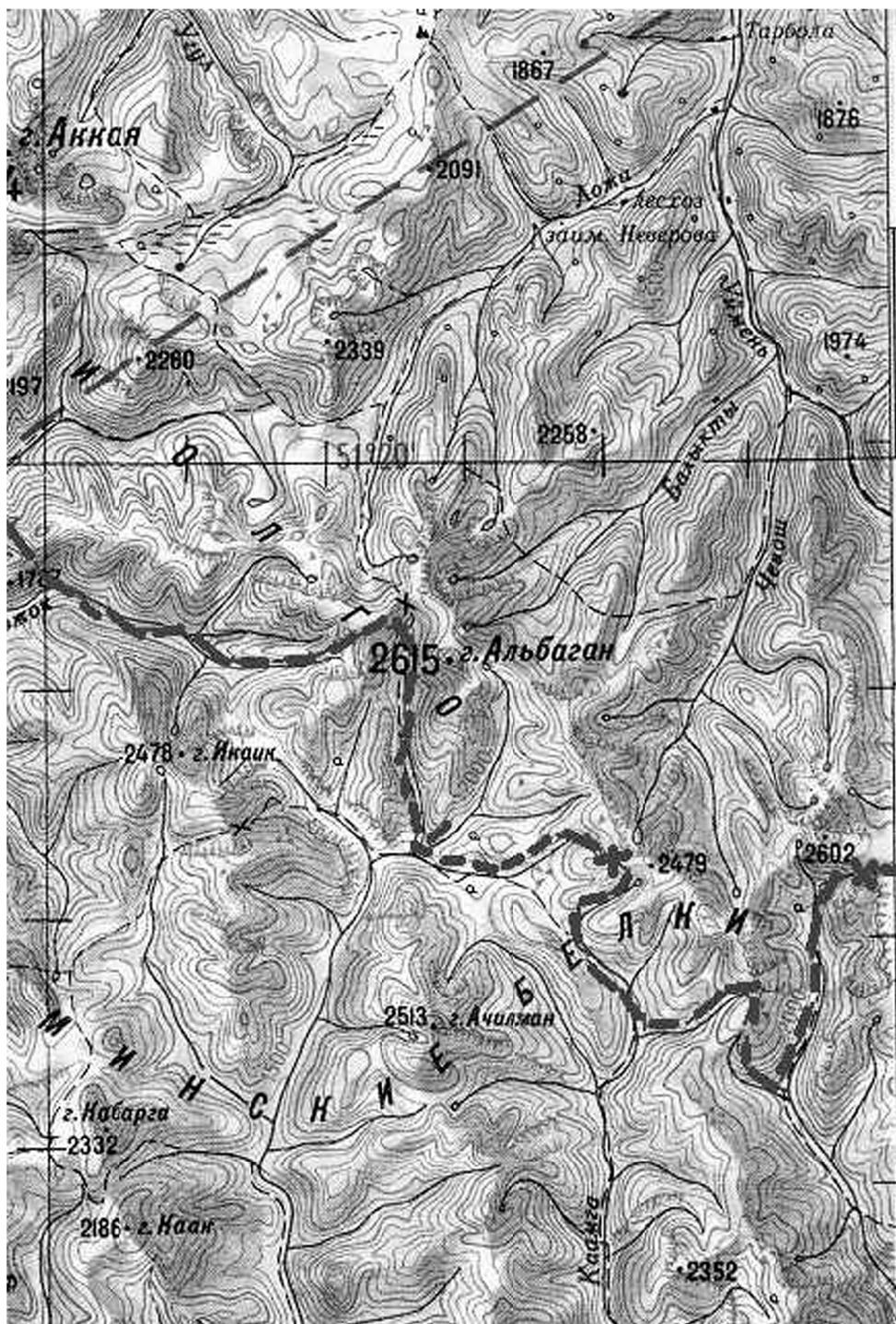
Михалыч поворачивается ко мне, и я вижу, что он страшно зол.

– А если бы ты... ёкнулся?! Идёшь замыкающим – и лезешь на стену! Ты что, хочешь, чтобы я тебе по шее дал?!

Я ошеломленно моргаю глазами.

– Ну... извините... я, честное слово... без задней мысли, – бормочу я растерянно.

– Вот так каждый будет «без задней мысли», а я потом отвечай. Ты бы сейчас загремел, а мне – тюрьма! – остывая, внушает мне руководитель похода.

Фрагмент карты. Верховье р. Енгожок – р. Ижим –
пер. Тюрдем – р. Акса-Азкан

Поняв, что гроза миновала, виновато поплёлся за ним. И вдруг увидел на тропе маленький блокнотик и авторучку. Наклонился и поднял. Это был хронометраж нашего похода.

– Михалыч, это не Вы потеряли? – поспешно спрашиваю я, стараясь загладить вину.

– Это Андрюшкин, наверное, – отвечает Филиппов, – он же у нас хронометрист.

Вскоре мы с Михалычем сравнялись со всеми.

– Я это выронил, что ли? – удивляется Ефименко, принимая свою потерю.

Понемногу смеркается, но решено как можно ближе подойти к Тюрдемскому перевалу, чтобы с утра, пока снег на перевале ещё не размякнет, взойти на него с наименьшей затратой сил. Ощутимо холодает. Лес становится реже. Солнце касается своим краешком гор, а мы всё идём, подыскивая подходящее место для палаток. Уже порядком стемнело, когда мы останавливаемся. Почва под ногами твёрдая, замёрзшая.

Удачное место для ночёвки своей группы выбрал Аляев. То, что досталось нам, не устроило Филиппова, и он нашёл другую площадку метрах в двухстах от костра, который разводили дежурные.

А. Аляев, А. Ефименко, А. Шуркевич, А. Изотов, Е. Шibaева

– Холодно спать будет, – предположил он, подойдя к костру, – я там полиэтилен расстелил, можете идти укладываться.

Михалыч взял в поход свою компактную перкалевую «памирку» и самодельные складные колья к ней, поэтому ставилась его палатка очень быстро.

И тут обнаружилось, что Вера наша что-то загрустила, загрустила, отошла в сторонку, села камень, и вот уже слёзы у неё навернулись на глаза.

– Что случилось? – озадаченно спросил я у Филиппова.

– Всё нормально, – усмехнулся тот, – по дому скучает, она ведь первый раз в таких условиях. Это скоро пройдёт.

На следующий день предстояло дежурить мне и Лёше, и по моему предложению мы с вечера натаскали здоровенную кучу дров, благо их тут было предостаточно.

13 мая 1978 года

Утром мы с Лёшей вскочили на целый час раньше, чем обычно встают дежурные, и работа закипела. Один разводит костёр, другой рубит дрова. Один бежит с котелками за водой, другой готовит продукты.

При возникшем дефиците времени нужно было с подобными делами справляться быстро. Никогда ещё так скоро не готовился завтрак, но, к сожалению, сонные участники вылезали из спальников слишком медленно.

Одним из первых выскочил Филиппов. С ужасной щетиной на лице, в выцветшей коричневой шапочке на голове, с заспанными глазами и слегка опухшим лицом.

– А-а-а-ха-ха-ха-ха! – кричит он во всё горло, разгоняя сон.

Снимаем палатки, отдираем от земли примёрзший полиэтилен.

Мишка Мельников отчитал Ульянова за то, что тот «как всегда, слишком медленно собирается». Пром слегка смутился, но промолчал.

Двинулись вверх по Тюрдему. Идём, как мне кажется, слишком медленно. Вскоре вода заканчивается, под ногами – сухое, всё более выполаживающееся русло. Тропа уходит под снег. Смёрзшийся за ночь снежок энергично хрустит под вибрами.

Я и Мельников вырываемся далеко вперёд, оставляя за собой цепочку следов. Лезем, что есть силы, на перевал. Чувствуется, что Мишка – мужик волевой и очень упрямый. Между нами завязывается разговор.

– Давно туризмом занимаешься? – спрашивает он.

– Прошлым летом – альплагерь, потом два зимних похода. А ты? – интересуюсь я.

– Ну, я пока ходил только в «единичку» на Караколы в ноябре с Лаврухиным.

– Так ты не на втором курсе?

– Нет, на первом.

Мы на самом верху. Достав карту и компас, Михаил начинает ориентироваться.

– Странно, – удивляется он, – что-то не похоже на перевал!

Он спускается чуть вниз за перегиб и внимательно смотрит на открывшийся пейзаж, потом на карту и недоумённо пожимает плечами:

– Идти-то дальше некуда!

Теперь я смотрю на карту. В самом деле, идти некуда, потому что водораздел явно поднимается. Вглядываюсь ещё раз вперёд.

Подошли все, и Михалыч спросил:

– Ну, что вы там увидели?

Взглянув на карту, говорит:

– Ха! Проскочили! Ну, давайте спускаться здесь.

Спуск не был трудным. Мы просто прошли по верховьям Тюрдема несколько дальше, чем следовало, и перевалили не в самом низком месте.

Чем ниже мы спускаемся, тем снег под ногами делается всё более мокрым, и его становится всё меньше. Наконец, в верховье реки Кара-Су появляется тропа. Теплеет, а затем и вовсе наступает жара.

У слияния рек Кара-Су и Коный устраиваем обед на стоянке плановиков. Мощные тропа и кострище, в кустах – гора консервных банок и перевёрнутое проржавевшее ведро.

Из зимы с её снегом и холодом мы прибыли в знойное лето. Повеселели. Разделись до пляжного вида. Все мокрые и не очень мокрые вещи, включая палатки и спальники, разложили на солнышке.

Мы с Лёшей моментально развели костёр и сварили обед. На это ушло всего минут двадцать. С теплом появились и клещи. Первого обнаружил Женя Беляев, второго – я.

Отдохнуть практически не удалось, передышка оказалась короткой, несмотря на то что хотелось и поспать. Требовалось скорее идти вперёд, навёрстывать упущенное время.

Пообедав, упаковали рюкзаки, но произошла задержка: Филиппов вёл разговор о провизии с Мельниковым и Шуркевичем. Последний – завхоз в нашей группе.

Похоже, руководитель был крайне недоволен раскладкой продуктов. Когда мы двинулись, Михалыч решил идти замыкающим, и его необычно злое лицо видел каждый, кто его обгонял. Мне стало не по себе. Если у руководителя похода такое настроение, то не жди добра.

Лёша выглядит неважно. Небывалые для него нагрузки, история с раскладкой и недоброжелательное отношение к нему некоторых участников, в особенности Верки, делают своё дело. Он, похоже, совершенно измотан.

На первой же передышке большинство походников задремало. Собрался подремать и я, но в это время подошёл Филиппов. Он выглядел теперь как всегда полушутливо и был в хорошем настроении. У меня отлегло от сердца.

Накапливался недосып, и на каждой остановке мы стремились хотя бы чуть-чуть поспать.

Но вот снова идём по мокрому снегу вверх. Подъём крутой, отдыхаем через каждые двадцать минут. Явно перевал не проглядывается, продвигаемся наобум, а затем по медвежьим следам.

Когда мы наконец-то выбрались на водораздел, то сразу же приободрились: к дереву прибитая железная табличка с цифрами «77». Следы медведя вывели нас точно на Акса-Азканский перевал, где проходит плановая тропа 77-го маршрута. Спуск с перевала ведёт к реке Акса-Азкан.

Вначале было круто, заснеженно, с угрозой схода мокрой лавины. Чтобы её не подрезать, Михалыч предложил оригинальный способ прохождения опасного участка. Велел достать весь имеющийся у нас полиэтилен и положить на него рюкзаки. Затем, придерживая, кое-где подталкивая и опираясь на них, бежать рядом.

Когда более половины группы выbralось на безопасный участок, несколько человек наверху прямо над нами решили ускорить спуск, не подозревая, что впереди снежная крутизна с большим перепадом высоты. Усевшись на рюкзаки, они «паровозиком» поехали вниз. Увидев это, Филиппов аж подскочил:

– Ну, всё, б..., сейчас спустят лавину! Э-э-э! – заорал он изо всех сил. – Прекрати-и-ить!

Безобразие было моментально прекращено.

– Александр Михайлович, а вот я читал, что лавину можно вызвать и громким криком тоже?

– Смотря какую, – отвечает мне Филиппов, – вот здесь хоть сирену можешь включить, и ничего не будет – снег мокрый, а подрежешь его, слетит и так утрамбуется, что стамеской потом тебя выколачивать...

Останавливаемся на ночёвку на первом же удобном месте в зоне леса. Тяжёлый был сегодня день, зато взяли целых два перевала.

Несмотря на обилие дров, костёр никак не хотел разводиться. Поленья были слегка сыроваты, а мы сидели в каком-то непродуваемом месте. В конце концов, в процесс вмешался Филиппов:

– Ну что, сделаем по-таёжному, – произнес он, разбирая сложенный дежурными «колодец».

Выбрав три самых толстых обрубка, Михалыч сделал топором на них зачёсы, затем уложил эти поленья вплотную друг к другу на кострище. Настрогав стружек и щепок, он бросил их кучкой сверху и поджёг. Постоянно поддувая, он подкладывал всё более крупные щепки, пока не образовались угли, на которые он переложил сверху одно из поленьев. Через некоторое время костёр полыхал на славу.

Ужинали уже в темноте, и кто-то съел четыре кусочка сахара, предназначенные Филиппову.

– Дежурный, выдайте сахар! – возмутился он, и Шуркевичу пришлось доставать новую пачку.

Сегодня петь под гитару не хотелось. Устали...

14 мая 1978 года

Спустившись до основного русла реки Акса-Азкан, мы повернули влево и начали подниматься. Все обратили внимание на резкое изменение рельефа. Он стал более суровым.

Долго мы шагали вдоль реки, пока не начала просматриваться граница леса. Остановились на обед у готового кострища на довольно скудной каменной площадке.

Дежурить должен был Филиппов, однако, взяв в руки карту, он так долго её рассматривал, что тем самым уступил своё дежурство добровольцам, одним из которых была Оля.

Неожиданно руководителя осенило:

– Да вот же в чём дело! Просто карта у нас такая... неправильная! – воскликнул он и наконец обратил внимание на поставленную рядом с ним миску с супом.

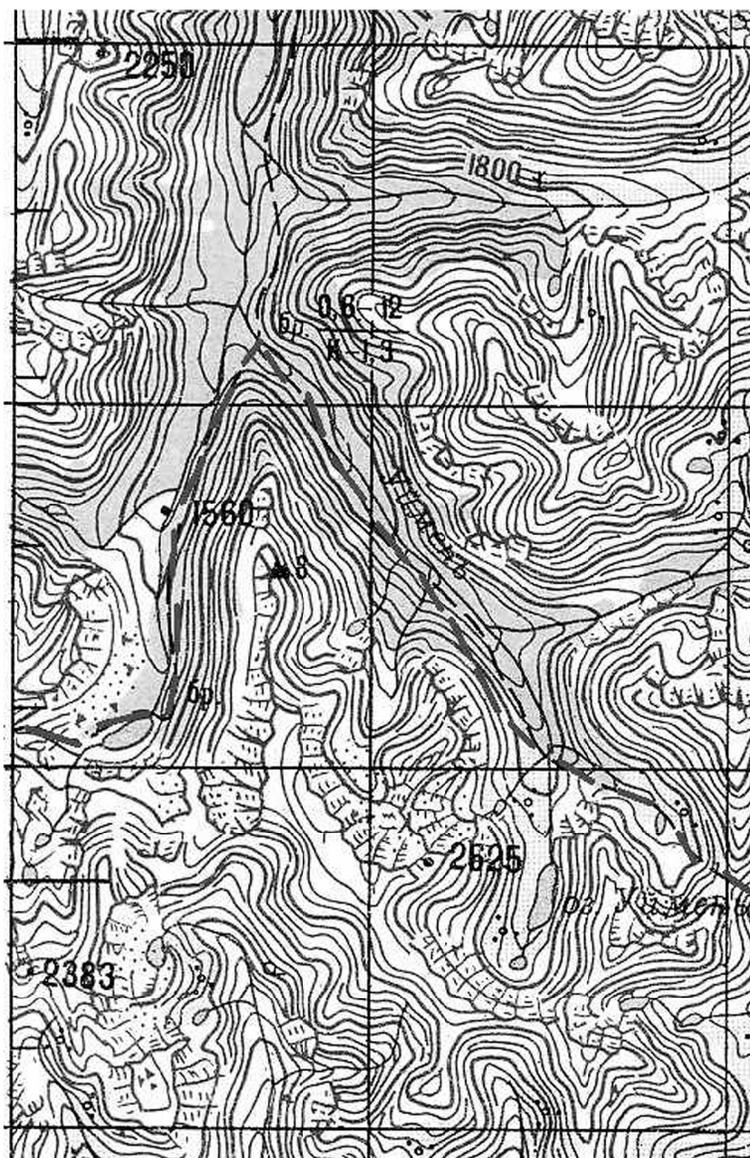
Примерно через час после обеда мы попадаем в красивый ущелок со спущенной лавиной на противоположной стороне. Невольно любуемся открывшимся видом.

Уйменский перевал оказывается несложным, через него идёт хорошая тропа. Съев традиционный шоколад, начинаем спускаться, и скоро перед нами открывается завораживающая картина Уйменских озёр. Красотища! Это означает, что, несмотря на обилие снега в горах и отсутствие точной карты, мы идём правильно.

Впрочем, наша карта представляет собой вполне приличную километровку-гидросхему, но она обрывается рекой Уймень. А вот на остальную часть пути у руководителя почему-то вообще нет карты. Остаётся одна туристская схема с описанием 77-го маршрута, ориентироваться по которой крайне сложно. Михалыч же, видимо, рассчитывал на наличие хорошей плановой тропы, несмотря на межсезонье.

Согласно описанию, самой высокой точкой в пути является перевал через Сумульгинский хребет под названием Штатив. На нём под ногами должны характерно похрустывать оригинальные камешки – «сухарики». А сейчас мы каменной тропой спускаемся к Уйменским озёрам.

Становится явно теплее. Приближаемся к стоянке на самом красивом и живописном месте маршрута. «В Уйменских озёрах водятся хариус, таймень и другая рыба», – читаем в описании. Всё ближе и ближе великолепные озёра. Тёмная вода подсказывает, что здесь огромная глубина.

Фрагмент карты. Верховья реки Уймень

Выходим на кромку озера. Мелкая рыба разбегается по поверхности прочь от берега. Вот стоянка плановиков. Группа Аляева располагается в их пустом фургончике. Мы же ставим палатки.

Снова очень тепло, хочется спать и есть. И тут послышалась... трель соловья. Чудо какое-то!

– Варите побольше, – говорит Верка Хвоина, – толпа голодная. «Мы не толпа, а туристская группа», – подумал я, но промолчал.

Засыпая, я подумал, что, может, это и не соловей, но очень уж похоже...

15 мая 1978 года

Утренний пейзаж прекрасен. Озёра, обрамлённые заснеженными вершинами гор, дышат спокойствием и величием. Но безмятежности не чувствую. Во-первых, здорово отстали по времени, во-вторых, обнаружили просчёты с продуктами, которых оказалось взято меньше, чем требовалось.

Вчера на Уйменском перевале мы вытащили из тура записку туристско-лыжников, которые два с половиной месяца назад проходили здесь маршрут второй категории сложности. «Направляемся в посёлок Уймень», – говорилось в записке. Появилась возможность с учётом всех обстоятельств сократить наш путь, завершив его в этом населённом пункте. Многозначительно взглянув на Михальча, я спросил:

– Посёлок Уймень – это где?

– Вниз по реке, – спокойно ответил Филиппов, – нам туда не надо.

А контрольный срок-то у нас, как я понимаю, 21 мая. Значит, руководитель хочет во что бы то ни стало пройти всё, что запланировано. Ну что ж, ему видней...

Каждый раз, спускаясь с очередного перевала, мы попадаем в долину, не похожую на предыдущую. Каждый раз на перевале нас ждёт зима, снег, а после перевала – сначала весна, потом лето. Такая стремительная смена времён года вызывает у всех восторг.

Дойдя до первого достаточно крупного притока реки Уймень, сворачиваем к нему и начинаем подъём. В этот раз снега значительно больше, чем обычно. Мы сильно сомневались в правильности выбранного пути, и Филиппов долго рассматривал схему 77-го маршрута.

Тропка проглядывает только там, где вытаяла, и приходится ходить вверх-вниз по склону в её поисках. Особенно серьёзные нагромождения снега возникают под перевалом, здесь о тропе нет и речи.

Шагая первым, я вырубал своими вибрами ступени на крутом снежном склоне. Из каких-то соображений Филиппов крикнул, чтобы я шёл левее, казалось бы, не к самому низкому месту. Но в этот раз его интуиция сработала верно, и вскоре мы стояли у тура Караса-Азканского перевала. Впереди нас ожидал спуск к широкой заснеженной долине реки Караса-Азкан.

В этот день топали без обеда. Перед перевалом обедать было негде, после перевала мешал снег, а потом стало просто поздновато.

Теперь тропёжкой занимались только двое: Андрей Изотов и я. Шуркевич был совершенно измотан. Беляев наотрез отказывался: стёрты ноги. Я же стремился доказать, что чего-то стою, и зачастую не только шёл первым по рыхлому снегу, но ещё и значительно отрывался от остальных участников. И тропил, тропил...

Во время одной из коротких передышек Лена Шибаева, посмотрев на меня с уважением, предложила:

– Хочешь конфету?

Отказался. Но такое отношение Лены было неожиданным и очень приятным. Вообще интересный человек Лена, она с парнями запросто общается так же, как со своими подругами, и при этом – никаких ухажёров.

Шуруя впереди всех, я не испытывал особой усталости. Меня не покидало приподнятое настроение. А вот дефицит сна ощущал. Недосыпание накопилось у всех участников, и это чуть было не привело к непоправимым последствиям.

Дело было так. Остановились передохнуть. Я тоже уселся на рюкзак среди заснеженного кустарника, затем, уронив голову на колени, задремал. И тут случился переполох. Открыв глаза, понял: произошло что-то неладное. Оказалось, что среди нас нет Андрея Изотова. Тут же гонцы отправились назад по следам на снегу.

Произошло же следующее. Во время одной из остановок уставший Андрей, натянув капюшон штормовки на голову, сел на свой рюкзак немного в стороне от остальных и... крепко уснул. Обе группы, передохнув, двинулись дальше, не заметив потери.

Через сорок минут мы остановились на отдых. Я снова пошёл тропить, через пять минут двинулись остальные. Продираясь сквозь снежную целину, старались идти как можно быстрее. И только во время следующей остановки кто-то, к счастью, заметил, что нас на одного меньше...

...Проснувшись, Андрей обнаружил, что остался один среди заснеженной тайги. Сколько времени прошло? Неизвестно. Сообразив, в чём дело, он вскочил, накинул рюкзак и побежал по нашим следам.

А если бы позёмка? А если бы дикие звери?

Стал кричать изо всех сил, но никто не откликнулся. Побежал быстрее, но вскоре выдохся.

Останавливался, кричал, снова бежал, снова кричал, но – ни звука в ответ. Поняв, что товарищи далеко, он не на шутку перепугался, но всё же упорно шёл и шёл. Временами останавливаясь, кричал, вслушивался и снова шёл. И только часа через полтора, не веря своим ушам, он услышал голос Сергея Ульянова, который громко скандировал:

– Ан-дрей, Ан-дрей!!!

Наконец-то мы все вместе! Первые секунды Андрей растерянно улыбается и не может вымолвить ни слова. Наконец говорит, как бы порицая себя:

– Хреново...

Но все радуются такому исходу и в ответ только смеются.

Чем ниже мы спускаемся по Караса-Азкану, тем снега становится меньше, а смеркается всё быстрее. По описанию, поворот налево должен быть «по вто-

рому крупному притоку», но то ли в описании неточность, то ли понятие «крупный» – слишком относительное!

Когда остановились у второго притока, Михалыч отправился на разведку. Кадет диктовал мне пародию на песню Высоцкого «Здесь вам не равнина...». Ульянов, повредивший в начале похода палец на левой руке, пытался научиться зажимать струны другими пальцами. И тут появился Филиппов:

– Ну, что! Ни по одной, ни по другой стороне притока тропы нет. Идём дальше!

Это был тяжёлый день, впрочем, как и все предыдущие, но сегодня мы ещё и не обедали. Пройдя ещё километра полтора, нашли удобное место для ночлега.

Пока дежурные готовили ужин, Михалыч предложил мне с кем-нибудь сходить на разведку. Я выбрал безотказного Сергея Ульянова. Сергей – весёлый, добродушный человек, похоже, вообще не умеющий обижаться.

Когда мы с Промом шли вниз вдоль реки, я с интересом разглядывал открывающуюся перед нами картину. Покрытые массивными снежными шапками, горы выглядят грандиозно! Не так, как раньше. Долина реки Караса-Азкан оказывается более мощной и широкой, чем пройденные ранее долины. Вечернее солнце раскрашивает ландшафт в цвета и оттенки картин Рериха.

Спустившись километра на три от места ночёвки, наконец-то видим слева крупный распадок. Приток вроде бы соответствует описанию, но хорошей тропы мы не обнаруживаем. Полной уверенности, что это наш поворот, нет, но ниже спускаться бессмысленно: либо это то, что нам нужно, либо мы проскочили мимо, что маловероятно. Остатки сил тратим на подъём к группе.

Стемнело. Ужин приготовлен.

– Разведчикам налить побольше! – предлагает кто-то из темноты.

– Ничего подобного! – вдруг раздаётся строгий голос стажёра Мельникова, который пытается сохранять командирский тон.

Дежурный Коботов, которого друзья чаще зовут по отчеству – Ардальоныч, всё-таки наливает нам по полной миске.

Коботов и его друзья, Дерябин с Ульяновым, – спелеотуристы. Дружная, слаженная компания, чувствуется, что они немало походили вместе.

Суп из лапши с тушёнкой густо заправлен томатной пастой. Но усталость так велика, что даже при отсутствии обеда я еле доедаю свой ужин. Непреодолимо хочется спать.

Забравшись в спальник, успеваю подумать: «Тот приток мы нашли или не тот?» – и моментально засыпаю, даже не заметив, что палатка поставлена неудачно: голова – ниже ног...

16 мая 1978 года

Проснувшись, не сразу понял, что и я, и мои товарищи по палатке выглядим несколько необычно. Если выразиться помягче, мы слегка опухли. Напялил на голову свой снежный шлем, и Света Курбакова сообщила, на кого я стал похож... Впрочем, когда, накинув рюкзаки, мы отправляемся вниз по Караса-Азкану, наш внешний вид очень быстро приобретает нормальное состояние.

Е. Шибеева и Б. Скворцов (опухший)

Доходим до того самого распадка, где вчера были с Промом, и поворачиваем в него. Хорошо утоптанной плановой тропы мы так и не видим, а вот снежок, который всё чаще попадает под ногами, скоро укрывает и те тропки, что вначале просматривались.

Михалыч, время от времени поглядывавший на схему 77-го маршрута, вдруг скомандовал:

– Лезем влево вверх!

И когда мы начали вскарабкиваться по крутому склону, хватаясь за кустарники, он весело крикнул:

– Ха! Пятнадцать минут работы, и мы на перевале!

После этого лезли вверх полтора часа, потом после небольшого отдыха – ещё час. А когда оказались на самом гребне и посмотрели за него, то стало ясно, что мы находимся на водоразделе между двумя верхними притоками реки

Караса-Азкан. Сваливать туда означало попасть в те верховья, по которым прошли вчера, и Михалыч распорядился:

– Ну, что! Траверснём?!

Идти по самому верху водораздела мы не захотели, потому что пришлось бы набирать ненужную высоту, а затем её терять. Просто двинулись траверсом по склону, который был весьма крут, и, сорвавшись, по нему можно было, между прочим, долго катиться вниз, расшибаясь о камни.

Вскоре вышли на снег, в котором нога проваливалась кое-где по самое не хочу. При этом нужно было помнить, что задержаться при падении на крутом снежном склоне гораздо труднее, чем на травянистом.

В одном месте я провалился и упал, но не покатился, а удачно завяз в снегу. Рядом со мной то же приключилось с Мельниковым. В другом месте попала здоровенная каменная глыба, которую Вера хотела использовать в качестве опоры, но, с ужасом ощутив, что глыба «живая», рванула прочь от опасного места.

Через некоторое время мы выходим на поперечный гребешок, с которого открывается кусочек панорамы Сумультинского хребта. Впереди, в самом верху притока, виднеется красивая седловинка. Филиппов, посмотрев на схему, говорит, что это не то, что нам надо, под перевалом должно быть озеро. Он командует лезть вверх в лоб, и часа через полтора мы попадаем на гребень. Метрах в двухстах проглядывает что-то похожее на перевал.

Останавливаемся для передышки, а затем Михалыч и я, вооружившись основной верёвкой, идём на рекогносцировку.

Сначала Михалыч, глянув за перегиб, кричит:

– Всё в порядке, внизу Караташ.

Затем он бормочет:

– Что-то сложноватый перевал для плановиков-то...

Он поручает мне страховку, обвязывается и приспускается за перегиб, исчезая в расщелине. Ребята орут с места остановки:

– Ну, что у вас там?!

– Вроде, перевал, – отвечаю, стараясь не отвлекаться.

Впереди, куда тянется верёвка к Михалычу, очень круто.

– Выбирай, – угадываю его голос.

– Странно, да здесь категория «2Б», – с такими словами появляется Филиппов. Взглянув ещё раз на схему, он вдруг начинает отрывисто и насмешливо исторгать жуткие ругательства в адрес этих гор, попутно сообщая, что реки за перевалом текут не в ту сторону.

– Э-э-э!!! – орёт Филиппов группе. – Айда сюда!

Ребята идут к нам, прихватив мой и Михалыча рюкзаки. Точнее сказать, мой-то – за спиной у Шуркевича. У Лёши неудобный рюкзак, к тому же пра-

вильно укладывать его он пока не научился. Сначала я помог Лёше упаковаться, а затем и вовсе с ним временно поменялся.

У меня рюкзак такой же, как у Мельникова, по десять рублей восемьдесят копеек, не очень объёмный, но удобный.

Проходим ещё немного траверсом. Внизу появляется озеро, и становится всё ясно.

Подъём на перевал Штатив

Надо было просто двигаться по руслу до самого верха притока, а затем оттуда брать перевал в лоб. Это несоизмеримо легче и проще только что проделанного пути. Вот тебе и «пятнадцать минут работы»! Теперь же ничего не остаётся, кроме продолжения пути по склону до перевальной точки.

Мы были почти на перевале, и тут вдруг впереди идущие, не дойдя несколько метров до тура, упали наземь, как подкошенные. «В чём дело?» – удивился я, и в тот же миг был буквально сбит с ног сильнейшим порывом ветра. «Ничего себе!» – подумал, прижимаясь щекой к склону.

Так все пролежали несколько минут, пока ветер не ослаб. Затем почти ползком преодолели перевал через Сумультинский хребет, так и не обнаружив обещанных «сухариков» под ногами.

На этот раз мы ели шоколад не на самом перевале, а немного за ним, прячась от ветра. Тут же Аляев наконец-то разгрузил Свету Курбакову, которая уже дня два страдала ангиной. Я поделился с ней своей долькой шоколадки, а Света этому очень удивилась.

– Шоколад съели? – вдруг спросил Филиппов, до этого разглядывающий открывшуюся за перевалом картину, и тут же добавил:

– Эх, зря! Надо было на НЗ оставить... Кстати, вы заметили, что сзади нас всюду снежные шапки, а по ту сторону хребта вообще нет снега?

Да, впереди снег отсутствовал, и все приободрились. Легче будет ориентироваться.

Потеряв из-за отсутствия точной карты и обилия снега много времени, встали на ночёвку, как только вошли в зону леса. Сегодня снова не обедали, но зато преодолели самый высокий перевал маршрута – Штатив. Оставалось взять перевалы Самурлу, Казакталма, Чакрык, Таныс и по Ачелманскому спуску дойти до посёлка. Судя по описанию, мы уже прошли большую и самую трудную часть пути.

Засыпая, я подумал, что про НЗ Михалыч вспомнил неспроста...

17 мая 1978 года

Наутро мы так и ахнули. Всё вокруг было в снегу! Снег лёг ровным слоем на палатки. Снег покрыл и горы, и долины, и деревья. Значит, ориентироваться и идти будет ничуть не легче. Все тропы и тропки безнадежно исчезли – во круг расстилалась снежная скатерть.

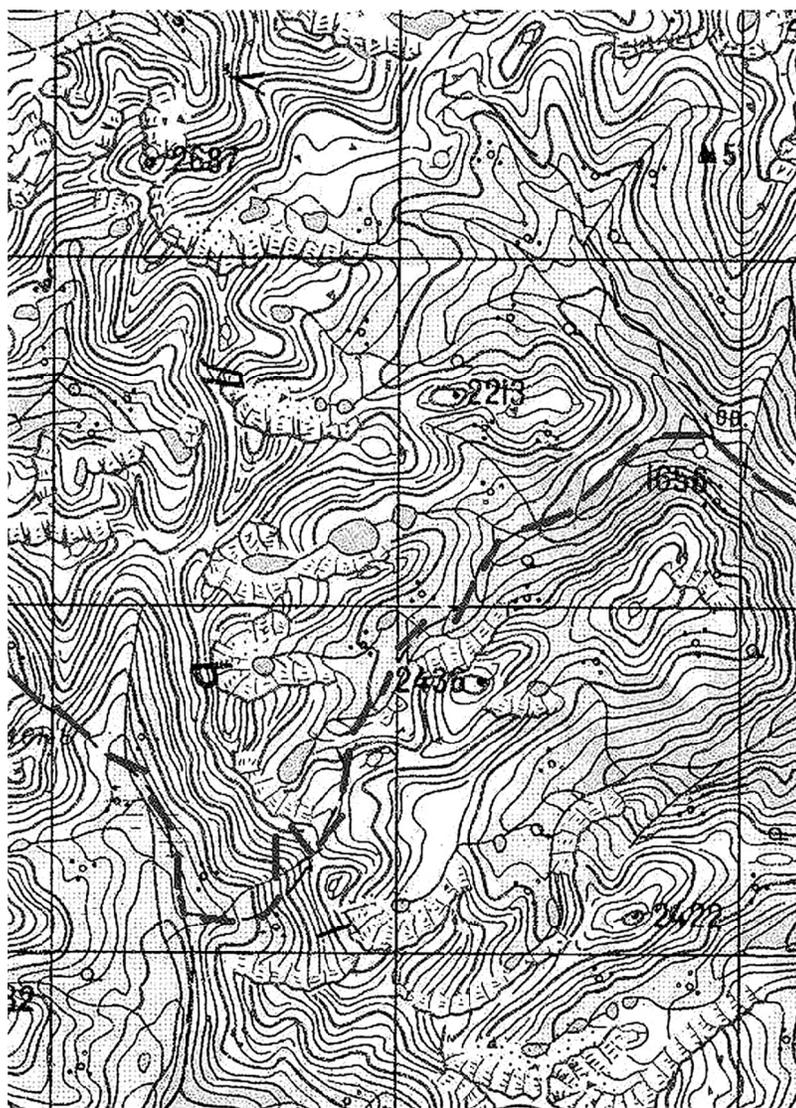
Сначала спускались по кромке Уй-Караташа, поросшей мелким кустарником. Потом, попав в береговой лес, пошли по нему. В поисках прохода петляли, то приближаясь к реке, то удаляясь от неё.

Река Уй-Караташ не похожа ни на одну из пройденных рек. С невероятной скоростью и грохотом несёт она свои воды, свирепо перекатывая камни. Эту реку я мысленно окрестил Зверюгой. О бродах нет и речи. Утешает лишь то, что мы следуем вниз левым берегом и свернуть потом должны тоже налево.

– Уй-Караташ означает «Ай-да-Караташ!», – нараспев говорит Филиппов, глядя на беснующуюся реку. Теперь мы идём по следу козлика, предполагая, что козлик умный и что пробежал он именно там, где надо.

– Ну, что, – рассуждает Михалыч, – дойдём до притока, и там – на обед. С разрешения руководителя иду вперёд, не дожидаясь остальных. Шагаю с твёрдой решимостью дойти к предполагаемому притоку и развести там костёр до прихода группы.

Скоро следы козлика начинают уводить куда-то влево, и я, заметив зарубки на деревьях, ориентируюсь по ним. Зарубки встречаются не слишком часто. Поэтому, один раз выйдя прямо к бешено ревущей реке, был вынужден развернуться и пройти метров пятьдесят назад.

Фрагмент карты. Сумультинский хребет в районе перевала Штатив

Дальше иду вдоль реки, радуясь каждой очередной зарубке. Они означают, что здесь проходит какая-то тропа.

А вот появляется слабый приточек. «Нет, не то», – думаю я и, обернувшись назад, кричу:

– Эй-э-эй!

Никто не отзывается. По-видимому, я здорово оторвался от группы. Стал осматриваться.

Мелкий-мелкий снежок, сеющий с неба, не даёт что-либо разглядеть. Уй-Караташ ревет где-то невдалеке. Гляжу вперёд в надежде увидеть нужный приток или хотя бы намёк на него, но тщетно.

Все должны идти по моим следам. Сбросив рюкзак, отправляюсь назад. Через некоторое время встречаю остальных и интересуюсь, правильно ли я иду.

– Да-да, всё правильно, – отвечает Филиппов, – там только один раз ты явно вышел к реке и повернул назад.

Группа сильно растягивается, и, прежде чем идти, я дожидаюсь последнего, помня о том, как однажды уснул Андрей Изотов. Однако всё в порядке, и я снова вырываюсь вперёд.

Река Уй-Караташ

Через некоторое время догоняю самых первых – Серёгу Дерябина и Володю Коботова. Они, скинув рюкзаки, уже разводят костёр на снегу.

– Зачем?! – воскликнул я, – давайте дойдём до притока!

– И снова останемся без обеда! – горячо отозвался Коботов.

– Но приток, наверное, близко!

– Да ну! – снова горячо возразил Коботов и спросил ехидно: – Пятнадцать минут работы, да?

Решив, что спорить бесполезно, не снимая рюкзака, жду всех. Костёр никак не хочет разгораться, а тем временем подходят остальные участники.

– Михалыч! – обращаюсь я к руководителю. – Может, всё-таки дойдём до притока и там пообедаем?

Но Филиппов возражает:

– А чем это место плохо? – отменяя своё же решение. И мы располагаемся на обеденный отдых.

Снег пошёл крупными хлопьями, затем снова превратился в изморозь. Наконец-то удалось развести хороший костёр, и в котелках забурлила вода. Рюкзак, и без того подозрительно лёгкий, стал ещё легче. Потом костёр догорел, образовав в снегу яму до земли.

После обеда вначале попадались знакомые зарубки на деревьях, затем дорогу преградил бурелом. Однако широкая долина реки Уй-Караташ позволила обойтись без лазанья по крутым склонам.

Тропили в основном попеременно я и Изотов, опережая Михалыча, который шёл третьим. После очередной передышки попробовал тропить Шуркевич, но быстро выдохся. Уныние по-прежнему преследовало его. Похоже, путешествовать продолжало быть для Лёши в тягость.

Чтобы посмотреть на реакцию, я предложил Жене Беляеву:

– Ну что, вперёд, твоя очередь!

Тот безапелляционно замотал головой: стёрты ноги. По-прежнему идём с Андреем Изотовым впереди всех. Не сговариваясь, время от времени меняемся местами. Это у нас вызывает некоторый дух соревнования, что весьма кстати при имеющемся цейтноте. Иногда шагаем рядом, рассказывая друг другу анекдоты, и в одном месте кто-то, забежав вперёд, сфотографировал, как мы от души смеёмся.

Достигли вроде бы нужного нам притока, и ещё часа два посветлу можно идти. Но снег повалил хлопьями так, что ориентироваться становится совершенно невозможно, тем более без нормальной карты.

Изображённый на схеме приток мало походит на то, что мы видим перед собой на местности. Локальная разведка успеха не приносит: ничего не видно, и снег по колено. Берег притока круто спускается в воду. Как перебираться на противоположный, более пологий берег, сейчас непонятно, и руководитель принимает решение:

Б. Скворцов и А. Изотов. 17 мая 1978 года

– Останавливаемся на ночёвку где-нибудь здесь!

Мало сегодня прошли, а сколько ещё осталось?..

– Ничего, всё равно до 21 мая мы придём, – успокаивает Михалыч и повторяет, – до 21 всё равно придём!

Падает снег. Окружающая нас природа совсем не напоминает календарный май. Наступила настоящая зима.

Утопая в снегу, рубим лапник под палатки, разводим костёр.

– Эй, берегись! – слышу я и вижу такую картину: Жутяйкин невозмутимо роется в своём рюкзаке, на него так же невозмутимо падает подрубленная тонкая осина. Услышав крик, он распрямляется, и в этот момент осинка попадает точно ему на голову. Володя делает треугольные глаза, ничего не понимая. К счастью, удар производит на Жутяйкина исключительно эмоциональное воздействие.

Жутяйкин, как и Шуркевич, первый раз в серьёзном походе, но Володя более спортивен, и ему полегче, хотя почему-то его не переваривает Света.

Поужинали. Забравшись в палатки, обложились тёплыми и не очень тёплыми вещами. Засунули ноги в пустые рюкзаки – так теплее.

Смёрзшиеся петли палатки застегнуть не удаётся. Михалыч шуршит в спальном мешке, в очередной раз перезаряжая кинокамеру.

С. Курбакова и А. Филиппов. Стоянка на реке Уй-Караташ

Неопределённость.

Позади десять дней после выхода. В этот срок Филиппов хотел уложить весь маршрут. Пока же и конца не видно. Сколько дней до контрольного срока? Четыре, что ли? ...Да, многогранный у нас поход получается, но, видимо, так и надо. Ведь из нас готовят инструкторов туризма, а не просто путешественников. Чем больше уроков, тем потом будет легче...

За десять дней в тайге мы, похоже, адаптировались к резким изменениям климата. Ни снег, ни холод не помешали нам моментально заснуть.

18 мая 1978 года

Следующий день нас встречает ярким весенним солнцем, но снег не тает. Заснеженные кедры выглядят по-зимнему сказочно.

Мы отправляемся влево вверх по кромке притока реки Уй-Караташ. Утопая выше колен в снегу и невольно жмурясь от сверкающего на солнце снега, продвигаемся очень уж медленно.

Впереди должен быть перевал Самурлу, но приток не соответствует схеме, поэтому возникают серьёзные сомнения в правильности пути.

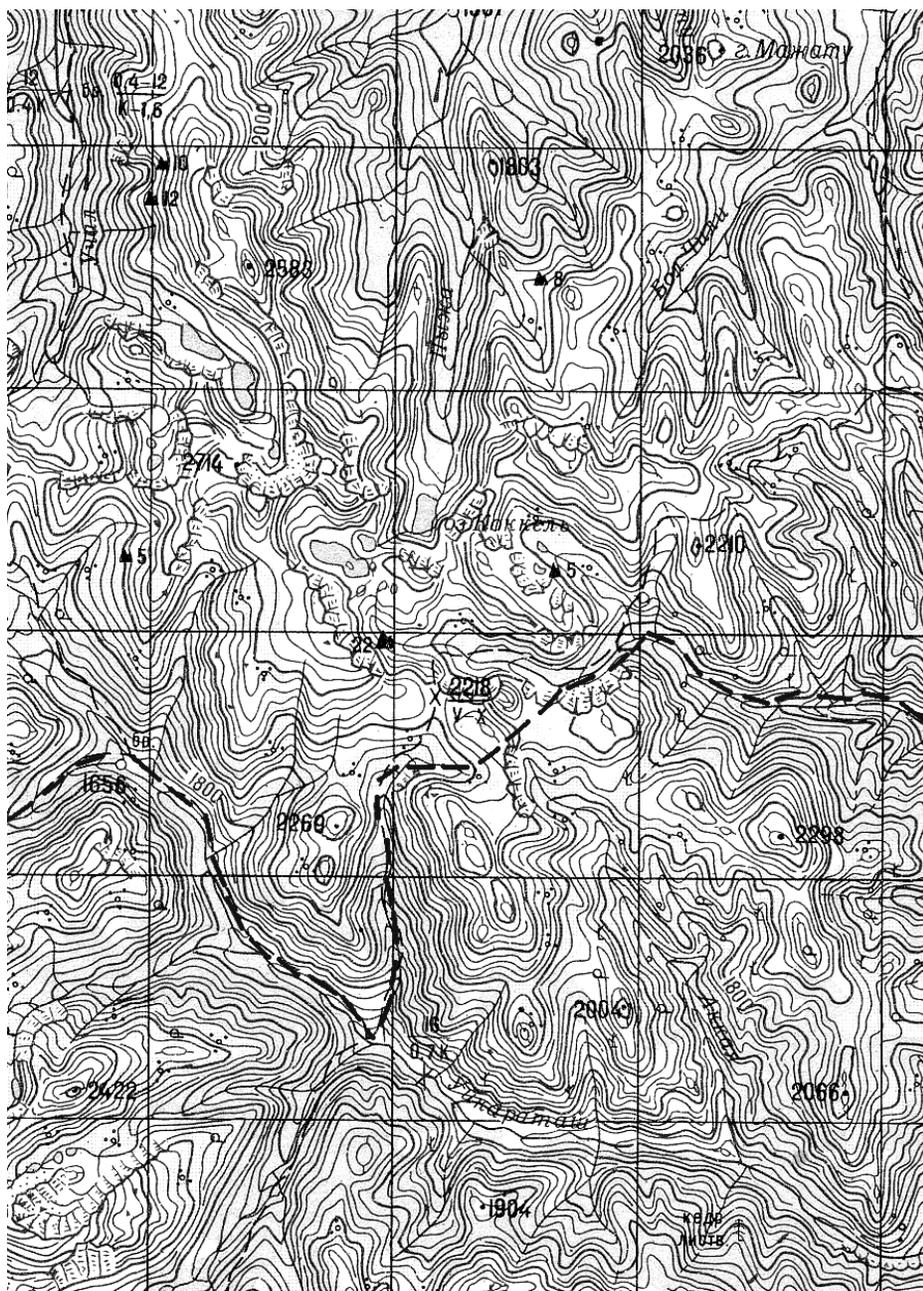
Реки Уй-Караташ и Самурлу обозначены параллельно друг другу, и кто-то предлагает:

– А может, перевалить в любом месте?

Но этого делать нельзя – неизвестно, что там за склоны.

Шагая первым, я по камням пересёк приток и пошёл справа от него по пологому участку. Но следовавший за мной участник почему-то этого не сделал,

и все двинулись за ним по неудобному для продвижения берегу. А зря! В результате на границе воды я вынужден был ждать всех целый час! Ругался про себя, но ускорить их продвижение не мог. Время, время...

Фрагмент карты. Р. Уй-Караташ – р. Самурлу
(... а перевал остался слева)

Лишь спустя два с небольшим часа мы оказываемся на верху водораздела, не понимая, почему на обветренной от снега каменистой почве тропки прорисованы почти перпендикулярно нашему движению, наперекосяк, параллельно открывающейся за перевалом реке. Сама же река, в свою очередь, течёт почти перпендикулярно заданному туристской схемой направлению.

Может быть, поднялись не по тому притоку? Михалыч, махнув рукой, командует:

– Режем прямо к реке!

Очередная ошибка! Следовало уходить влево, обходя верховья правых притоков реки Самурлу. Именно там шла скрытая снегом плановая тропа.

А. Изотов. Подъём на перевал Самурлу

Я быстро спускался первым, но делал слишком широкие шаги, поэтому остальные участники по моим следам не пошли. Спуск тем не менее соответствовал описанию: очень крутой, но не длинный. Когда крутизна миновала, Филиппов, оглянувшись назад, с досадой произнёс:

– Опять промахнулись!

В самом деле, оказывается, перешли водораздел не в самом низком месте, а примерно в километре от него.

Подойдя к реке, устроились на обед. Солнце приятно пекло. Около берегового леса вытаяли зелёные лужайки, на одной из которых я улёгся и сладко задремал. Дежурные тем временем готовили супчик из «сублимути» и кисель.

– Айда жрать! – кричит Пром.

Открыв глаза, понял, что руководитель распорядился полностью объединиться обеим группам. Прежде всего это касалось провизии. И у нас, и в параллельной группе продукты были на исходе.

Михаил Мельников и Александр Аляев давно уже перестали командовать. Фактически уже несколько дней нами руководит один человек – Александр Михайлович Филиппов.

Постоянно хочется спать и, похоже, уже катастрофически не хватает ни времени, ни продуктов.

Когда я спросил у Мишки, куда мы сейчас пойдём, тот пожал плечами, мол, кто его знает. Михалыч же удивлённо отозвался:

– Как куда? Вниз по реке!

Но река-то ведь течёт не в том направлении... Хотя, может, это один из притоков, который выведет нас на плановую тропу?

Но что это? Снег кончился. Перед нами – узкий, мрачный распадок, сильно заваленный буреломом.

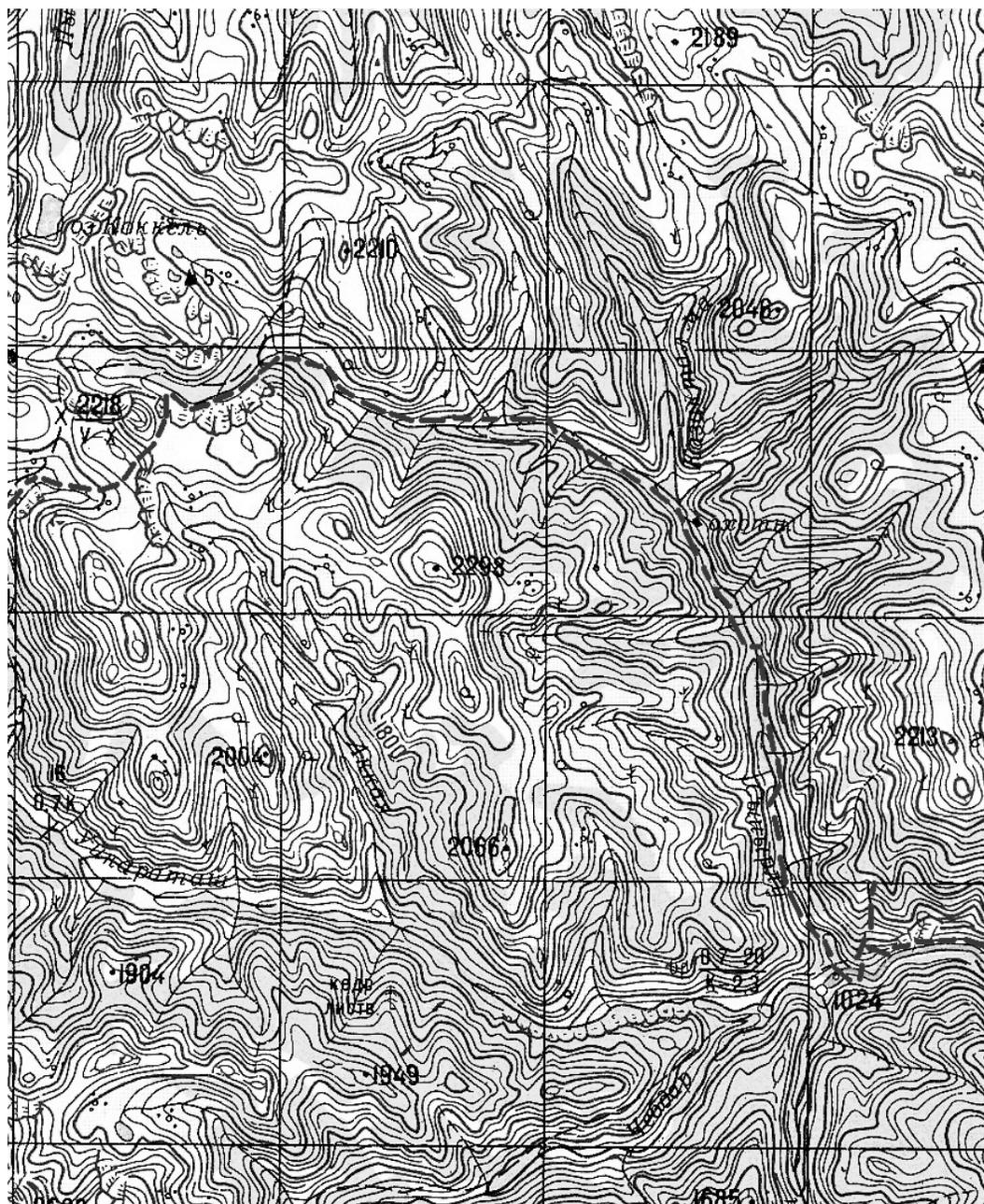
Кажется, мы на перевале Самурлу. Фото А. Шуркевича

Пробираемся, то подлезая под валежины, то перелезая, то перешагивая. В результате идём ужасно медленно!

Сумерки уже заметно сгустились, когда приток наконец соединился с руслом, направление которого вроде бы совпадает с указанным на схеме. Но сколько времени потеряно на этом участке!

Чуть пониже устья притока лежит кедр, когда-то упавший прямо через реку. Сгоряча я сходу проскакиваю по этому дереву, не снимая рюкзака и даже не замечая, насколько здесь опасно.

Следующий участник, Ульянов, идёт без рюкзака, со страховкой, медленно и внимательно. Остальные переходят, держась за верёвочные перила, натянутые Промом, стараясь не глядеть на воду.

Фрагмент карты. Река Самурлу.
(Вместо того чтобы обойти верховья Самурлу, мы пошли вниз по реке)

Как же это я так прошмыгнул?!

И тут Вера Хвоина попросила меня:

– Сходи за рюкзаком Сергея, ему ведь ещё верёвку снимать.

Снова перебегаю быстро, почти не держась за перила, словно загипнотизированный.

Пошла Света Курбакова и... упала, к счастью, не выпустив перил из рук. Ей ободряюще кричали: «Ничего страшного!», пока она выкарабкивалась на дерево. После переправы кто-то признался, что неприятно было проходить по нему, особенно в конце, где струя била со страшной силой.

Идём в сумерках, но притока, по которому предстоит подниматься, всё нет. Проскочить его не могли. Может, эта река – не Самурлу? Ответа на последний вопрос не может дать никто. Я вижу: Михалыч весьма смущён. Сложив губы трубочкой и надув щёки, он смотрит то на схему, то на местность.

Давно пора становиться на ночёвку, но где найти для неё подходящее место? Каменистые, покатые участки на склоне, без воды, с рваными клочками снега не могут приютить уставших людей для ночного отдыха.

Почти совсем стемнело, когда мы спустились на небольшую площадку с камнями, где с грехом пополам можно было поставить одну палатку.

– Ну что... в принципе... – бормочет Филиппов, – в принципе...

Но и в принципе восстановить здесь силы за ночь практически невозможно. Руководитель пытается шутить:

– Ну что, сидячей, висячей ночёвки у нас пока ещё не было.

Никто не реагирует. Ситуация принимает серьёзный оборот.

И тут появляется Андрей Изотов.

– Михалыч! – невозмутимо говорит он, указывая вниз в темноту, – там что-то наподобие полуострова. Мы сходим разведем.

Изотов и Дерябин уходят на разведку, а остальные расчищают от камней скудную площадку. Но она не пригодилась.

Со стороны нашего склона протекает маленький рукав. На образовавшемся острове парни отыскали более или менее подходящее место для палаток. Не очень хорошее, но всё же вполне пригодное.

Располагаемся на ночь при свете костра. Поужинав, ложимся спать. Впервые ночуем так некомфортно, с камнями под пятой точкой и спиной.

19 мая 1978 года

На этот раз мы не выспались капитально! Однако если бы не Андрей, то могло быть гораздо хуже.

Мы двинулись левым берегом и постепенно стали подниматься над рекой. Хорошей дороги здесь не было, но то и дело проглядывали звериные следы, что почему-то вызывало некоторую надежду на появление тропы.

Чтобы хоть как-то развеселить народ, Михалыч вспомнил про своих знакомых туристов-водников, которые не в меру увлекались крепкими напитками: доплывают до очередного селения и – в сельпо. И так они отмечались во всех сельпо на своём пути. Кто-то попытался засмеяться, но это вышло несколько неуклюже.

Взглянув на дремавших от хронического недосыпания участников, Филиппов неожиданно предлагает:

– А что? Может быть, остановимся часа на два, поспим, а потом со свежими силами – до упора?

Кадет смотрит на руководителя, не понимая, шутит тот или говорит всерьёз. Беляев обрадовано вскидывает голову.

Ардальоныч, настороженно наблюдавший за разговором, с мягким укором произносит:

– Так мы нескоро в сельпо попадём.

Вовремя он это заметил. Предложение Михалыча было весьма заманчивым, а недосып – уже весьма существенным, и все крепко бы уснули, но, конечно, не на два часа, а до ночного холода, не иначе.

...Мы идём дальше. И вот мощный приток слева! Неужели наш?! Обследовав сотню метров, возвращаемся к основному руслу. Никаких признаков тропы! Да и по описанию нужный поворот мы давным-давно должны были проскочить.

За притоком – бестропье, бурелом, прижимы. В то же время на правом берегу просматривается широкая, поросшая лесом береговая кромка. Михалыч на страховке идёт вброд без рюкзака с шестом. С трудом перебравшись на другой берег, он быстро привязывает верёвку удавкой к дереву и исчезает в кустах.

Друзья-спелеологи Ульянов, Коботов и Дерябин активно берутся за налаживание навесной переправы. На противоположном берегу в одних трусах появляется Михалыч. Дрожа от холода, он разводит костёр.

Спелеологи же сработали очень оперативно. Им даже не пришлось возвращаться за основной верёвкой на левый берег. Репшнур был привязан таким образом, что переправившийся последним Дерябин, с силой дёрнув за него, освободил петлю, и основная верёвка была вытянута по воде.

Переправившись, тут же и обедаем, а руководитель принимает решение сокращать маршрут.

Из туристской схемы следует, что река Самурлу, сделав крутой изгиб, впадает в реку Чебдар, Чебдар – в реку Башкауз, Башкауз – в реку Чулышман, Чулышман – в Телецкое озеро. Населённый пункт Балыкча на Чулышмане недалеко от озера является конечным пунктом активной части нашего маршрута.

Решение идти до Балыкчи без перевалов вдоль рек ободрило всех участников. Возникло желание шагать и шагать без сна и отдыха. После всех пере-

житых приключений хотелось одного – скорее домой! К тому же оставалось очень мало продуктов.

На навесной переправе В. Хвоина

Пройдя солидное расстояние по нехоженной дикой тайге, мы были вынуждены снова переправляться на левый берег. Здоровенный кедр, сваленный ветром, позволил обойтись без веревок.

Уже в сумерках, сделав очередную навесную переправу, останавливаемся для ночёвки на вполне приличном месте, хотя и на краю обрыва.

Ночью лежащему с краю Михалычу показалось, что палатка его не удержит и мы свалимся с кручи. Он разбудил меня и потребовал поменяться с ним местами. Я не такой широкий, как Филиппов, и мне на краю спалось вполне комфортно.

20 мая 1978 года

За сегодня и завтра необходимо дойти до населёнки. Иначе...

Иначе после контрольного срока – переполох в институте, в маршрутно-квалификационной комиссии, тревожные звонки в контрольно-спасательную службу. Спасательские вертолёты вылетят на наши поиски. Будут подняты на ноги десятки людей.

Кровь из носу – надо дойти!

Наскоро позавтракав, мы двинулись правым берегом. Местами попадаете бурелом, но едва заметная тропка не прерывается. Вот только отклоняется она куда-то в сторону от реки.

Во время очередной передышки Ульянов уходит на разведку. Ждём его около получаса. Наконец он возвращается. Спешит, загорелое лицо блестит от пота.

– Ну что, дошёл?

– Дойти-то дошёл, но река далековато.

– А тропы там нет?

– Нет там никаких троп, но, похоже, сейчас идём параллельно реке, поэтому стоит так и продолжать.

Шагаем дальше. Тропка вроде бы снова приближается к речке. Ага, значит, всё правильно!

После сорока минут хода тропа резко поворачивает направо.

Стоп. Снова разведка. Жутяйкин уходит назад посмотреть, не пропущена ли развилка троп. После того как в течение двадцати минут он не возвращается, Дерябин идёт искать Жутяйкина, а Андрей Изотов отправляется вперёд по тропе.

Ждём-ждём – никого нет. Кто-то чертыхается: теряем драгоценное время. Кто-то собирается на поиски Дерябина и Жутяйкина, но большинство против. Ждём ещё полчаса. Куда же они все подевались?

Нарастает беспокойство.

Наконец-то появляется Дерябин, за ним Жутяйкин. На их лицах написано, что хороших вестей они не принесли. Так оно и оказалось. Теперь в шестнадцать глотков мы скандируем:

– Ан-дрей! Ан-дрей!

Никто не отзывается. Кричим снова. Эффект тот же. И тут мне слышится отдалённый крик.

– Тихо, тихо, – говорю я.

Все замирают и прислушиваются. Нет. Ни звука.

– Ан-дрей! Ан-дрей!

И тут уже все слышат далёкое:

– О-го-го!

Появляется Андрей. Быстро приближаясь к нам, сходу радостно и возбуждённо он сообщает:

– Там километра через два – здоровенная река! Надо идти прямо по этой тропе...

– А направление реки? – спрашивает Михалыч.

– С запада на восток, почти что точно.

Дождавшись Прома, ушедшего на «шхельду», бодрым шагом двинулись по тропе.

Через два километра мы остановились и замерли, поражённые открывшейся картиной. Мощная река с крутыми и высокими берегами, похожими на каньоны, стремительно несла свои воды на восток.

Постояв на краю обрыва, мы спустились к устью речки, по берегам которой пробирались последние два дня. Она впадала в большую реку, не делая изгиба, изображённого на схеме.

– На Караган выскочили? – озадаченно пробормотал Филиппов.

Река Караган – это, как и Самурлу, приток Чебдара, но впадает значительно ниже, следовательно, выскочить на него мы не могли. Тем более не могли так сразу вырваться и на Башкаус. Стало быть, большая река – это скорее всего Чебдар.

В любом случае по большой реке надо двигаться вниз, а для этого сначала требуется пересечь либо большую реку, либо малую. Решили делать навесную переправу через большую реку, так как на противоположном берегу виднелась хорошая поляна для обеда.

Первая тройка со страховкой пересекла Чебдар и разделилась. Двое стали разводить костёр, а третий начал налаживать навесную переправу. Потратив на неё около двух часов, мы достаём остатки продуктов для обеда.

И тут подходит Андрей Изотов, успевший сходить на разведку, и ликующе сообщает:

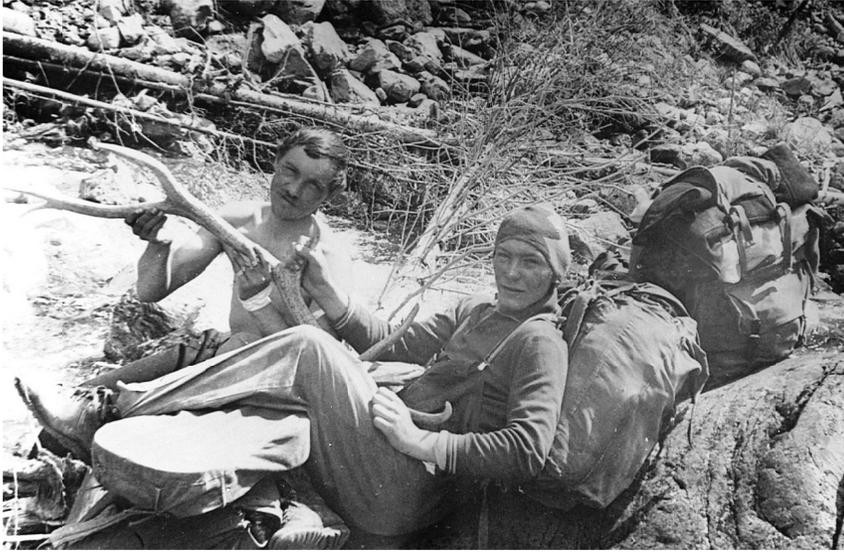
– Там дальше изба, конная тропа и цивильные мосты!

Это неожиданное известие вызывает взрыв восторга. Конная тропа от избы обязательно выведет нас в населёнку!

Ура!!! Конная тропа!!! Никаких буреломов и прижимов! Поход окончен!!!

Мы сидим и бурно обсуждаем наши приключения. Что и говорить, это было необычное путешествие. Кроме того, боялись опоздать к контрольному сроку, а теперь всё-таки успеваем!

Спелеологи зовут меня в осенний поход на пещеры. В сентябре, после Эрлагола.

У впадения Самурлу в Чебдар. Фото А. Аляева

– И я с вами! И я с вами! – кричит Верка Хвоина.

Восторг, охвативший нас, не даёт спокойно пообедать. Мы скоро будем дома!!!

Подкрепившись, мы отправляемся дальше, восхищаясь качеством дороги и близостью населёнки. Вот и крепкая таёжная изба. Рядом – лабаз, установленный метрах в четырёх над землёй. У избы лежит череп марала с мощными рогами.

Приостановились и решили: рога надо взять с собой. Реликвия. Рога не хотели отламываться до тех пор, пока Жутяйкин не догадался врезать обухом топора по черепу.

– Во! Говорят же: как дам в лоб – рога отклеятся, – свидетельствует Изотов, приторочивая их к рюкзаку.

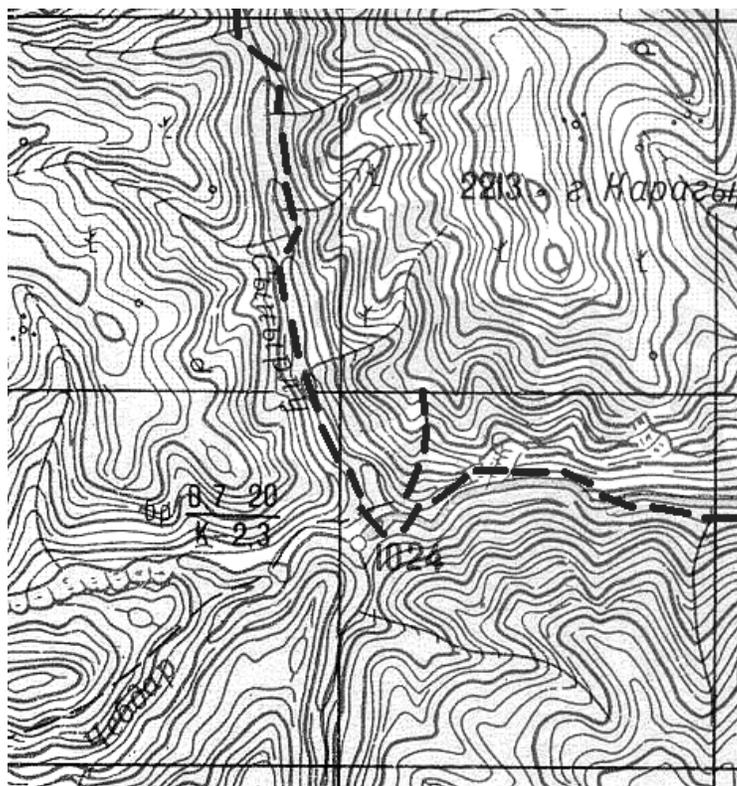
Добротню сколоченные мосты. Их три: по ходу с правого берега на левый, затем, обходя прижим, с левого на правый и снова – на левый.

– Думаю, до посёлка осталось километров восемь, – с удовлетворением отмечает Филиппов. Широкая утоптанная тропа серпантинном поднимается влево вверх. Следы конских копыт явственно проглядывают на ней.

Спокойно, с лёгким сердцем мы так и шагали, пока не выскочили на каменную осыпь среднего калибра, где тропа пропала. Прошли по осыпи, которая широченным руслом круто спадала к реке, и стали искать выход тропы из неё. Осмотрев изрядный сектор, следов не обнаружили. Значит, конники уходили куда-то влево, в сторону от реки, и Михалыч распорядился:

– Там внизу есть ещё одна тропа, пошли к ней, а то эта непонятно куда уведёт.

Как выяснится позже, это решение оказалось роковой ошибкой! У избы должен был стоять щит с надписью: «ХОДА НЕТ» и перечёркнутой стрелкой, запрещающей движение вниз по Чебдарскому ущелью. Почему щит в тот момент отсутствовал – неизвестно.

Фрагмент карты. Река Самурлу при впадении в Чебдар. Тропа, идущая вверх, потерялась на осыпи, и мы вновь спустились к Чебдару

Внизу действительно просматривается тропка, по которой мы и отправляемся. Оля Черновверская находит черемшу, и группа приостанавливается. Продуктов остаётся всего ничего, и мы собираем побольше черемши.

Часа через полтора встаём на ночёвку в шикарном месте. Спелеологи достают пакет, на котором написано: «Вскрыть в последний день похода».

Этот пакет ребятам вручили друзья на вокзале в Новосибирске перед отходом поезда. В пакете оказались шоколадные конфеты и записка с поздравлением по случаю окончания путешествия.

Отдых был безмятежен – завтра будем в жилухе.

– Так значит, Михалыч, совсем немного осталось? – с глаза на глаз спрашиваю я у руководителя.

– Может быть не так уж близко, – отвечает Филиппов. – Если всё рядом, зачем тогда лабаз?

Я залез в палатку и провалился в сон, глубокий, как бездонный колодец. Никаких смутных предчувствий у меня не было, впрочем, как и полной уверенности, что скоро мы дойдём до посёлка. Ясно было одно: завтрашний день должен стать последним днём похода. За ним – контрольный срок.

На дне Чебдарского ущелья

21 мая 1978 года

Завтрак в этот раз был необычный. Не суп, не каша, а... компот из оставшихся сухофруктов и черемша с аджикой. Заварили также остатки чая, который пили без сахара. Сухари закончились вчера.

Подкрепившись таким образом, мы двинулись дальше. Часа через два пришлось лезть в ледяную воду и, с трудом преодолевая течение, перебираться на правый берег Чебдара. Ещё через некоторое время – снова на левый. Мощные прижимы по обоим берегам тормозили наше продвижение.

На обед мы остановились, пройдя слишком уж мало. С целью экономии времени костёр решили не разводиться. В качестве НЗ оставалась копчёная колбаса, которую нёс Пром. Дежурный разрезал её на семнадцать частей, и каждый по очереди тащил свой кусок из Серёгиного мешка. Скучно.

Мишка Мельников ушёл на разведку, остальные же разбрелись неподалёку, собирая подножный корм.

– Послушай, – тихо обратился ко мне необычно хмурый Ульянов, – ты берёзовую кашу умеешь готовить? Нет? Так вот! Я тоже не умею! Хреновато...

– Где-то читал, что можно есть молодые еловые шишки, вон их здесь сколько, – сказал я и сорвал одну из них. Шишка представлялась вполне съедобной. Пром задумался, тоже жуя шишку.

– А силки ты умеешь ставить? – спросил он. – ...И я тоже не умею.

Вернувшийся из разведки Мишка сообщил, что дальше всё так же, можно больше и не смотреть, а надо подняться повыше, там есть тропа.

– Мощная? – спросил Михалыч.

– В общем нормальная, – ответил Мишка, – идти можно.

Мы поднялись повыше. Там и вправду была тропка. Мельче, чем человека, но крупнее, чем козья – не поймёшь чья.

– Ты знаешь, – поделилась со мной Оля Черноверская, – ничему я так не рада, как этой тропе.

Однако тропа постепенно сходит на нет, а склон становится всё более крутым. В конце концов Жутяйкин вызывается разведать, что там внизу, а мы продолжаем идти по склону, пока тот не становится совершенно непригодным для ходьбы.

Мы приостанавливаемся и начинаем орать о своём местонахождении Жутяйкину, который куда-то испарился. Подождав его в течение часа и едва не надорвав глотки, спускаемся к реке. Но Володи не оказалось и там. Где же он?!

Снова горланим – никакого ответа. Уйти назад он не мог. Значит, либо удрал вперёд, либо стал подниматься вверх и разошёлся с нами. Двинулись по береговой кромке, рассчитывая ждать его где-нибудь внизу – всё-таки место более открытое.

Река делает небольшой изгиб, и, пройдя его, мы видим столб дыма. Это Володя Жутяйкин у очередного прижима сигналил нам о своём присутствии. Здесь и останавливаемся. Выясняется, что он тоже нам кричал, но из-за поворота ничего не было слышно.

Филиппов достаёт схему и, надув щёки и сложив губы трубочкой, смотрит на неё, покачивая головой.

– Ты туда сможешь залезть? – спрашивает он меня, кивая на очень крутой, почти отвесный склон.

– Смогу, – отвечаю я и тут же лезу.

Забравшись на самый верх, вижу, что за поворотом ничего хорошего нет.

Препятствие мы обошли, поднявшись повыше, затем спустились к реке. В полукилометре от нас виднелся ещё более мощный прижим. Пришлось таким же образом преодолевать и его.

Солнце уже почти село, когда, пройдя ещё немного, мы упираемся в очередную стену. Делать нечего – встаём на ночёвку. В одном котле варим крапиву, в другом – смородиновый лист. Из взятых в поход продуктов остаётся только аджика.

А через три часа закончится контрольный срок...

22 мая 1978 года

Зашкалили. Задержка на маршруте, казавшаяся преступлением, теперь стала реальностью.

– Наверное, нас уже ищут, – произносит Беляев, когда, преодолев прижим, мы двинулись дальше.

– Да вряд ли... – отвечает Филиппов. – Завтра точно будут искать, но сегодня мы должны дойти, – уверенно добавляет он.

Очередной прижим преодолеваем впрямую: навешиваем перила и пролезаем по нему со страховкой. На это уходит много времени. Но потом, опять же с верёвкой, приходится лезть в лоб вверх. Забираемся повыше, но и тут идти очень сложно. И мы продвигаемся осторожно и медленно...

– Что там? – тревожно спросил Беляев, почувствовав что-то неладное сзади себя. Это, не удержавшись на крутизне, сорвалась Оля Черноверская. Счастье, что падать здесь оказалось не слишком далеко.

– Оля! Что с тобой?! – крикнула Света Курбакова. Та не отвечала.

– Подождите! – сказал Филиппов, – У неё шок, она головой ударилась!

Ольга сидела значительно ниже нас на камне у приточка, льющегося почти водопадом вниз, и молчала.

– Оля-я! – позвала Вера Хвоина. – Как ты?!

– Ну не видишь, что ли? – откликнулась, наконец, Оля, – ну... живая...

Прошло ещё некоторое время, пока мужественная Ольга, собравшись с силами и привязав к себе булином сброшенную ей верёвку, не выползла к нам. На её лице обнаружились страшные синяки.

Кажется, Оля Черноверская впервые в походе, но видно, что человек она очень добросовестный.

Весьма осторожно поднимаемся по крутяку ещё выше, потом ещё. Появляется маленькая тропка, явно нечеловечья, но по ней худо-бедно можно продвигаться.

Я иду замыкающим, поедая по пути горный чеснок. В одном месте попадает ремень. Собрав его, складываю в кармашек рюкзака. Во рту ощущаю сильное жжение, позже выяснится, что вместо чеснока мне где-то подвернулся ирис. Увидев чабрец, съедаю два стебелька и чувствую некоторое облегчение. Быстро догнав участников, вижу, что все, приостановившись, щиплют и едят траву. Заметив приличный островок ревеня, снова останавливаюсь.

Группа наискосок медленно спускается вниз...

Интересно, какие ещё травы съедобны? Вчера я попробовал стебельки цветка бадана. Сами-то зелёные листья бадана ядовиты, а вот эти стебельки оказались сладкими, по вкусу напоминающими ранетку.

Это было своеобразным открытием, и сегодня многие, убедившись, что мне хуже не стало, обрывают эти стебельки и едят.

Выйдя к группе, я увидел сурового Промы с топором в руке, встревоженные лица спутников. На Верке вообще лица не было.

– Не уходите, не уходите отсюда!!! – истерическим голосом кричала она.

– Топтыгин пожаловал! – пояснил Пром.

По словам Веры, медведь проскочил от неё настолько близко, что она «видела только его зубы».

Ульянов рассказал мне, что произошло. Молоденький медведь неожиданно выкатился на группу. Перепугавшись, наверное, не меньше людей и не зная, куда деваться, он ринулся в сторону Жутяйкина, который в этот момент шёл почему-то с гитарой на животе. Володя упал прямо на гитару, а медведь, полуперескочив, полуперекатившись через него, скрылся в кустах. (Другой бы гордился такой близкой встречей с хозяином тайги, но Жутяйкин почему-то каждый раз хмурился, когда ему напоминали: «А помнишь, как через тебя медведь перепрыгнул?!»)

По береговой кромке продвигаться становится легче. Группа растягивается. Река делает крутой изгиб. Передние останавливаются. Михалыч достаёт схему и, взглянув на неё, радостно и удивлённо произносит:

– Пришли!

К нему подскакивает Мельников, смотрит на карту и улыбается: за поворотом должна быть долгожданная развязка.

– Башкаус! – несколько раз возбуждённо повторяет Мишка.

Преждевременная уверенность руководителя передаётся всем. Но это оказывается подвохом. Очень скоро выясняется, что вместо обещанного слияния рек впереди нас ожидает узкий каньон с двойным поворотом русла – труба. С обоих берегов нависают могучие отвесные скалы.

Трое со страховкой прошли вброд, натянув перила, с помощью которых переправились остальные. И мы начали буквально скрестись, другого слова не подберёшь, по правому берегу Чебдара.

Я отправился первым. Не без труда пролез по почти отвесной скале, крикнув остальным, чтобы шли выше, потому что здесь слишком опасно.

Филиппов умудрился пройти прямо по кромке воды, держась за стену, у него на этот случай имелись болотные сапоги. Я догнал Михалыча, и мы стали ждать остальных. Спустя некоторое время появился Андрей Изотов. Он продвигался точно по моему пути, видимо, не расслышав предостережения.

– Когда он упадёт, будем ловить его здесь, – говорит мне Филиппов, показывая на сильную струю между двумя огромными камнями.

Но Андрей не упал. Тяжело отдуваясь и топорща усы, он проделал мой путь. На то, чтобы дождаться остальных, которые полезли выше, по более безопасному пути, пришлось потратить целый час.

Брод. Затем ещё брод.

А дальше я попал в чрезвычайную ситуацию, о чём в походе никто так и не узнал.

Я лез первым, без страховки пересекая прижим и не замечая, что уже сильно оторвался от группы, которая меня не видит.

Над водой – не менее тридцати метров, подо мной – отрицаловка, а скала, которую пересекаю, становится всё более гладкой.

Шаг, ещё шаг. Стена не кончается.

Вот уже и зацепиться не за что.

Стоп!

Назад.

Не тут-то было! Едва захотел развернуться, как рюкзак меня потянул книзу.

Гляжу вниз и вижу под собой бушующую реку, камни.

Ещё одна попытка развернуться. И вдруг понимаю, что никакого манёвра тут не предпримешь. Здесь бы с верхней страховочкой да без рюкзака сделать маятник, но я нахожусь один на один со стеной, без верёвок и с рюкзаком за спиной.

Освободиться от рюкзака?! Продуктов там уже нет. Но оказывается, что и руки-то оторвать нельзя. Сбросить рюкзак означает неминуемо лететь вслед за ним.

Представьте, что Вы находитесь на крыше десятиэтажного дома, который внезапно начинает рушиться. Есть выбор: падать вместе с домом либо прыгать вниз, что в принципе одно и то же. Вот примерно такие ощущения я и испытал.

Животный ужас разлился по каждой клеточке моего тела, и я сделал то, что вряд ли когда-нибудь смогу повторить. Едва мысленно не прощаясь с жизнью и ругая себя последними словами, полез вертикально вверх.

Подтягиваясь на пальцах за почти микроскопические уступчики, я перелез-таки через отрицательную шишку.

«Не расслабляться! Только не расслабляться!» – твержу про себя, когда самое опасное место осталось позади. И вот уже со скоростью велосипеда лезу и лезу вверх, где чуточку положе, но всё равно очень круто.

Фу! Кажется, пронесло! Неужели выбрался?! Моим спасителем был животный ужас, а вот паника меня бы погубила, это точно!

Останавливаюсь. Колени ходят ходуном в самом прямом смысле, я и не предполагал, что такое возможно. И тут вижу, что Мельников ползёт по склону сзади и выше меня метров на пятьдесят. За ним крайне осторожно продвигаются остальные.

Наконец-то мы миновали эту проклятую трубу. Сколько же на неё ушло времени и сил! Однако за трубой по правому берегу идти невозможно. Очень скоро упираемся в длинный корявый, почти отвесный прижим.

Тройка – Дерябин, Мельников и Изотов – с верёвкой медленно, с громадным напряжением пересекает реку. Затаив дыхание, все наблюдают за ними, но всё заканчивается благополучно. Остальные переходят, пристраховавшись репшнурами к натянутой верёвке.

Снимая перила, я прохожу с шестом последним «на усах». Это означает, что с противоположного берега меня страхуют двумя верёвками под углом сорок пять градусов.

Попав в струю, искупался с головой, но холода не почувствовал. С противоположного берега меня тянут с такой силой, что буквально поднимают на ноги.

Итак, Чебдар больше пересекать нельзя. Остаётся один путь – по левому берегу. Проходим немного, и снова приходится лезть наверх, чтобы обойти очередные откосы.

Дальше первым отправился Мельников и, видимо, попав в ситуацию аналогичную моей, был вынужден сбросить рюкзак.

Рюкзак, по его рассказу, сначала полетел, потом покатился и остановился на камне у воды. Подбежать к нему Мишка не успел, рюкзак отцепило от камня и понесло по течению. Мельников ринулся за ним по берегу, лезть в бешеную реку было невыносимо.

Мы шли по пути Мишки, пока не упёрлись в гладкую скалу, отвесно уходящую в воду. Где же Мельников? Чтобы обойти верхом, ему пришлось бы вернуться назад. В реку, что ли, он прыгнул?

Минут десять стояли, сбросив полупустые рюкзаки и озадаченно глядя вперёд и вверх.

– Может, я поднимусь вон там и посмотрю с высоты? – предлагаю Филиппову, показывая на массивный скальный выход.

– Иди, только не сорвись, – почти безразлично отвечает тот.

Чуть-чуть вернувшись назад, с величайшей осторожностью лезу по почти отвесному тридцатиметровому углу с хорошими уступами и забираюсь на самый верх скалы. Никого не видно. Прохожу по краю обрыва и, наконец, вижу далеко внизу едва различимую береговую кромку. Останавливаюсь, раздумывая, спускаться туда или нет. Смотрю вперёд. Река, плавно изгибаясь, поворачивает налево, Мельникова нигде не видно.

Вдруг издалека снизу слышится чей-то крик.

– Уплы-ы-ыл! – кричит неведомо откуда появившийся Мишка, заметив меня на скале.

– А что у тебя в рука-ах?

– Пала-а-атка, – с трудом распознаю его голос.

По словам Михаила, палатку оторвало от рюкзака и прибило к берегу. Вместе с рюкзаком уплыли остатки шоколада, сэкономленные на последнем перевале, железнодорожные и автобусные билеты, которые нам по возвращении должны были оплатить, и деньги нашей группы на обратную дорогу.

Как же теперь мы будем добраться домой?!...

Когда все собрались под скалой, неожиданно пошёл дождь. Достав большой кусок полиэтилена, укрылись. Здесь же обнаружилось, что гитара, на которую упал Жутыйкин, спасаясь от медведя, разбита, а единственная, оставшаяся «в живых», дала трещину. Михалыч, выслушав меня и Мишку на предмет «что там впереди», принимает решение искать место для ночёвки, как только прекратится дождь.

Когда дождь почти закончился и мы готовы были сбросить полиэтилен, Мельников полез на разведку и... спустил на нас камни. Рядом со мной раздался глухой удар. Это на голову Сергея Дерябина свалился камень величиной с кулак.

Дерябин вскочил.

– А-а-а-а!!! – заорал он, – Мишка-а-а-а!!! Дура-а-ак!!! – вслед Мельникову из-под чьих ног вылетел злополучный камень.

Но Мишка уже ничего не слышал, а Сергей изогнулся назад крючком и упал бы затылком на камни, если бы я его не подхватил. Мгновенно появились аптечка и бинты.

– Ну как? Больно? – спрашивает Оля.

– Нет, ничего... – отзывается Дерябин, пока Черноверская перевязывает ему голову, – просто болеть будет, а так ничего страшного.

Для ночёвки нормального места не нашлось. Пришлось ставить палатки прямо на камнях...

Андрюшка Ефименко осторожно предложил:

– Давайте не ругать сегодня Мишку, он и так уже... наверное...

На костре красиво догорает разбитая «банка» гитары. Появляется Мельников и сообщает, что там дальше за поворотом всё то же самое.

– А это что? – спрашивает он, взглянув на перевязанного Сергея. Ему тактично объясняют, в чём дело, а Дерябин даже говорит:

– Да ничего, пустяки...

А погода-то, наверное, начнёт портиться – ощущается какая-то гнетущая атмосфера. Всю ночь меня мучает тяжёлый сон: палатка движется по маршруту по камням, бурелому... Неудобно, неуютно, муторно...

23 мая 1978 года

– Никому не казалось, что палатка движется? – спросила утром Света Курбакова. Я от удивления дёрнулся. Потом последовало всеобщее изумление.

В эту ночь все видели один и тот же сон...

Сегодня же я ощутил, что силы стали не те. Всё так же светило солнышко, весна уступала дорогу лету, а для молодых людей, идущих по труднопроходимой тайге, майский подножный корм был явно недостаточен. Несмотря на то что опасности продолжали оставаться опасностями, постепенно нарастала какая-то апатия, мы реже стали применять страховку.

Чтобы спуститься по сыпучему рыхлому отвесному склону, верёвкой всё-таки пришлось воспользоваться. Я полез первым, и когда до низа оставалось метра четыре, почувствовал лёгкий удар по той самой косточке, что находится немного ниже левого виска. Не придав этому значения, полез дальше, но почему-то ослабли руки. Мой спуск из «по-спортивному» перешёл в спуск «лазаньем». Похоже, верёвка сбила маленький камешек, который метров с тридцати выстрелил в меня сверху.

Спустившись, глянул вверх, где копошились Пром и Жутяйкин, и едва не упал, так потемнело в глазах. Машинально прижав левую руку к виску, ощутил липкую кровь. Пошёл по берегу, чувствуя безразличие и тоскливую усталость. Пройдя с полкилометра, я оглянулся, никого не увидел, присел на камень и как-то забылся.

– Борька, ты что?! – услышал вскрик и встрепенулся. Передо мной стояла Оля Черноверская.

– Да царапнуло вроде.

– Ой, да у тебя кровь! – тихо воскликнула она, доставая аптечку.

Я вытащил свой компас и посмотрел в его зеркальце, но ничего не увидел. Зеркальный визир был мутный...

– Михалыч! Надо подниматься наверх и идти верхами, иначе мы тут... поубиваем друг друга, – почти выкрикиваю я руководителю, когда все участники собрались вместе.

– Или вернуться назад к избам и идти по тропе, – убеждённо добавляет Лёша Шуркевич.

Б. Скворцов и С. Дерябин. До трагической развязки остаются считанные часы

...Та тропа, как выяснится позже, являлась кратчайшим и совершенно безопасным путём от устья реки Самурлу до плановой тропы 77-го маршрута в верховье реки Караган.

– Ну, в принципе, так и сделаем, если прижимы не будут кончаться или капитально упрётся, – спокойно соглашается Филиппов, – по идее, они вот-вот должны кончиться, – добавляет он. Никто не возражает.

Какова же была наша радость, когда, преодолев очередную преграду, мы увидели, что впереди путь свободен! Лишь далеко-далеко виднеется что-то очень большое, как гора.

Сегодня нас наверняка уже ищут... Контрольный срок кончился позавчера. Тогда же мы стали переходить на крапиву, саранку, черемшу. Вообще же продукты начали растягивать ещё раньше. Постоянно хотелось есть...

А сейчас проморосил дождик, и мы остановились на обед. Подойдя к шедшим впереди ребятам, я увидел, что они сгрудились в кучу и чем-то заняты.

– Что у вас там? – спрашиваю я и к своему восторгу слышу:

– Рябчика подбили!

– А кто?

– Я! – сказал Жутяйкин.

– Во, молодец!

– Тише ты! – непонятно кого ругнула Света, – с мясом не выщипывай!

И вот рябчик, мелко порезанный, варится в котелке с крапивой. В это время Андрей Изотов уходит на разведку. Обед уже готов, а Изотов всё не воз-

вращается. Кто-то из участников начинает бухтеть, но остальные довольны передышкой.

Андрей появляется через полчаса вспотевший и радостный. В руке, прижимая к груди, он держит свою коричневую шерстяную шапочку. «Наверное, принёс птичьи яйца...» – мелькает у меня мысль. Но он принёс не еду, а хорошее известие.

– Впереди такая же дорога, прижимов нет, широкая береговая кромка – метров тридцать, а за горой должен быть поворот и слияние Чебдара с Башкаусом.

Все повеселели.

В похлёбке мне попался кусочек рябчика.

– Вот это супчик! – говорит Андрей Изотов, вытирая усы. – А мне бы сейчас табачку, и больше вообще ничего не надо...

– Давайте-ка я вас сфотографирую, – предлагает Лёша, обращаясь ко мне и Дерябину. Обнявшись, словно раненные солдаты после боя, с перевязанными головами, мы с Серёгой встаём перед фотообъективом.

– А теперь со мной! – вдруг требует Женя Беляев, и мы фотографируемся втроём.

– Знаете, что мы ели? – спрашивает Ульянов. – Ворону!

Особых эмоций это не вызывает, только Беляев обращается к Михалычу:

– А ворон едят?

– Едят всё, – назидательно отвечает руководитель. Потом выясняется, что ворону не подбили, а подобрали дохлую в луже. Кстати, попавшийся в супе кусочек вороны никакого ощущения дохлятины не вызывал.

Наскоро поев, двинулись дальше.

Первым пошёл Андрей Изотов.

Замшелая, мелкокаменистая кромка берега Чебдара постепенно переходит в крупную осыпь. Гигантские валуны, мокрые и блестящие от дождя, беспорядочно лежат от стены ущелья слева до самой реки справа. Группа сильно растягивается. В этот раз я оказываюсь где-то посередине, причём в полном одиночестве.

Последние дни сложились для меня не совсем удачно. Мало того что траванулся ирисом, ещё и стукнуло камушком, хорошо что удачно – скользом. Голода не ощущалось, хотя ели мы крайне мало, в основном зелень. А вот сил явно поубавилось.

С одной стороны, появление более лёгкого и неопасного пути взбодрило, с другой – по крайней мере на себе, я чувствовал некоторую расслабуху. Не требовалось теперь ежеминутно мобилизовываться на преодоление опасных препятствий.

Солнце уже начинало клониться к западу. Не было ни малейшего признака ветра. Только река неравномерно грохотала по камням, преодолевая пороги.

Где-то далеко сзади шли Филиппов, Шуркевич и другие. Меня никто не догонял, и я не торопился. Появилась возможность спокойно поразмышлять.

Что там за поворотом? Неужели опять не то! И что это всё-таки за река, около которой мы идём? Дьявольская какая-то речка! Сроду таких не видел. Неужели кроме нас здесь кто-то бывает?

23 мая 1978 года. Разделка вороны

К моим девятнадцати годам это четвёртое серьёзное путешествие по горам. Но таких приключений ещё не было.

На небе нет ни единого облачка. Солнце где-то сзади нас, с юго-запада освещает негостеприимное ущелье...

А ведь мы уже за пределами контрольного срока! Нас ищут спасатели! Раньше слышал про подобные истории, но совсем не предполагал, что такое может произойти и с нами...

Мои размышления прерывает Женя, который стоит, скинув рюкзак, и отчаянно машет руками.

– Кидай рюкзак!!! – кричит он сбивчиво и напряжённо, – говорят, Андрея придавило...

Я ринулся вперёд, не снимая рюкзака. Какого Андрея? У нас их двое. Чем придавило?! Через два десятка секунд насккиваю на Верку Хвоину.

– Скорее!!! Скорее!!! Андрея придавило!!! – кричит Верка совершенно истерическим голосом, на глазах – слёзы.

– Где!!!

Скинув рюкзак, рванулся туда, где стояли Света Курбакова и Володя Жутыйкин. Слёзы текли по их щекам.

Совсем рядом, между гигантскими камнями отчаянно копошатся четверо: Дерябин, Аляев, Коботов и Мельников. Я бросаюсь к ним, поскользываясь на мокром камне и разбивая коленку.

Промежутки между глыбами образовали большую наклонную яму. На дне ямы ребята пытаются приподнять плоскую глыбу размером с письменный стол, под которой – о ужас! – лежит Андрей Изотов. С одной стороны торчат ботинки, с другой – голова. Андрей не подаёт признаков жизни. Позже я узнал, что первым участникам, подбежавшим к каменной ловушке, он успел крикнуть:

– Уберите его! Уберите его!...Всё, мужики...

Глыба по диаметру оказывается лишь немного меньше ямы, и для пятого человека там не хватает места. Что делать?

– Ищи палку! – кричит снизу Ардальоныч.

Глянув по сторонам, я увидел достаточно мощный плавниковый ствол. Едва не сбив Беляева, который стоял рядом, как вкопанный, добежал до ствола, схватил его и ринулся обратно к каменной ловушке.

Напрягая все силы, готовые грызть эти камни, мы действуем этим стволом как рычагом, чтобы приподнять глыбу. Внизу ребята орудуют короткой дубинкой.

Появляется Филиппов. Он внимательно смотрит вниз, где в этот момент ребята отрезают лямки Андреевого рюкзака. Мне же кажется, что камень, на котором стоит Филиппов, дрогнул, готовый съехать и замуровать каменную ловушку вместе с людьми.

– Михалыч! – ору я не своим голосом, – долой с камня!!!

Тот поспешно спрыгивает.

Наконец удаётся приподнять глыбу, весящую, однако, не менее тонны, и парни на руках выносят Андрея из каменной ловушки. Голова его бессильно болтается. Кажется, он в сознании и сейчас что-нибудь скажет.

– Пульс?!

– Нету!

Искусственное дыхание.

Закрытый массаж сердца явно неумело делает Филиппов.

Ещё раз.

Ещё и ещё раз.

Тяжёлое это дело – искусственное дыхание.

– Пульс?!

– Нету!

Меняется. Не все могут делать искусственное дыхание. Из девушек делает только Ольга Черноверская.

Появляется Лена Шибаева:

– Мы нашли место для палаток.

Филиппов:

– Ставьте. Разводите костёр.

Новиков:

– Где палатка? Я поставлю!

Глаза у Кадета бешеные. Что у него на уме?

Коботов:

– Борька, следующий ты!

Меня сменяет Аляев.

Я:

– Михалыч! Давай тоже, а то мы скоро выдохнемся!

Михалыча на массаже сменяет Шуркевич, но Филиппов, сделав несколько вдуваний, бросает и не может отдышаться.

Я бегу за Кадетом и едва не натыкаюсь на него.

Кадет (через каждое слово – мат):

– Где они тут... нашли место для палатки. Нет тут ни...

Я:

– Иди смени кого-нибудь. Я поставлю палатку.

Кадет:

– Я палатку ставлю, понимаешь!!! Палатку!

Я:

– Иди смени кого-нибудь. Там устали!

Кадет:

– Я палатку ставлю! Надо ставить палатку!

Приходится перейти на его язык:

– ...твою мать! Давай палатку! Иди ко всем!..

В глазах у Новикова слегка проясняется:

– Тьфу! Чёрт с тобой!..

Швыряет палатку и странной походкой идёт назад. Подбираю палатку. Появляются Света и Лена.

Я:

– Где вы нашли место?

Лена:

– А вон там (показывает вверх на обрыв, над которым оказывается замаскированная терраска, лучше места не придумаешь).

Я:

– Сами поставите? (Делая ударение на втором слове)

Лена:

– Конечно, поставим.

Передаю палатку, возвращаюсь к ребятам и сменяю Кадета на искусственном дыхании. Голова Андрея лежит вплотную к коленям Верки. Он по-прежнему не проявляет признаков жизни.

Я (Беляеву):

– Женья! Давай тоже.

Беляев:

– Нет, нет! Не могу!

Я:

– Почему?

Филиппов:

– Оставь его. Его блевать тянет.

Нащупываю пульс и обманываюсь. Пульсацию кончиков моих пальцев я принимаю за пробуждение пульса у Андрея:

– Есть!

– Нет, нету...

Прошло два часа.

Филиппов:

– Ну, что! Дальше бесполезно...

Я:

– Лена! А помнишь, мы с тобой читали...?

Лена:

– Да-да! Надо делать и делать!

Филиппов (Шибяевой):

– Палатки поставили?

Лена:

– Да. Света вешает котелки.

...Спустя минут сорок...

Филиппов бросает делать массаж. Стоит спиной к нам, прислонившись к громадному камню, положив лицо на руки. Плечи вздрагивают.

Я (Шуркевичу):

– Лёша! Массаж!!!

Лёша делает массаж, я – искусственное дыхание.

Я (Коботову):

– Ардальоныч! Давай ещё!

Снова и снова пытаемся оживить Андрея.

Филиппов сидит на камне. Задумался. Глаза сухие.

Я:

– Михалыч! Лоб холодный и руки...

Филиппов:

– Ничего лучшего не мог принести?..

...Спустя три часа после начала попыток оживить Андрея.

Конечности холодные. Весь холодный.

Смерть.

Андрей Изотов мёртв. Ничто в мире уже не может его спасти.

Много позже Кадет мне объяснил, что у него в тот момент в голове что-то сдвинулось. Он шёл с палаткой в руке с единственной мыслью:

– Для чего мне всё это нужно?! Связался я с ними! Сейчас поставлю палатку и уйду. Зачем они мне?..

А в это время – ты с какой-то ерундой...

– Сейчас-то ты понимаешь, что я правильно вмешался? – спросил тогда я.

Ну, сейчас-то, конечно, всё понятно, – честно ответил Кадет.

Пока я перепирался с Кадетом, Ульянов, Дерябин и Мельников с разрешения руководителя отправились вниз по ущелью. Их задача состояла в том, чтобы как можно скорее сообщить спасателям о нас. О трагическом исходе парни, конечно, ещё не знали. Когда, передав палатку Лене со Светой, возвращался к группе, я увидел гонцов. Они быстро шагали с лёгкими рюкзаками, вглядываясь далеко вперёд.

Одно из последних фото А. Изотова

...А когда мы завернули мёртвого Андрея в спальный мешок, кажется, силы меня оставили. Заметив это, Лёша Шуркевич пришел на смену, помогая нести тело погибшего товарища.

Потом кто-то спросил:

– А где Андрюшка Ефименко?

Посмотрели, его и вправду среди нас нет.

Вперёд вышел Шуркевич:

– Как только Андрея Изотова завалило, Ефименко побежал вперёд, сказав, что помчался к людям за помощью.

Все встрепенулись.

– И ты что же, не мог его задержать?! – с угрозой в голосе спрашивает Жутяйкин.

– Я пытался, но не смог, – оправдывается Шуркевич.

– Стойте, стойте, – вмешивается Филиппов, – ну-ка, расскажи по порядку, как всё было.

Река Чебдар

Выслушав Лёшу, Михалыч плюнул с досадой:

– Тьфу ты. Этого ещё не хватало!.. Ну ладно... может, вернётся. И добавил, показывая на мёртвого Андрея:

– Его мы сейчас завернём в полиэтилен, а завтра обмыть, что ли, надо... Сейчас попьём чаю и будем располагаться. Обо всём завтра...

Там, где весенние ручьи и ветры образовали в корнях старого кедра подобие грота, мы уложили завернутое в спальный мешок и полиэтилен тело Андрея. Вплотную к палаткам.

Молча сидели у костра. Зачем-то кипятили воду в двух котелках. В поздних сумерках зашумел ветер, чёрные тучи заволокли небо, начал моросить дождь. Стало совсем темно.

Вдруг снизу из темноты, со стороны места гибели Андрея Изотова, через толщу густой измороси донёсся слабый крик. Все разом дернулись, как от удара электрическим током. Что это??!

– Это парни вернулись – там нельзя пройти! – неестественным голосом проговорила Света.

Однако это оказался Андрей Ефименко.

– Ну, рассказывай, – потребовал Филиппов, когда Андрюшка отдышался и напился смородинового отвара, – что там впереди?

– Там через несколько километров прижим здоровенный, как гора. Я полез наверх, потом еле-еле спустился обратно.

– А парней видел?

– Да. Они там расстелили полиэтилен в расщелине и укладывались на ночёвку.

– Так. Ясно. А ты зачем пошёл?

– Я думал, жильё близко. Побежал за помощью.

На этом разговор закончился. Мы разошлись по палаткам.

Но один из нас остался лежать на свежем воздухе. Непогода, дождь, ветер ему были нипочём. Он был мёртв.

24 мая 1978 года

Утром светит солнце, но рваные тучи тревожно бороздят небо.

– Все здесь? – спрашивает Филиппов, когда «чай» уже готов, а крапива доваривается во втором котелке. – Тогда слушайте. И ты тоже слушай! – повторяет он кому-то.

– Ну, в принципе, мы попали в аварийную ситуацию. Трое, может быть, уже дошли, а может, нет. Никто не знает. Они пошли сообщать спасателям... Нам нужно находиться здесь. Всем вместе. Ещё неизвестно, Чебдар это... или что-то другое, но места, сами видите, здесь какие. Поэтому никуда не расхо-

даться! В тайге точно никого не найдут, а здесь нас, может быть, найдут, – подчёркивает Филиппов, делая упор на словах «может быть».

– А сейчас будем рубить лапник... побольше, чтобы в случае вертолѐта надымить посильнее. Девушки пусть идут искать ревень или что ещё там попадѣтся, – заканчивает руководитель.

Вскоре нам пришлось попрягаться в палатки. Тучи заволокли всё небо, и на землю обрушился сильнейший ливень, который стих только к вечеру.

Затем упал густой туман. Такой плотный, что наша маленькая терраска казалась плавающей в воздухе. Ясно, что спасательский вертолѐт в такую погоду не взлетит. К тому же мы сидели в стороне от маршрута.

Только поздно вечером дождь прекратился полностью, но небо оставалось затянутым тучами. Сыро и холодно.

Ночью я проснулся от мрачной симфонии завывающего ветра и стонущих деревьев. В зловещем грохоте реки угадывалось какое-то гоготанье и улюлюканье.

Разгулявшаяся стихия ликовала, празднуя победу над человеком.

25 мая 1978 года

С утра пасмурно. Дождь будто на взводе: вот-вот пойдѣт. Суп из крапивы невкусный, как и чай из смородинового листа без сахара. С трудом заставляю себя хлебать это «блюдо», только Лена мужественно съедает полную миску.

Заморосило. Расползаемся по палаткам. Подхожу к мѣртвому Андрею Изотову. Это был третий наш совместный поход. Андрей учил меня играть на гитаре. Жили в одной общаге.

Окрылённый результатом своей разведки, Андрей быстро шѣл первым, казалось, по безопасному пути. Внезапно поскользнувшись, он, чтобы не упасть в промежуток между мокрыми гигантскими камнями, схватился за попящую под руки плоскую глыбу. Глыба вмиг сползла, подмяв Андрея под себя, и они вместе очутились на дне тесной наклонной ямы. Камень – сверху, человек – снизу.

– Уберите его! Уберите его!...Всѣ, мужики...

Вопреки очевидному факту не могу поверить, что передо мной тело погибшего товарища. Удивляюсь сам себе...

А в палатке царит оживание. Кто-то взял в поход книжку – современную иностранную фантастику о будущем нашей планеты, о войне миров. Мне же кажется, что эта книга пессимистична и внушает какое-то вечное несчастье.

Чтение немного развлекает всех, слушаем даже как-то жадно. Лѣша и Света спят по разные стороны палатки.

– А может, кто-нибудь ещё расскажет? – спрашивает Вера. Я вспоминаю детектив Льва Шейнина «Последняя ночь», затем приключения Робинзона Крузо... Потом кто-то обращается к Филиппову:

– Вас теперь судить, наверное, будут?

– Будут, – уверенно отвечает тот, – но должны оправдать, ведь я его непосредственно туда не посылал.

Наговорившись, стали заниматься каждый своим делом. Взяв у Жутяйки на ремнабор, я начал из двух сломанных гитар и некоторых частей третьей гитары собирать одну. Увлёкся. Стало что-то получаться. Наконец, поставив гриф, решил вылезти из палатки.

Посмотрел на небо, тучи вроде бы начали расходиться. Снова взялся за гитару. Время тянулось медленно. Вскоре пошёл дождь.

Ночью вновь разыгралась непогода. А мне представилась такая картина: каменная ловушка находится в исходном состоянии. Ждёт следующую жертву...

26 мая 1978 года

С утра идёт унылый дождь. Когда он временно прекращается, вылезаем из палаток. Лениво двигаясь, мы смотрим на реку, на небо, на хмурое ущелье.

Вдруг кто-то дико заорал:

– Вертолёт!!!

Все замерли и стали прислушиваться, глядя в небо. Нет никакого вертолётта. Это, наверно, так шумит река.

Где сейчас Дерябин, Мельников и Ульянов? Последним, кто их видел, был Андрей Ефименко, когда они, по его словам, устраивались в скальной расщелине на ночёвку три с лишним дня назад. Ни слуху, ни духу.

– Интересно, где это сейчас мужики? – подхватывая мою мысль, говорит Жутяйкин.

– А вдруг их уже нет в живых? – неожиданно предполагает Вера.

– Ну почему обязательно так?! – раздражённо отвечает Михалыч, – Идут, наверное...

– А если кто-нибудь из них ногу сломал, и они встали?

Филиппов на мгновение задумывается и серчает:

– Что такое?! Где они, мы не знаем, и нечего гадать на кофейной гуще! Нам нужно двигаться, работать нужно! Почему нет дров у костра? Почему не идёте за саранкой? Я что, нянька у вас, что ли?!

Из палатки выглянул Аляев и тут же снова исчез. В руках он держал блокнотик и карандаш.

Михалыч ещё немного поругался, а тем временем Ефименко, Коботов и я пошли искать съедобные корешки. Довольно быстро мы нашли несколько больших сочных саранок и заметно повеселели.

– Ну что, Боря, прибавилось у тебя сил? – спрашивает Ардальоныч.

– Ага! – отвечаю я и вижу, как округляются глаза у Андрюшки. Не сводя зачарованных глаз с вороны, сидевшей на дереве ниже нас по склону, он нащупал камешек и, швырнув его в птицу, присел. Ворона находилась близко, но камень, пролетев сантиметрах в десяти от неё, лишь вспугнул пернатую особу, которая улетела, не доставшись нам на жаркое. Вот досада!

Вернувшись к палаткам, мы узнаём, что Филиппов, Жутяйкин и Новиков, прихватив топор и собрав вкладыши из спальников, поскреблись наверх, чтобы расчистить площадку для вертолётки и растянуть на ней знак бедствия. Если нас будут искать, то наверняка с вертолётки этот белый крест заметят.

– Зайди на минуточку, – слышу я из палатки голос Верки и залезаю к ней.

– Слушай, ты веришь, что нас найдут? – мгновенно смущает меня Вера вопросом.

– Конечно, найдут! – невольно вырывается у меня. Я слегка обнял Верку, и она виновато улыбнулась.

Я не кривил душой, когда выразил уверенность в нашем спасении, ведь мы сидели где-то не слишком далеко от нитки заявленного маршрута. Отчётливо представлял, как спасатели, пролетев над всем маршрутом и не найдя группу, будут делать радиальные вылеты и в конце концов на нас наткнутся.

Уже темнело, когда тройка вернулась. Ребята принесли несколько крупных луковиц саранки и целую кучу ревеня. Михалыч о чём-то тихо разговаривал с Кадетом и Жутяйкиным. В голове у меня промелькнула какая-то смутная мысль... и снова исчезла. Засыпал тревожно, думая о судьбе тройки наших товарищей, ушедшей вниз по ущелью. Узнают ли они когда-нибудь, что Андрея Изотова нет в живых?

27 мая 1978 года

Проснувшись, я ощутил оживление около палаток. Выполз. Жутяйкин, Аляев и Новиков стояли с рюкзаками полностью одетые, готовые к выходу. Руководитель давал им последние инструкции.

– Михалыч, разрешите мне пойти вместе с ними, – дёрнулся было я, вспомнив вчерашние мысли.

– Вы что! – разозлился Филиппов. – Все уйдёте, а кто останется?

– Хорошо, хорошо, остаюсь, никуда не иду, – поспешил я на попятную.

Мы попрощались, и кто-то спросил:

– А где Шуркевич?

Оказалось, что Лёша не вылез из палатки.

– Суперсачок! Дрыхнет! – неожиданно отреагировал Жутяйкин, причём с такой злобой, что я удивился. Ну, уснул человек, надо – так разбуди, чего злиться...

Неизвестной была судьба ушедшей низом ущелья первой тройки ребят, и руководитель отправил вторую. Парни карабкались наверх – вчерашняя разведка показала, что там особых препятствий для продвижения вроде бы пока не предвиделось.

– Ну, вот что! – вдруг предлагает Филиппов. – Давайте-ка согреем воду и вымоемся.

Ничего не хочется делать, но обязательно надо двигаться. Беру топор и начинаю рубить еловый ствол. Рублю долго, ствол у ёлки тонкий, но сил не хватает.

– Давай я... – спешит на помощь Шуркевич.

– Уйди! – почему-то злюсь я. – Я сам!

Лёша грустно отходит.

Михалыч побрился. Точнее, он слегка подбрил щёки, оставив всю остальную тёмную, без единого седого волоса, щетину на месте. Сейчас он напоминает отощавшего медведя, только что вылезшего из берлоги.

Во всех котелках кипит вода. Убираем их от костра, пусть немного остынут. Невольно радуемся погоде: впервые после трагедии приветливо светит ласковое весеннее солнышко, по небу бегут «барашки».

Смотрю на облака. Где сейчас Мельников, Дерябин и Ульянов?

Вспомнил, как в начале похода Мишка показывал мне гитарные аккорды...

Мы тогда долго веселились, а затем я, прочитав Лене Шibaевой начало своих записей в блокноте, услышал:

– Как-то очень сухо у тебя получается.

– Ничего, – ответил я, – потом эти записи помогут мне написать полную летопись похода.

Похода!

Ничего себе похода!

Когда же нас найдут?! Чего они там чешутся, друзья-спасатели?!

Досадую и ругаюсь про себя. Злюсь, и это придаёт мне силы.

И вдруг... Истошный крик Шуркевича:

– Летит!!! Лети-и-ит!!!

«Что это с ним?» – подумал я с тревогой.

Дело в том, что время от времени всем казалось, что летит вертолёт, и мы долго стояли, задрав в небо головы. Но каждый раз оказывалось, что это – глюки.

На Лёшу зашикали, он обиделся и заполз в палатку. И тут, не веря своим глазам, мы видим высоко-высоко над ущельем вертолёт, а затем слышим и шум его винта.

– Вертолёт-ё-ёт!!! – радостно кричат все.

Я кидаюсь к костру и судорожно заваливаю его лапником.

– Да хватит, хватит, – останавливает меня Михалыч, когда мощное облако дыма поднялось над нашей террасой. Затем еловые ветки загорелись жарким пламенем.

Вертолёт тем временем делает второй круг над ущельем. Потом улетает, ничего не сбросив. «Неужели они не поняли, что мы здесь?» – раздумываю я. У Филиппова же сомнений на этот счёт нет:

– Вы давайте собирайте барахлишко, спасатели должны скоро подойти.

Все так и прыгают от радости, одна только Верка Хвоина стоит хмурая.

– Чего ты не радуешься? – спрашивают её.

– А где сейчас Мишка и Серёги? – отвечает Верка.

– Да ладно тебе, Вера, дошли они, наверное, – внушительно говорит ей Оля Черновверская.

– А эти, последние, только наверх выползли и дальше не пойдут, если вертолёт увидели, – отмечает Филиппов.

На терраске явное оживление. Все копошатся, укладывая нехитрые вещички в рюкзаки. Подумав, выбрасываю прохудившиеся резиновые сапоги (зачем мне лишняя тяжесть?).

Аккуратно заворачиваю в шмотки кинокамеру, которая из-за отсутствия плёнки так и не пригодилась, однако уцелела во время всех наших злоключений. Не найдя киноплёнку в Новосибирске, надеялся купить её по дороге. Бесполезно.

Филиппов снимал на кинокамеру весь поход, но фильма мы так и не увидели. По словам Михалыча, вся лента после проявки оказалась испорченной.

Вот уже все в сборе. Лишь пустые палатки колышутся под весенним ветром да котлы валяются у кострища.

Ждём. Солнце тем временем касается стены ущелья. Холодает. Все притихли в ожидании...

Между прочим, в Горно-Алтайске перед выходом Филиппов купил для маленького сына пузатую баночку-двухсотграммовку мёда. Последние три дня миниатюрной ложечкой он нам по граммульке выдавал этот мёд, и сейчас кто-то советует на всякий случай растянуть остатки, но Михалыч уверенно говорит:

– Зачем перестраховываться!

Доедаем оставшиеся миллиграммы мёда. Все возбуждены близким вызволением. Вот уже и темнеет, а спасателей всё нет.

– Вот артисты, вот артисты! – слегка сконфуженно произносит Филиппов, – ну, значит, ждём завтра.

– Может, всё-таки нас не заметили? Смотрели, смотрели и...? – спрашиваю я.

– Нет! – снова уверенно отвечает Михалыч, – раз лишний круг сделали, значит заметили.

Рюкзак распаковываются, все несколько подавлены.

– Давай-ка сегодня я лягу с краю, – предлагает Оля, надевая меховую безрукавку, – по-моему, тебя здорово знобит.

– Какая разница, мы же не в зимнем походе, – возражаю я, нехотя подчиняясь. И в самом деле, чувствую себя не очень...

Сумерки сгустились. Уже в полутьме, выйдя из палатки, где-то невдалеке я слышу звук, похожий на выстрел. А может, это камень сорвался со стены ущелья и упал на осыпь?..

Так и не дождалась мы сегодня спасателей.

Мы уже двадцать первый день в тайге! Что сейчас делается в деканате, в общежитии? А может быть, и ничего, всё спокойно...

Конечно, ни о каком спокойствии в НЭТИ не было и речи. Представители ректората, профкома, турклуба, спортклуба, комитета комсомола и других организаций были подняты на ноги в связи с нашим исчезновением.

Не на шутку переволновались те, кто нас провожал на вокзале. В деканаты шли постоянные звонки от родителей. Сам ректор ежедневно связывался с Горно-Алтайской контрольно-спасательной службой по поводу поиска пропавшей туристской группы.

Безо всяких надежд погружаюсь в сон. Завтра – моё дежурство. Это означает, что нужно будет спуститься к реке, набрать два котла воды, бросить в один из них смородиновый лист, а во второй – крапиву, которая теперь стала нашей постоянной едой. Затем требуется развести костёр и подвесить всё это над костром.

Река из-за дождей поднялась и залила каменную ловушку. При этом маленькая дубинка, которой ребята снизу подпирали глыбу, придавившую Андрея, уплыла, а наполовину залитый водой длинный ствол, которым как рычагом мы помогали сверху, угрюмо покачивало течением вперёд и назад.

Эта картина показалась Верке настолько жуткой, что, увидев её один раз, она больше к реке не приближалась.

28 мая 1978 года

Утром сквозь сон я слышу чей-то голос безо всякого выражения:

– Вставайте. Всё уже...

Решив спросонья, что это Филиппов будит меня на дежурство, думаю: «И шевелиться неохота, и торопиться некуда, ну да ладно, сейчас поднимусь».

В это время Света Курбакова быстро-быстро покидает спальный мешок и высовывает голову наружу. Затем, захлёбываясь от радости, кричит:

– Люди!!! Люди!!! Люди!!!

Все моментально выпорхнули из палаток.

У кострища сидят пятеро полубогов. Здоровые, загорелые парни со страховочными поясами, на плече у одного из них – смакированная верёвка.

– Альпинисты?!

– КСС!

– А у вас поесть что-нибудь будет? – спрашивает Вера.

– Да нет, мы думали вы нас накормите.

«Какие мелочи!» – мелькает в голове. – «Главное – нас нашли!»

И тут один из спасателей, видимо старший, подаёт знак, и двое его спутников, подхватив котелки, бегут к реке. Третий достаёт из рюкзака... две булки хлеба (!!!), пачку кофе, банку сгущёнки! Заворожённо смотрим и не понимаем: верить своим глазам или нет.

Разводится костёр, в котелках закипает вода. Знакомимся с нашими спасателями. Старшего зовут Толя, второго – Юра, затем – Женя, имён ещё двух парней я, к своему стыду, не запомнил. Руководит спасательными работами начальник Горно-Алтайской КСС Станислав Шипунов.

Кажется непостижимым, что рядом находится злоеущее Чебдарское ущелье, из которого мы только что вылезли. Слева – пятеро спасателей, справа – автор летописи. 28 мая 1978 года

Налив каждому по кружке кофе со сгущёнкой, хлеба выдали по маленькому кусочку:

– Больше вам пока нельзя.

Хлеб кажется горьким и невкусным. А кофе! Никогда в жизни не пил такого замечательного кофе!

– Ну, рассказывайте, что у вас получилось? – спрашивает, наконец, Толя.

Выслушав Михалыча, он с досадой произносит:

– Зачем же вы ещё и вторую тройку послали?! Это ведь самое гиблое место района!

А про первую тройку ничего не известно?

– Нет. Ничего.

Тягостное молчание...

Спрашиваю:

– Как вы нас обнаружили? По дыму?

– Нет, дыма со дна ущелья мы не видели, вы слишком глубоко засели, а вот заметили ваши простыни наверху. Сначала думали: летающая тарелка... Позавчера мы кружили над правым берегом Чебдара, вы нас не слышали?

– Нет. А вечером вы стреляли?

– Да. Из ракетницы. Когда мы спускались, немного промазали и находились в километре от вас.

За разговором незаметно проходит более часа. Над костром снова висят котелки. Теперь в одном из них варится суп из тушёнки. Без лапши, без картошки – просто тушёнка в кипятке. Второй котелок – для чая.

Голод к этому времени притупился, и много мы не ели. Одного котла хватило на всех. Снова спасатели нам выдали по маленькому кусочку хлеба...

– А что будем делать... с ним? – спрашивает кто-то, показывая на то место, где лежит мёртвый Андрей Изотов.

– Не беспокойтесь, это уже не ваша забота, – отвечает Толя.

Спустя ещё минут сорок начинаем подъём по стене ущелья. У Лены Шибавой поверх рюкзака привязаны маральи рога. Из рюкзака Филиппова тоже торчит маралий рог.

Ещё через полчаса упираемся в шероховатый гигантский отвесный скальный выход, обойти который не представляется возможным, так как вокруг слишком серьёзная крутизна. Приходится спускаться назад к террасе – месту нашей последней стоянки. Ущелье не желает нас отпускать.

А может, это Андрей не хочет оставаться один?..

Выйдя на террасу, спускаемся затем к месту его гибели. Ствол, с помощью которого мы приподнимали глыбу, по-прежнему медленно покачивается водой. Хвоина идёт, отвернув голову направо.

Проходим метров шестьсот по гигантским камням у береговой кромки вверх по течению Чебдара. Слева от нас грохочет река, справа уходит ввысь стена Чебдарского ущелья. В одном месте начинаем подъём.

Отвесные участки обходим, а точнее, огибаем. Близость возвращения домой придаёт силы. Мы всё взбираемся и взбираемся вверх. Кое-где на четве-

реньках. Только через шесть часов такого лазанья склон начинает выколаживаться.

Когда приостановились на очередную передышку, спасатели выдали нам... по маленькой шоколадке!

– Это всё мне?! – поразилась Света, получив свою долю. Съесть целую шоколадку – какая неслыханная роскошь!

Ещё через некоторое время у ручейка встали на обед. Мы были почти истощены, но тем не менее чувствовали прилив сил и полярную смену настроения.

Похлебав супчика из тушёнки с лапшой и напившись ароматного сладкого чая, двинулись дальше. Подъём становится всё положе, козы тропки – всё заметнее. Ещё две тридцатиминутные ходки, и Верка пьёт из выдавленной копытцем ямки.

– Не пей из копытца, козлёночком станешь! – хором комментируют трое.

Спасатели начинают ориентироваться. Спускались-то они другим путём. Выяснилось, что забрали слишком вправо. Извинившись, парни берут верное направление.

Только когда солнце коснулось горизонта, а на дне ущелья наверняка сгустились сумерки, мы, наконец, попадаем на место приземления вертолёта. Верх над ущельем оказывается удивительно ровным, поросшим карликовой берёзкой. Типичная горная тундра. Ручьи отсутствуют, снег небольшими островками покрывает плато.

Кажется непостижимым, что совсем рядом находится зловещее Чебдарское ущелье – узкая, извилистая и глубокая трещина в земле.

В километре от нас виднеется пригорок с древним триангуляционным пунктом на макушке. На площадке находятся ещё двое спасателей, лежат рюкзаки и ящик с тушёнкой. Вертолёт нас не дождался и теперь должен прилететь завтра.

Там, где мужики расчистили площадку со знаком бедствия, вертолёт сесть не мог – слишком большой уклон. Приземлился гораздо дальше и выше.

Мы ставим палатки, а спасатели сооружают себе укрытие из полиэтилена.

– А у меня завтра день рождения! – сообщает Женя Беляев.

Безмятежным сном проспали часов четырнадцать. И верилось, и не верилось, что наши невзгоды позади. Только вот горечь утраты омрачала наш праздник.

29 мая 1978 года

Пробуждение было поздним, ярко светило солнышко. Спасатели подстрелили кедровку, поджарили её и, подложив под крылышко маленькую шоколадку, вручили её имениннику – Жене Беляеву.

Впервые за многие дни мы нормально позавтракали. И тут снова упал такой густой туман, что стало очевидно: вертолёт в такую погоду не прилетит.

Весь день мы занимались тем, что ели сухое молоко, смешивая его с сахаром. Только вечером, не без участия спасателей, Филиппов пресёк это дело, сказав:

– А вдруг погода ещё долго нас задержит, а мы всё съедим!

– Да, ребята, давайте поэкономнее, – поддержал Михалыча спасатель Толя.

Все смутились и прекратили это приятное занятие.

Туман к вечеру ещё более сгустился. Мы попрятались в палатки и крепко уснули.

30 мая 1978 года

На другое утро плотный туман основательно заволок всё плато.

– А мы тут, пока вы спали, пожар устроили, – сообщает Толя.

Оказалось, что один из спасателей, увидев кедровку, сидящую на кустиках, выстрелил в неё из ракетницы. Птица улетела, а сухая карликовая берёзка вспыхнула. Ребятам пришлось потратить немало усилий, чтобы погасить начавшийся было пожар.

Мы с Коботовым сидим у крохотного костерка.

– Надоело уже тут ждать, – констатирую я и вижу на лице Ардальоныча полное понимание и солидарность в этом вопросе.

Подходит Ольга Черноверская:

– Ну, что это за костёр?! Вы что, мужики, нормальный костёр развести не можете?

Я пробую отмахнуться, но Ольга наседает, и приходится браться за разведение большого костра.

– Да тут дров-то нету, – ворчит Ардальоныч, ломая тонкую сухую карликовую берёзку.

– Эй, отдайте книгу, вы что, оборзели? – раздаётся из палатки голос Беляева.

– Вставай, вставай, нечего дрыхнуть! – слышится из другой палатки голос Филиппова.

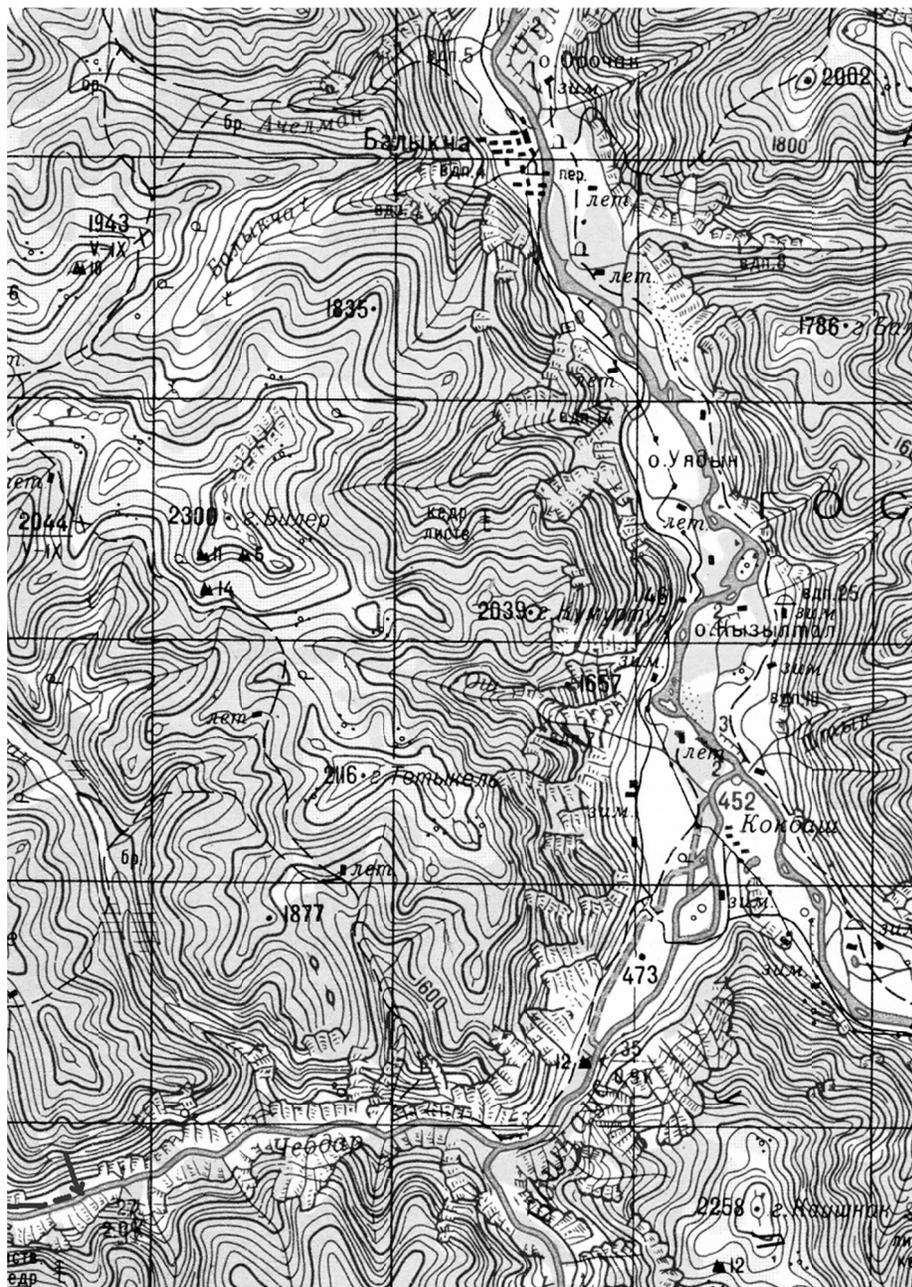
Одеваясь на ходу, народ лениво выбирается из палаток. Да, может, это и странно, но сидеть здесь – наверху, в тумане – уже всем изрядно надоело. Однако на вертолёт рассчитывать не приходится – нелётная погода.

Весь день играли в карты, читали, дремали. Филиппов сделал внушение Андрею Ефименко, который 23 мая рванул неизвестно куда.

Вечером погода слегка разведрилась. Приготовившись к очередной ночёвке, решили почаёвничать.

Растяжки палаток подтянуты, коврики и спальные расстелены. Личные вещи разложены по бокам – здесь, наверху, ночью прохладно. Натянув свите-

ра, ждём, когда заварится засыпанный в котелки чай. Михалыч рассматривает найденный на дне Чебдарского ущелья аккуратный маралий рог. И вдруг...
– Вертолёт! Ёлки-палки, вертолёт! – вопит Толя.

Фрагмент карты. Место трагедии и конечная точка маршрута – пос. Балыкча

Все вострепнулись. «Вот шутник! – думаю. – А ведь будь погода получше, и поверил бы». Но тут все мы сквозь дыру в тумане высоко-высоко в небе видим вертолёт. Он так далеко, что даже не слышно шума его винта. Вертолёт влетает в эту дыру, которая тут же затягивается. Толя выхватывает ракетницу, и в воздух взлетают одна за другой подряд три красные ракеты.

С необыкновенной скоростью складываются палатки, упаковываются рюкзаки. Скоро гигантская металлическая птица пролетает метрах в десяти над нами в сторону триангуляционного пункта. Чай выливается.

Ефименко собрался быстрее всех, крикнув:

– Михалыч, рог я взял! – он первым ринулся к вертолёту. Спасатели потопливают, а мне совершенно непонятно, как вертолёт полетит, ведь та сторона, откуда он прилетел, закрылась плотной стеной тумана.

Винт вращается на малых оборотах, пилот отчаянно машет нам руками: скорей-скорей! Вот уже все собрались внутри вертолёта. Котелки лежат на полу, сверху набросаны наши шмотки.

Кроме пилота и нас, здесь находится пожилой невысокий юркий мужичок – представитель НЭТИ, завхоз Эрлагола Анатолий Иванович Котин.

Через несколько минут, оторвавшись от земли, окончательно покидаем пленившее нас Чебдарское ущелье.

Ну, всё!

Вот теперь-то активная часть похода для нас точно закончена! Кроме шестерых участников...

Вначале летим назад, огибая стену тумана, а через некоторое время видим справа по лёту Чебдар, который резко выделяется на фоне плоскогорья с высоты полёта.

Все прильнули к стёклам иллюминаторов. Вскоре показалась более мощная река – Башкаус, и кто-то заметил:

– Как немного не дошёл Андрей до конца похода...

Ещё минут через десять начинаем снижаться и, наконец, приземляемся на небольшую площадку. Как оказалось, здесь находится посёлок Балыкча, который расположен на левом берегу реки Чулышман, недалеко от Телецко-го озера.

Трое парней со всех ног бегут к вертолёту, и, прежде чем успеваем сообщить, кто это, в салон запрыгивают... Мишка Мельников, Сергей Ульянов и Сергей Дерябин, уже без бинтов на голове. Происходит радостная потасовка, а пилот тем временем увеличивает обороты винта, и мы снова отрываемся от земли.

К нам подсаживается Мишка и возбуждённо рассказывает о своих похождениях.

23 мая Мельников, Ульянов и Дерябин заночевали на полке скалы, где их и увидел очухавшийся Андрюшка Ефименко. Утром они, убедившись, что никак иначе гигантский прижим не одолеть, стали карабкаться наверх.

Более половины дня ребятам потребовалось, чтобы достичь вершины утёса. Затем спустились с противоположной стороны и внизу заночевали. Но дальше путь им преградил мощный левый приток Чебдара – река Караган. Поднявшись на несколько километров по Карагану, переправились через него и пошли верхами.

Ущелье становилось всё уже и уже. Ещё через некоторое время мужики вышли на плановую тропу одного из маршрутов. Их радости не было предела.

Таким образом, они добрались до Балыкчи за трое с половиной суток...

– Казалось, такой кайф – поесть, а поели... и никакого кайфа! – смеётся Мишка.

Заметно темнеет, вертолёт приземляется в Горно-Алтайском аэропорту. Там уже ждёт старенький автобус с капотом. На нём нас везут в гостиницу «Турист», в подвале которой находится контрольно-спасательная служба.

– Смотри! – говорит мне Лена. Оказывается, при входе в здание гостиницы на нас глядит множество народу. Внимательно и даже заворожённо. Эти люди знают, что нас спасли, что кто-то погиб, и, похоже, в их глазах мы кажемся пришельцами с того света – отощавшие, дочерна загоревшие, небритые.

Располагаемся все вместе на полу обширного холла. Впервые за долгое время моемся под душем.

По соседству устроились специально прибывшие члены турклуба НЭТИ. Филиппов как ни в чём не бывало им рассказывает:

– Ну, в общем, поход получился сложный: и пеший, и горный, и лыжный, и водный...

Поздно вечером для нас был приготовлен большой стол с ужином. Основательно подкрепившись, завалились спать тут же на полу в спальнях мешках. Перед тем как выключить свет, выступил руководитель похода:

– Ну, значит, завтра с утра каждый из вас должен будет написать объяснительную. Пишите, как всё было на самом деле... Ну то есть шёл впереди, поскользнулся и так далее. Или же наоборот... (тут Михалыч помрачнел) – что это я его туда послал... А потом в Новосибирск полетим на самолёте. На самолёте, – подчеркнул он.

А на маршруте продолжала оставаться тройка наших товарищей...

31 мая 1978 года

Утром всё время крутившийся около нас Котин вдруг хлопнул себя по карману и спросил:

– Ребята, денег на самолёт немного не хватает... вам же на билеты. Может, есть у кого?..

У некоторых из нас нашлось кое-какое количество денег, и к Котину тут же посыпались пятёрки, тройки, рубли...

Но вот мы снова в Горно-Алтайском аэропорту.

– Если бы я курил, то заметил бы, что в буфете есть сигареты «ТУ-134», – сообщает Ульянов.

Взлетает реактивный ЯК-4, воздушные ямы, а-а-х как хорошо! В воздухе находимся недолго: около двух часов. Приземляемся в аэропорту Толмачёво, где нас встречают представители профкома, парткома, комитета комсомола, спортклуба и турклуба.

Один из туристов – руководитель февральского похода под Белуху Сергей Безденежных. Здравуемся, обнимаемся и идём к машинам.

Самый последний отрезок на пути возвращения домой: Толмачёво – общежитие № 5 НЭТИ. Когда останавливаемся у родной «пятёрки», при выходе нам вручают ящик апельсинов...

Зайдя в свою комнату № 836, я обнаруживаю, что вся она обклеена плакатами типа «Ударим туризмом по бездорожью и разгильдяйству» и тому подобными...

– Борька!!! – радостно подскакивает сидящий за столом с книгой чёрненький, с короткой стрижкой Яшка Тюрин. – Ты ли это?!

А на календаре – 31 мая...

1 июня 1978 года

В этот первый летний день 1978 года мы с Мишкой Мельниковым надумали съездить в «Фёдоровские бани», которые находятся в центре Новосибирска.

Идём, ни о чём не думая, совершенно спокойные и умиротворённые. Удивительное чувство, когда в голове вообще нет мыслей.

Садимся в автобус и не сразу понимаем за разговором, что от нас требует какой-то мужчина. Оказывается, это контролёр, который уже начал было возмущаться, что мы совершенно не обращаем на него внимания.

– Вы нас извините, – объясняет Мишка, – нас только три дня как спасли в тайге... Контролёр, удивлённо и внимательно оглядев нас, отходит, не сказав ни слова...

5 июня 1978 года

Филиппов ещё находился где-то в Горно-Алтайске, а участники похода были вызваны в кабинет ректора НЭТИ Георгия Павловича Лыщинского.

К этому времени в Новосибирск вернулась благополучно вторая тройка наших товарищей.

Когда 27 мая Аляев, Новиков и Жутяйкин поднимались наверх, то в какой-то момент увидели делавший над нами два круга вертолёт. Со слезами радости они понимали, что это наши спасатели, но спускаться назад, на дно ущелья, у них уже не было моральных сил. Парни двинулись дальше и добрались до посёлка Балыкча за двое с половиной суток.

По словам Аляева, шли практически на пределе сил, по дороге дважды питались гадюкой: один раз – сварив змею, второй раз – поджарив её на костре...

Мы зашли в кабинет ректора и по его предложению расселись за длинным столом. Лыщинский стоял у кресла в своей неизменной потёртой кожаной тулупе. Георгий Павлович отхлебнул глоток чая из стакана в позолоченном подстаканнике, глядя на нас поверх очков. Затем взял со стола какую-то допотопную бензиновую зажигалку и, достав из пачки болгарскую сигарету «Солнце» без фильтра, закурил.

– Так, – сказал он, по-прежнему глядя на нас поверх очков и совершенно спокойно. – Первый вопрос: зачем вы послали вторую тройку?

Выслушав объяснения Аляева, ректор спросил:

– Вы из Чемала вышли шестого мая, а телеграмму дали, что вышли на маршрут пятого! Почему?

Вот это новость!

И этот, и многие другие вопросы следовало бы задать руководителю похода. Но отвечать приходилось нам.

Лыщинский задал нам множество вопросов, затем попросил Дерябина нарисовать мелом на чёрной стеклянной матовой доске картину гибели Андрея Изотова и рассказать, как всё произошло. Далее разговор пошёл про наш маршрут, про Эрлагол, про спасателей и так далее.

Ректор, видимо, тщательно готовился к этой встрече и, поначалу незаметно, постепенно, по ходу разговора всё больше и больше, распалялся. Под конец мы уже не чувствовали под собой кресел и не видели ничего, кроме лица Лыщинского. («Гипнотизёр он, наверное!» – скажет потом Верка.)

– Пацаньё!!! – орал ректор, перечисляя все наши промахи и ошибки и проявляя при этом удивительную осведомлённость. Наконец, сделав паузу, он произнёс страшное ругательство:

– Паршивцы!

Затем Лыщинский строго оглядел всех и, убедившись, что окончательно сравнял нас с землёй, моментально успокоился.

– Ну, хоть не хлюпики оказались. Говорят, вы там в самые тяжёлые минуты вели себя достойно, – вдруг с уважением произнес он...

– Вы свободны, – объявил, наконец, Георгий Павлович.

С чувством величайшего облегчения мы встали и направились к двери кабинета, но выйти не смогли – дверь оказалась заперта. С недоумением поглядели на ректора. Тот усмехнулся и сказал:

– И тут вы попали в ловушку.

Затем достал из кармана своей потёртой тужурки... ключ от кабинета.

Вышли с чувством, которое, наверное, испытывает осуждённый, когда ему говорят: «На этот раз вы помилованы!»

– Значит, теперь у НЭТИ не будет своей МКК?

– Да, маршрутно-квалификационной комиссии не будет!

– Хорошо ещё, что Эрлагол не закроют...

– А где Михалыч?

– Наверное, ещё в КСС, в Горно-Алтайске.

– Он успеет ко дню рождения Андрея?

–??

– Сколько ему исполнилось бы?

– Двадцать три!

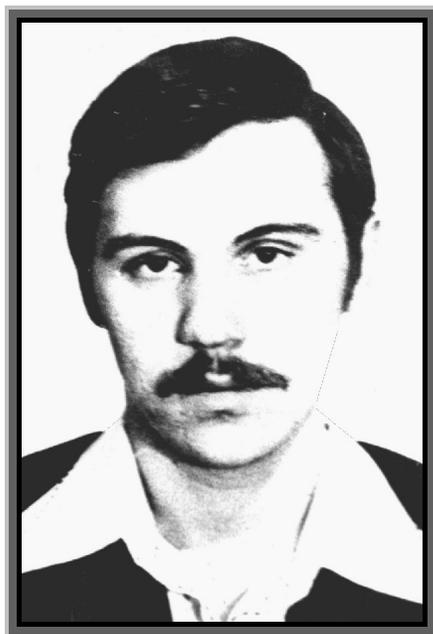
– Все приходите, обязательно! Это через полторы недели.

Эпилог

11 июля 1980 года

Четыре человека покинули Новосибирск, отправляясь в поход для установки обелиска: Света Курбакова, Юра Князев, Сергей Буряков и я – руководитель этой группы.

Памятная плита размером 350×550×50 весила около тридцати девяти килограммов. Её мы с Шибачевой заказали в конторе ритуальных услуг, что на улице Семьи Шамшиных. Необходимый эскиз нарисовала Лена, а надпись обдумывали сообща.

ИЗОТОВ Андрей Игоревич
Студент НЭТИ
1955–1978

Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд,
Пройдут тобой
не пройденный маршрут.

Удивительно точно здесь подошли слова из песни Владимира Высоцкого, который по неведомому стечению обстоятельств скончался 25 июля, ровно через неделю после этого похода.

Памятник стоил около ста рублей. Профком НЭТИ деньги выделить отказался, поэтому их собирали друзья Андрея. Они же предоставили нам фотографию Андрея Изотова для обелиска.

В Горно-Алтайске неожиданно встретили Филиппова, который, как выяснилось, организовал вместе с семьёй детский поход по горам. Поздоровались, а затем Филиппов изобразил на лице явное неудовольствие нашим предприятием. Впрочем, от комментариев он воздержался.

Михалыч судим не был – мать Изотова решила, что Андрей выбрал судьбу сам.

По спортивной линии Филиппова дисквалифицировали до первого разряда и на два года запретили руководство сложными походами. Но он всё-таки как-то выкрутился и повёл зимой лыжную «пятёрку», организовав «Курсы руководителей походов высшей категории сложности». Когда Михалыч вернулся из этого похода, все увидели, что его борода и усы покрылись густой сединой.

Смерть Филиппова в 1983 году осталась загадкой для всех...

Андрей Изотов был похоронен у себя на родине, в Алма-Ата. Его тело поднимала группа спасателей из турклуба НЭТИ. По стене ущелья они карабкались двое суток, подтягивая труп на верёвках сверху и подталкивая руками снизу.

Обелиск Андрею мы установили наверху Чебдарского ущелья. Спуститься вниз не удалось из-за плотной стены тумана. Сфотографировались, поставив фотоаппарат на камень и нажав кнопку автоспуска.

Интересно, что до этого встретившиеся нам алтайские пастухи категорически не советовали спускаться вниз:

*– Чавдар – совсем плохой человек, даже охотники там не бывают.
Кто случайно попадает, там и остаётся...*

Я снова вёл в походе достаточно подробный дневник, но это, как говорится, отдельная история.

Постфактум

Публикуется по разрешению автора, с незначительными сокращениями.

Добрый день, Борис!

Меня не было в городе, а вчера я, не отрываясь, прочёл эту документальную повесть о близких мне людях и хорошо известных событиях тех далеких лет.

Начнём с известного мне состава: на сегодня погиб Мельников – в автокатастрофе, Жутяйкин – эмигрировал в Канаду, уехал в Красноярск к молодой жене С. Ульянов, вновь вернулся в начальники уже ПСС Слава Шипунов, товарищ Сухов водит плоты по Катуну в «Турэмпексе».

С этими людьми меня связывали и связывают близкие дружественные узы, а с Филипповым ещё лыжно-горная «пятёрка» на Алтае, когда группа чудом избежала холодной ночёвки на перевале Зелинского и убежала от лавины с перевала Верхне-Шавлинского, позже был между нами серьёзный конфликт за право туристов НЭТИ самостоятельно ходить в походы.

По сути, гибель в ловушке – это нелепость, стечение обстоятельств, немного неопытность, большие усталость, голодание, нервозность, невнимательность и недооценка опасности хождения по живому куруму – это следствие срыва контрольных сроков. В принципе всё, что было вокруг этого, до и после. Есть ещё одна официальная часть этой истории, это разбор н.с. в группе туристов НЭТИ и письмо Горно-Алтайской ПСС, скверное по содержанию письмо, продукт того времени, хотя не все уж так соответствовало действительности.

Конечно, в походах и Мельников, и Жутяйкин и Ульянов довольно часто возвращались к этой истории. И я все знаю в деталях, и вот новая книга. Написана хорошо, достаточно простым языком, тщательно обойдены острые углы, особенно отношения с Филипповым.

В принципе, за невозврат из Чебдара, после ошибки, нёс ответственность только он, да и за то, что не знал, что такое каньон Чебдара – тоже он, да и за то, что был самым старшим и должен быть самым разумным.

Я сознательно упускаю момент летального исхода – это следствие. Тут, в принципе, он виноват только в том, что вы все туда попали. А природа построила классическую ловушку, причём даже без небольшой выемки для возможности выжить. Даже если бы такая выемка и была и он мог бы дышать, то во время подъёма плиты всё равно произошла бы катастрофа, и на этот раз уже с конкретными виновниками. Вот такие печальные мысли.

Даже к плановому походу по тропам снежной весной с II перевалами нужно готовиться, а главное, быть внимательными и не терять её. Тропа, когда она даже засыпана, имеет в местах смены направления затёсы, об этом знают все. Иначе её просто не найти. И затёсы нужно было искать.

<...>

Когда-нибудь я тоже закончу рукопись о своём видении этих аварий. К сожалению, цепь никогда не разорвётся, так уж устроена жизнь, и в связи с этим прошу разрешить использовать Ваши воспоминания наряду с полученными от перечисленных выше друзей.

У меня в лекциях по безопасности всё суше и жёстче – это в основном протоколы, разборы, явно не хватает эмоций, а у Вас наоборот. Впрочем, эта авария вряд ли заняла бы больше одного листа в большом томе, но благодаря Вашей публикации можно будет гораздо больше внимания обратить на сопутствующие факторы, психологический настрой, молодость группы в свете профессиональной подготовки будущих гидов-проводников. Надо не забывать, что этот поход как раз и был предназначен для подготовки кадров для работы в Эрлаголе...

В целом это полезно знать всем, это нужно живым и горячим головам, собирающимся в новые походы.

*С уважением,
Валерий Говор,
начальник Новосибирского ПСО,
заслуженный мастер спорта России.*

На фоне спасательского вертолётa те, кто сейчас ползут на дно ущелья за телом Андрея Изотова. Справа налево: Гриценко Д., Шмыков В. (руководитель), Кочнев В., Жуков В., Бабушкин А., Наумов В., Рогов Н., Бабурченков С., гид Горно-Алтайской КСС, пилоты

Возвращаясь к трагедии на Чибдаре

Предисловие

После появления «Летописи одного турпохода» на Национальном сервере современной прозы и в библиотеке Мошкова в марте 2002 года я получил массу самых разнообразных откликов. Потом «Летопись...» оказалась скопирована ещё на многие туристские сайты.

Благодарю читателей, которые отозвались и высказали своё мнение. Вместе с тем было задано множество вопросов, которые можно объединить одной фразой: «Как стало возможным то, что произошло в мае 1978 года?».

Когда сумма вопросов достигла критической массы, я и решил написать дополнение к опубликованной «Летописи...». Собственно, эти мемуары и составляют ответы на большинство заданных читателями вопросов.

Как всё начиналось

Будучи школьником, я зачитывался книгами Григория Федосеева, ощущая жгучий интерес к горным, таёжным приключениям... Вряд ли бы меня поняли соклассники, озвучь я свою мечту. Рыхлый, неуклюжий отличник, постоянный победитель математических олимпиад, очевидно, не годился на роль путешественника.

Поступив в 1976 году на самолётостроительный факультет Новосибирского электротехнического института, окунулся с головой в студенческую жизнь. Нагрузки и объёмы поначалу казались шоковыми, а привычка учиться на пятёрки и вовсе заставила забыть о своих грёзах.

Но постепенно всё уладилось. Однажды, проходя по коридору одного из учебных корпусов, увидел стенгазету турклуба НЭТИ. Заворожённо я смотрел на суровые заснеженные вершины на чёрно-белых фотоснимках, с удивлением читая, что по этим горам прошли обыкновенные студенты, такие как я.

Теперь всё зависело только от меня. Но случилось так, что я записался не в турклуб, а в альпсекцию, где начались напряжённые тренировки.

На майские праздники я выехал с альпинистами на скалы у станции Тутьальская в Кемеровской области. Здесь, у реки Томь, километрах в десяти от железной дороги, впервые познал, что такое лазанье по отвесным стенам. Необычайная острота ощущений и тот простой факт, что твоя жизнь полно-

стью находится в руках того, кто стоит на страховке, оставили неизгладимое впечатление.

Затем в июне состоялся альпслёт на обрывистом скальном берегу реки Бердь под Искитимом. Наконец, к своему же удивлению я сдал все нормативы и получил путёвку в альплагерь «Талгар» на Заилийском Алатау (Тянь-Шань), откуда вернулся со значком «Альпинист СССР» на груди, удостоверением в кармане и с отснятым на любительскую кинокамеру фильмом. Но об этом в двух словах не расскажешь...

В конце октября 1977 года я впервые встретился с Александром Михайловичем Филипповым. Этому предшествовало неожиданное знакомство с моей однокурсницей Шибаевой. Узнав, что я летом побывал в альплагере, она сама подошла ко мне:

– Вас, кажется, Борис зовут? Меня зовут Лена, я слышала, что Вы летом были в альплагере, я тоже была в лагере, но только туристском, и у меня есть к Вам разговор или, можно сказать, предложение.

В разговоре выяснилось, что Лена тоже хочет заняться альпинизмом, но по статистике в Советском Союзе в год в среднем погибает примерно 20 альпинистов, а в 1976 году эта «норма» оказалась превышена в 6 раз. В результате где-то на очень высоком уровне были приняты драконовские меры: отменены все сборы и всякая самодеятельность, оставалась единственная возможность повышать альпинистскую квалификацию в базовых лагерях с конца мая по сентябрь.

– Ну так что теперь, всё остальное время не ходить в горы? – резюмировала Лена, побывавшая летом в походе от горно-спортивного лагеря НЭТИ «Эрлагол» на Алтае.

Оказалось, что НЭТИ имеет один из самых крупных турклубов в Новосибирске с собственной маршрутно-квалификационной комиссией. Председатель турклуба – кандидат в мастера спорта Александр Михайлович Филиппов, который сейчас организует семинар инструкторов лыжного туризма, а на ноябрь планирует поход на Восточный Алтай. Выяснилось также, что студенты-туристы постоянно ходят в горы. Лена предложила в течение года ходить в походы от турклуба, а летом ездить в альплагерь...

Так мы стали систематически ходить в тренировочные походы выходного дня под руководством опытного туриста Вити Абрамова. Однажды утром на слёте «Золотая осень» утром мы вылезли из палаток и увидели, что осень уже совсем не золотая, а, наоборот, алюминиевая...

Я долго не решаюсь идти в поход во время учёбы, которую боюсь запустить, но в какой-то момент не выдерживаю и прихожу в переполненное помещение турклуба на чердачном этаже второго учебного корпуса.

– Где можно в поход записаться? – спрашиваю я у первого попавшегося парня в старенькой штормовке.

– Послушай! А что же ты раньше-то ушами хлопал? – почему-то радостно отвечает незнакомец моего возраста и показывает в угол комнаты, где за столом сидит крепкий коренастый мужчина с большими залысынами на голове и смеющимися глазами. Это и есть Александр Михайлович Филиппов.

– Постой, постой... – бормочет он, – если опыт есть, то возьмём.

– Я был в альплагере в июне прошлого года, у меня восхождение на пик Коптау, выше 4000 метров, а ещё – перевал Тагильцева, то и другое – категория «1б».

– Ну так то летом, а это – зима! – возражает он, но тут же кричит:

– Э, Дмитриев, у тебя мужиков не хватает – вот тебе кадр!

К нам подходит слегка сутулый весёлый парень, которого друзья почему-то зовут Звёздный.

– Третьим будешь! – утвердительно говорит он.

А вторым парнем в группе оказывается мой однокурсник с «Прочности летательных аппаратов» Виталька Сачков, который, подружившись с одноклассницей Шибаевой – веснушчатой Леной Астапенковой, записался вместе с ней в группу Звёздного. Четвёртый парень появляется дней за пять до похода – худой, высокий и узколицый Володя Герасимович. Наконец, перед самым походом появляется ещё один участник – Андрей Изотов.

Андрей степенно входит в Ленину комнату общаги, и мы знакомимся.

– Кто-нибудь поможет мне с лыжами, а то с теми, на которые рассчитывал, получился прокол? – спрашивает он невозмутимо.

Я, вспомнив, что какие-то лыжи под названием «Лесные» стоят в моей комнате, обратился за помощью к Вите Измайлову, всеми уважаемому альпинисту, который зачастую показывался у нас в комнате, где также жили его приятели. Раздобыв лыжи так быстро, Андрей повеселел, и мы разговорились. Как и у Лены, у него имеется опыт походов от турлагеря.

Вечером 4 ноября 1977 года весёлой гурьбой мы ехали на вокзал. Так начинался мой первый зимний поход.

Мой первый зимний поход. Восточный Алтай.

Ноябрь 1977 года

...И вот после ночёвки в добротной таёжной избе у Каракольских озёр мы поднимаемся на перевал Багаташ. Высота – около двух километров над уровнем моря. Оглядываясь назад, мы видим великолепный заснеженный пейзаж. Горы, горы, горы... Синие горы разных оттенков. Насчитываем пять рядов гор, и чем дальше, тем сияние синевы светлее. Кое-где видны обветренные каменные массивы, гольцы. Там, далеко внизу, остались долины рек, лес... Возникает ощущение, что мы поднялись выше всех вершин. Наш путь лежит в верховья реки Угул...

Когда мы вышли на маршрут, то оказалось, что с нами в «единичке» идёт ещё один мужчина – сам Филиппов, который осуществляет общее руководство всеми группами в рамках семинара инструкторов лыжного туризма.

7 ноября 1977 г. Наша группа. Слева направо: А. Филиппов, В. Герасимович, А. Дмитриев, В. Сачков, А. Изотов, Е. Шibaева, Е. Астапенкова, Б. Скворцов

В соседней группе, возглавляемой серьёзным мужиком Александром Лаврухиным, отличался бойкий, уверенный в себе новичок – Миша Мельников, который в избе у Каракольских озёр заметил на дужке котла с чаем шерстяной носок... Представляете, какие носки бывают в походе?

– А ведь мог бы и упасть! – восторженно воскликнул Мишка, отбрасывая в сторону духовитый предмет. Когда чай был допит, второй носок обнаружился... на дне котелка!...

Однажды утром Андрей Изотов, дежуривший у костра, увидел, что палатка изнутри осветилась, и в ней замелькали тени. Это вспыхнул лапник, который мы набивали на снег для ночёвки...

Здесь нужно пояснить организацию нашего ночлега. У нас не было спальников на гагачьем пуху. Зато была палатка с печкой. Палатка – брезентовый шатёр без дна, а печка – жестяная коробка размером 40×30×50, которая ставится на дюралевую лавинную лопату в ногах спящих. В крыше палатки имеется обшитое стеклотканью отверстие для трубы.

Каждый по очереди примерно по часу дежурит у печки: подбрасывает дрова и топит снег для завтрака. Для этого с вечера нужно найти сухую, достаточно мощную лесину, свалить её, распилить на чурбаки, расколоть и сложить

в поленницу прямо в палатке. Колка дров – самое приятное занятие на морозе: согревает как ничто другое.

Ведь к концу дня все мы – вспотевшие до последней степени от трудов праведных. Попробуй посиди на одном месте, отдохни – моментально околешь!

Вообще после остановки на ночлёт мы сначала долго пляшем на рыхлом снегу прямо в лыжах, чтобы утрамбовать площадку для палатки. Потом ломаем кедровый лапник от разных деревьев, чтобы не погубить ни одного дерева, и с силой набиваем лапник на подготовленное место. После этого стелем полиэтилен, ставим палатку, кто-то растапливает печку. Пока дежурные готовят ужин, девушки расстилают спальные мешки на коврики (тогда пенополиуретана не было и мы делали коврики сами, обшивая кусочки пенопласта).

Теперь остаётся прогнать сомнения, что дрова в печке будут гореть, в отличие от предыдущей ночёвки, когда приходилось всё время дуть в печку, мёрзнуть и задыхаться от дыма.

Ноябрь 1977 г. Перед ночёвкой. А.М. Филиппов

Всё! Можно приступить к блаженству ужина...

В ту ночь мы спали особенно сладко, потому что капитально до этого намаялись. Именно поэтому Андрей Изотов, пожалев Свету Курбакову, заложил в печку побольше дров и отправился разводить костёр, не тревожа спящую напарницу, а лапник у печки возьми да вспыхни – то ли от перегрева, то ли от искры.

– Вставай, горим!!! – отчаянно закричал проснувшийся первым Герасимович.

Вскочив, я ощутил, что в палатке становится жарко, как в преисподней. Схватив чей-то вибрам, я стал неистово колотить им по огню, заодно превращая палатку в газовую камеру. Сбив пламя, я, схватившись за уши, выкатился из палатки, крыша которой стала похожа на худое решето, и с ужасом понял, что не могу дышать. При попытке сделать вдох лишь раздавался звук, похожий на икание.

– Ленка!!! – закричала что есть мочи Шибаета Астапенковой, которая была у нас за доктора и что-то такое даже умела. Но я уже справился сам.

Если у вас случился дыхательный спазм и вы не можете дышать, правило первое – не паниковать, правило второе – не дышать. Да-да! Расслабьтесь, передохните, и вы почувствуете, что дыхание уже само помаленьку начало восстанавливаться, главное – не пытайтесь опережать события... Ну всё, слава Богу, отпустило...

Этот поход мне запомнился шокирующе тяжёлым рюкзаком. В альплагере такого не было, а в этот поход я по неопытности набрал много лишнего...

А после путешествия я познакомился с таким явлением, как «яма желудка», и осознал смысл слов из туристской песни «...счастлив, кому знакомо щемящее чувство дороги!».

Второй зимний поход. Центральный Алтай. Февраль 1978 года

От Филиппова в ноябрьском походе я узнал, что он прошлой зимой сводил лыжную «пятёрку», то есть поход высшей категории сложности, и в настоящее время имеет серьёзные планы по развитию туризма в НЭТИ.

В новый поход, теперь уже второй категории, под Белуху под руководством очень душевного человека Сергея Безденежных в конце января – начале февраля 1978 года Михалыч не советовал идти ни Изотову, ни мне по одной и той же причине. В ноябре Андрея подводила правая коленка, а меня – левая, но сложилось так, что и я, и Андрей всё-таки пошли.

Когда мы вышли из заснеженного посёлка Тюнгур, морозяка стоял великолепный. На реке Кучерла встретили группу нашего большого туриста Сергея Бабурченкова с обмороженными дочерна лицами. «Как хорошо, что мы взяли маски...» – подумал я.

– Как хорошо, что мы маски взяли! – сказала Лена.

Между прочим, в этом походе имели место интересные ситуации...

В поисках перевала мы круто поднимались по правому склону Кучерлы вдоль глубокого узкого распадка. По руслу притока не пошли, так как там то и дело наблюдались серьёзные сбросы высоты с ледопадами, а распадок, вдоль которого мы продвигались, представлял собой почти каньон.

Было ужасно скользко, фирн – как асфальт! Эрзац-кошки, приобретённые в Бийске, практически не помогали. «Эх, здесь бы настоящие альпинистские кошки не помешали, как тогда, в прошлом году на леднике Северный ТЭУ», – подумал я и тут же вспомнил, как тащили Валеру Ковенского.

Ковенский был инструктором в группе значкистов. Показывая приёмы самостраховки ледорубом на леднике Крошка, он, будучи в кошках, чересчур разогнался вниз, и торможения не получилось. Лёд скрежетал о штычок и клювик ледоруба, но скорость нарастала, и Валерий, потеряв управление и всё более разгоняясь, покатился, расшибаясь обо все камни на леднике.

По рассказу свидетеля Александра Шевелёва, который иногда заменял нам тренера в альпсекции НЭТИ, а здесь был одним из значкистов, делавшим третий спортивный разряд, на огромной скорости Ковенский, врезавшись в здоровенный каменный валун на краю обрыва, приостановился, но группа подбежать к нему не успела. Уже в бессознательном состоянии он свалился с обрыва, и его понесло дальше. Когда беднягу наконец выбросило на пологий участок, альпинист ужасно корчился в судорогах, как в предсмертной агонии.

К счастью оказавшаяся в отряде профессиональный врач Людмила, поплевав на ладони, всадила в него несколько инъекций то ли долорила, то ли спалмогила, ну, в общем, какого-то наркотика, и в результате Ковенский не погиб от болевого шока.

Мы тащили Валерия на носилках, изготовленных из четырёх ледорубов и репшнуров. Он был весь переломан. Присутствующий при этом мастер спорта Владимир Кельберг сообщал кому-то по рации, что позвоночник пострадавшего находится в страшном состоянии.

Мне не забыть изуродованного лица Ковенского: правая половина стёртана до кости, кажется, вместе с вытекшим глазом. При этом, как это ни удивительно, он пришёл в сознание, и чудом уцелевшие губы шептали: «Спасибо... спасибо...», когда Людмила прикладывала новые тампоны к оголённым кровавым мышцам на его лице.

– Вот так! – сказала инструктор Михалёва из Ленинграда, – ледовые занятия переносятся на завтра. Будем отрабатывать страховку и самостраховку..., а сегодня – спасательные работы!

Очнувшись от воспоминаний меня заставил наш большой юморист Лёша Пугачёв, который продвигался метрах в тридцати левее меня. К низу его рюкзака была привязана жестяная печка, уже изрядно покорёженная в результате многочисленных падений. «Велик и могуч русский язык!» – подумал я, выслушивая немислимые словесные обороты, в которых поминался то ли Кащей Бессмертный, то ли его родители.

А дальше произошло следующее. Обогнав Лёшу, я увидел, что присыпанное снегом ледяное русло ручья справа теперь стало ровным, и по нему внизу спокойно идут Лена Шибаева и Андрей Изотов. Они достаточно далеко от меня, но к ним ведёт красивый ровный склон, по которому можно съехать на пятой точке. Отвязав от пояса верёвку, к концу которой были привязаны лыжи, с криком: «Привет!» – я отпустил их. Лыжи юркнули вниз и исчезли из виду.

– Эй, ты что!!! Кончай!!! – закричала Лена.

– Я к вам! – весело крикнул я, садясь на пятую точку, слегка удивлённый изменившимся лицом Лены. И вот тут-то Андрей, невозмутимо покрутив пальцем у виска, предложил:

– Ну, давай, давай... сигай, – наверное, думая, что я шучу.

Моментально протрезвев и что-то пробормотав про «проклятых перестраховщиков», я аккуратно полез вниз вперёд и левее.

– Посмотри, где ты хотел съехать! – сказала Лена, когда я подошёл к ним.

Я оглянулся и обмер. Пологий склон, по которому я начал было скользить, внезапно заканчивался двадцатиметровым (!) каменным обрывом, имеющим большие острые выступы. Когда я оторвал от них зачарованный взор, то обнаружил, что никого рядом со мной уже нет.

«Лыжи!» – мелькнула страшная мысль.

Носки моих лыж были вдребезги разбиты о лёд. Такая же участь постигла и лыжи Светы, которая выпустила их случайно. Стоял почти сорокаградусный мороз, и, когда вечером под руководством Сергея Безденежных мы чинили наши лыжи ледово-бинтовым способом, вдруг послышался слегка хрипловатый смех Андрея:

– А здорово ты всё-таки сегодня хотел прокатиться!

На следующий день, обнаружив, что наверху прохода нет, Сергей повёл группу сначала вниз до реки, а потом на ночёвку к Кучерлинским озёрам.

От озёр на другой день была предпринята вторая попытка подъёма на хребет вдоль точно такого же распадка, как и в прошлый раз, и тут я всё-таки слетел...

Не удержавшись на гладком обветренном склоне, я поскользился к обрыву, предпринимая тщетные попытки задержаться. Поняв, что гладкий фирн не даёт мне никаких шансов, я успел представить, что сейчас может произойти, и от страха во мне всё съёжилось в комок. Однако этот обрыв оказался не таким убойным и высоким, как тот, позавчерашний, и, заработав синяки с ушибами и несильно побив кинокамеру под телогрейкой, я спустя секунды вклинился в какой-то куст. В глазах слегка двоилось.

Я был один, совершенно обалдевший, сидел и радовался жизни, пока не ощутил приятный острый запах чёрной смородины, кустик которой меня так выручил.

Свете повезло меньше: часа через два она упала, казалось, на совершенно безобидном месте и, прилично шваркнувшись о дерево, громко охнула.

– Света!.. Кости целы? – крикнул я, подбегая к ней.

– Уйди! – только и смогла ответить Света, а вечером призналась:

– От такого вопроса мне убить тебя захотелось!

Наш руководитель Сергей Безденежных основательно обморозил пальцы на правой руке.

– Это у меня не в первый раз, – сообщил он вполне равнодушно.

У Андрея разболелась коленка, и он, туго перебинтовав её бинтом, шёл почти на прямой ноге.

Удачливее других оказались Герасимович, Шибаета и однокурсник Андрея Славик Протасов. (Был с нами ещё один участник, как и я – самолётчик, только на курс старше – высокий и статный Олег Матиенко. Но он весь поход пребывал в какой-то меланхолии, мало разговаривал, всё время был задумчив...)

А маршрут мы так и не прошли: потеряв время на ориентирование, руководитель принял решение возвращаться той же дорогой в Тюнгур. Сам же поход, несмотря на мороз, показался мне намного легче ноябрьского.

Вот, собственно, с таким багажом я и подошёл к знаменитому майскому путешествию, о котором написана документальная повесть «Летопись одного турпохода».

Инструкторский поход. Восточный Алтай. Май 1978 года

Об этом походе Филиппов впервые заговорил уже через пару-тройку недель после окончания февральского путешествия.

На одну из тренировок по совершенно раскисшему снегу я увлёк с собой одnogруппников Витю Князева и Веру Хвоину. Витя-то со мной уже бывал на альпинистских слётах, а для Веры всё было внове, ей всё страшно понравилось, и она радостно сообщила, что теперь точно пойдёт в поход. «Ну, наконец-то! – подумал я. – А то я и староста группы, и белая ворона одновременно...»

На 1–2 мая, как и в прошлом году, я выехал с альпинистами на скальные тренировки в Тутальское на реку Томь. Теперь я чувствовал себя на отвесных стенах куда более уверенно, чем год назад. А 5 мая 1978 года мы, шестнадцать студентов НЭТИ, под руководством Александра Михайловича Филиппова радостно покидали Новосибирск, отправляясь в поход по Алтаю. Летом нам предстояло работать инструкторами в Эрлаголе и водить по горам таких же студентов. Поход планировался на десять дней...

Один из читателей «Летописи одного турпохода» посоветовал отдельно указать все ошибки, совершённые в том походе, и их причины. Ну что ж, попробуем.

Итак, согласно Перечню эталонных туристских маршрутов, утверждённого ЦС по туризму и экскурсиям, 77-му маршруту была присвоена III категория сложности. Разумеется, речь не шла о межсезонье. В межсезонье всё сложнее, и все участники в нашем случае должны были иметь опыт походов не менее второй категории. Но такой опыт имели лишь единицы.

Руководитель, фактически являясь одновременно и председателем маршрутно-квалификационной комиссии турклуба НЭТИ, оформил поход как второй, а не третьей категории сложности, а контрольно-спасательная служба под влиянием авторитета Филиппова хотя и со скрипом, но согласилась.

Но даже если это поход второй категории, в условиях межсезонья все участники должны иметь опыт не ниже первой категории, а в противном случае допускалось тридцать процентов участников с опытом походов выходного дня.

Фактически же семь из семнадцати человек не имели опыта даже «единички», то есть были новичками.

Вероятно, злую шутку сыграл с Александром Михайловичем его большой личный опыт – опыт руководителя лыжных походов высшей категории сложности, опыт кандидата в мастера спорта. Пешая «двоекка» на фоне недавней зимней «пятёрки», вероятно, в его глазах выглядела не столь уж серьёзной.

– После зимнего похода летний кажется прогулкой по саду... – сказал как-то Юра Бондаренко, прошедший с Михалычем «пятёрку» по Уссурийской тайге. Мы же – будущие инструкторы – все трудности воспринимали как необходимые испытания, как экзамены, которые надо непременно сдать.

Конечно же, группа должна была иметь карты на весь маршрут, а не ограничиваться купленной в «Союзпечати» примитивной схемой 77-го маршрута, однако надо отметить, что добыть нормальные карты в то время было сложновато.

Безусловно, необходимо было предусмотреть варианты схода с маршрута, запасные варианты, а также проверить готовность каждого участника к походу.

Один из читателей написал мне следующее:

«Поход был организован безобразно. Впрочем, многие походы именно так и организуются. Идут на лавиноопасный склон, потому что сроки поджимают. Выходят на ледовый склон в одной кошке, потому что вторую дома забыли. Падают с катамарана на ровном месте, потому что накануне выпили лишнего и всю ночь горланили песни у костра. И т. д., и т. п. А потом уцелевшие участники волокут тяжёлые памятники на место гибели товарищей и искренне считают, что совершают что-то героическое. По моему скромному мнению, все это – форма трусости. Когда человек боится выступить в защиту товарища, ответить хаму-начальнику, дать по морде хулигану, он уходит в горы и корчит из себя героя там. Потому что у гор и воды нет наглой ухмыляющейся хари, и потому там очень легко быть смелым.»

Мда... Вероятно и такие бывают походы, и такие мотивы движут участниками, не берусь судить, но у нас всё было иначе. Мы шли в поход с целью подготовки к будущей работе с людьми в горах, а не с целью сбежать от своих комплексов. Мы любили путешествовать, радоваться красотам, преодолевать трудности. Александр Михайлович Филиппов был для нас большим авторитетом, как отец родной. Уже потом с высоты собственного опыта я осознал, что необходимо было вовремя сократить маршрут, хотя бы по реке Уймень.

Заслуженный мастер спорта России Валерий Говор по этому поводу пишет:

«По сути, гибель в ловушке – это нелепость, стечение обстоятельств, немного неопытность, большие усталость, голодание, нервозность, невнимательность и недооценка опасности хождения по живому куруму – это следствие срыва контрольных сроков <...>. В принципе, за невозврат из Чебдара после ошибки нес ответственность только руководитель, да и за то, что не знал, что такое каньон Чебдара – тоже он, да и за то, что был самым старшим и должен быть самым разумным. Я сознательно упускаю момент летального исхода – это следствие. Тут, в принципе, он виноват только в том, что вы все туда попали. А природа построила классическую ловушку...»

Что касается неудачно выбранных сроков похода, о чём пишут некоторые читатели, то существовало два варианта: первый – идти в поход после студенческой сессии вплотную к открытию «Эрлагола», второй – в мае, чтобы ещё успеть подготовиться к этой самой сессии... В следующем году, 1979-м, Филиппов снова повёл инструкторский поход в мае, выбрав Казахстанский Баянаул, где межсезонье уже практически закончилось, и всё прошло замечательно.

Ну, а мы в мае 1978 года пошли в поход третьей категории сложности, усложнённый межсезоньем, оформленный как поход второй категории, имея в группе почти половину новичков.

Уже на второй день похода, 8 мая 1978 года, начались ошибки ориентирования. Уйти вместо притока Абаш к притоку Каяс, имея на руках гидросхему района, кажется совершенно невозможным, тем не менее это произошло, и в результате сразу потеряли полдня.

10 мая – проскочили поворот на перевал Сайгонош, потеряв двое (!) суток, так как на другой день за границей леса попали в белую мглу, которая была бы не так опасна под Сайгоношем – не тот рельеф.

13 мая – потеряли не менее трёх часов, сделав лишнюю петлю в верховьях реки Тюрдем.

15 мая – не стали сокращать маршрут по реке Уймень, хотя этот вариант явно напрашивался. В этот же день, много времени и сил потратив на тропёжку и не заметив, что Андрей Изотов уснул, ушли дальше без него. Потом около двух часов его дожидались, к счастью при хорошей погоде. (Впоследствии многие говорили, что это ЧП было знаком свыше, который мы не поняли.)

16 мая – вместо того чтобы идти на перевал Штатив через Сумультинский хребет в лоб, сначала ушли влево, потеряв не менее трёх часов.

17 мая – из-за обильного снегопада пришлось встать на ночёвку на два с лишним часа раньше, чем обычно.

18 мая – окончательно сошли с тропы 77-го маршрута, взяв водораздел в верховьях Самурлу правее и уйдя вниз вдоль реки Самурлу, верховья которой следовало обходить слева.

19 мая – последовало решение руководителя сокращать маршрут и спускаться вдоль рек Самурлу – Чебдар – Башкауз – Чульшман, но нужно было знать, что Чебдарское ущелье на значительном протяжении непроходимо и по заключению спасательной службы является самым гиблым местом района.

20 мая – роковая ошибка: уход с потерявшейся конной тропы, которая уходила наискосок вверх, и продолжение пути по низу ущелья.

21 мая – закончился контрольный срок.

22 мая – несмотря на продолжающееся травмирование участников, продолжаем идти каньоном по дну ущелья.

23 мая – гибель участника.

А если бы группа шла компактно, может, Андрея удалось бы спасти.

Всё...

Руководитель, отправив тройку парней за помощью, принял решение остановиться и дожидаться спасателей. Позже он мотивировал своё решение тем, что обессиленные, измученные голодом, травмированные участники похода не могли транспортировать тело погибшего товарища по непроходимым местам, а оставлять его на съедение диким зверям тоже было нельзя.

Опасности закончились, началось муторное ожидание. Единственное, что теперь оставалось руководителю, – не допустить деморализации группы. С этой задачей Филиппов справился.

Тем временем три наших товарища продолжали продвигаться вниз по ущелью.

А теперь воспользуемся возможностью открыть дневник Сергея Ульянова, записи в котором были прекращены в середине похода, а возобновлены сразу же после трагедии. Вот он – маленький потёртый блокнотик, в походе ему досталось, он был подмочен, высушен, что-то стёрлось, но всё-таки разобрать написанное можно.

23/V-78 г.

Около 17⁰⁰ прижало Андрея, сердце не бьётся, нет дыхания. Начали искусственное дыхание. Вот уже 30 минут нет пульса.

Нас – Дерябина Сергея, Мишку (нашего начальника) и меня, Ульянова Сергея – направили до деревни.

Вышли в 17³⁰, дошли до непроходимых прижимов, времени 21⁰⁰, готовимся к ночёвке, костёрчик. Завтра на заре решим, куда идти.

24/V-78 г., 9¹⁰.

Крапива уже сварилась.

У нас при себе ложка соли, 1 коробок спичек и больше ничего, кроме 2 спальных мешков, полиэтилена, рюкзака, накидки, 2 кружечек и 3 ложек. Да одежда на себе.

Нам необходимо как можно скорее прийти в деревню.

Вчера прошли километр или 1,5, сегодня полезем вверх.

В 9⁵⁰ – вышли. Идём вверх с небольшими перекурами.

11³⁰ – сидим и едим какую-то траву. Погода гнусная, только что прошёл дождь, сейчас светит солнце.

В этот день мы поднялись на отрог и спустились с другой стороны к притоку р. Чебдар.

25/V-78 г.

С утра сварили крапиву и ревень с черемшой, и попили чай из бада-на. По нашим расчётам, до деревни 15–17 км.

Решили переправляться через реку (Караган – Б.С.) и идти верхом до Чебдара.

10⁰⁵ – сейчас выходим, от голода и усталости немного качает.

Пошли вверх, спустились вниз, пересекли левый приток Чебдара и пошли вверх.

17³⁰ – над нами пролетел вертолёт в направлении востока.

17⁴⁵ – наткнулись на тропу, идём вверх, прошли километров 5, повернули назад и спустились к реке. Здесь в 6-угольном домике ночуем.

26/V-78 г.

Утро ясное, солнечное, сейчас пьём чай и идём до деревни. Около 12⁰⁰ дошли до избы пастухов, поели, умылись.

Говорят, должна быть машина...

На этом записи обрываются. После нормальной еды у всех троих случилось сильнейшее расстройство желудка. Когда же парни добрались до Балыкчи, то им не сразу удалось дозвониться до Горно-Алтайской спасательной службы. А когда дозвонились, услышали ответ: «Группа уже обнаружена. Ждите».

Идём ставить памятник. Июнь 1980 года

В 1980 году, ведя группу из четырёх человек к месту трагедии для установки памятной плиты, я спросил у старой алтайки, куда идёт тропа от верхней избы на Карагане, показав на эту тропу рукой.

– К устью Самурлу, там лабаз... – ответила алтайка, не слезая с лошади и попыхивая папирсой.

Это была та самая тропа, с которой мы роковым образом сошли 20 мая 1978 года. Минут тридцать я стоял и с тоской во взоре смотрел, как красиво и плавно она уходит вправо вверх... Как дорого иногда стоят самые, казалось бы, простые ошибки!

Я собирался пройти по всему маршруту, разумеется, не допуская прежних промахов, но когда мы устанавливали плиту, Сергей Буряков получил травму. Он пробивал шлямбуром дыру в скале, с молотка слетела стружка и глубоко вонзилась ему в плечо. Могло начаться заражение..., пришлось возвращаться в Балыкчу тем же путём.

Пробив четыре дыры, мы вцементировали в них болты головками внутрь, надели на них плиту по угловым её отверстиям и, закрутив гайки и сбив резьбу, залепили концы болтов остатками цемента.

Сфотографировавшись при помощи автоспуска, мы допили остатки водки, разбавленной компотом из жимолости и, скорбно постояв минуты три, двинулись в обратный путь.

Установка памятной плиты. 15 июля 1980 г. Б. Скворцов

Далее произошло то, что бывает в фантастических рассказах. Ровно через час мы снова очутились у обелиска.

– Это место нас не отпускает, остаёмся здесь! – почему-то весело сказал Буряков, мягко переступая с ноги на ногу.

– Ни за что бы не подумала, что такое возможно... – подавленно прошептала Света Курбакова.

– А если бы мы вон туда пошли, то вообще бы – хана! – разгорячено произнес Юра Князев, показывая рукой влево.

Я хотел было пошутить, что нас леший кружит, но вместо этого, озарённый внезапной догадкой, выхватил из кармана рюкзака большой блокнот и стал рисовать схему вчерашнего пути:

– Смотрите! Мы вчера шли по конной тропе, потом в поисках воды свернули в левую ложбину и, пройдя по ней километра полтора, увидели слева скалы и пошли к ним. Здесь и заночевали. Установив плиту, мы в условиях плохой видимости пошли назад тем же путём, но взяли немного правее и загнули кольцо.

Вот!

– И куда мы сейчас пойдём? – с сомнением спросил Юра.

– Именно туда, куда ты показал, но там не «хана», а как раз то, что нам надо.

Напряжение спало, и все сомнения окончательно развеялись только тогда, когда мы вышли на мощную конную тропу...

До похода дискутировалось два варианта установки памятной плиты: внизу у места трагедии, где практически никого не бывает, даже охотников, и наверху – у конных троп, где памятник путники будут видеть, но это далеко от места гибели Андрея. Точку в споре поставил туман, который плотной белой стеной застыл над ущельем, намертво загородив путь.

*У только что установленного обелиска.
Ю. Князев, Б. Скворцов, С. Буряков и С. Курбакова*

Но стоило нам установить плиту, туман, как по мановению волшебной палочки, развеялся, и километрах в трёх от нас стали видны Караганские ворота – высоченные, обрывистые берега реки Караган у слияния с Чебдаром и за ними – отвесная стена правого берега самого Чебдара. Страшно хотелось побывать внизу ущелья, но нельзя было рисковать травмированным Сергеем. Оставалось только сфотографировать открывшийся вид и скорее возвращаться.

Я подумал: «Да, плиту мы установили, но запланированный маршрут не прошли. Один участник травмирован, а напоследок ещё и я так сориентировался, что впору умом тронуться. А позади у меня вообще-то два лыжных руководства по Алтаю: первой и второй категории, зимнее восхождение на пик Черского на Хамар-Дабане в Прибайкалье да ещё и инструкторская работа в Эрлаголе...

Так имею ли я право в кого-то другого бросить камень за плохое руководство походом? Думаю, что нет».

Послесловие

В следующем, 1981-м, году инструкторский поход второй категории сложности организовывал и проводил я.

Инструкторов для Эрлагола в то время готовилось много, и ещё один инструкторский поход (правда, первой категории) вёл Володя Коботов. Ну, конечно, Ардальоныч шёл на пещеры, а в группе у него собрались исключительно спелики.

Филиппов после увольнения из НЭТИ поднимал туризм в Новосибирском НИИ автоматических приборов. Я же при организации похода придвинул его сроки вплотную к открытию лагеря. В качестве маршрута выбрал стосемидесятикилометровый кольцевой переход с максимальным пересечением участков, по которым предстояло потом водить походы моим подопечным.

– Фирма! – сказали мне в МКК, выпуская на маршрут, – а может всё-таки сократим – многовато ведь?

– Но ведь со мной идут будущие инструкторы, и у всех есть опыт «единички»: либо пешей, либо горной! – убеждённо возразил я.

Я постарался учесть и чужие, и свои прежние ошибки. Поход получился замечательный, хотя и не без приключений.

Но об этом как-нибудь в другой раз...

Старая папка

В середине сентября 1986 года инструкторы спортлагеря «Эрлагол» собрались у шестого учебного корпуса Новосибирского электротехнического института. В этот день обещали выдать компенсацию дорожных расходов, а кроме того, обсуждались планы будущих ноябрьских походов, организация турслёта «Золотая осень» в долине речки Оры, а также предстоящие встречи летних эрлагольских групп, называемые туристами походными «точками».

Асфальтовые тротуары были уже заботливо устланы осенью разноцветными листьями, напоминающими по форме ладошки, а только что прошедший мелкий дождь напитал эту осеннюю палитру контрастными оттенками. Насыщенная приключениями и неизгладимыми впечатлениями пора летних походов посылала туристам прощальное «прости». Вечерело. Осеннее солнце ничуть не грело, более того, прохладный ветерок заставил нас утеплиться в куртки и лёгкие лыжные шапочки.

То к одному, то к другому инструктору подходили участники летних путешествий, делились впечатлениями, идеями, кто-то даже предлагал для организации «точки» собственную квартиру. И тут появляется мой коллега по работе в «Эрлаголе» альпинист Владимир Косарев и сходу сообщает:

– А у меня для тебя кое-что есть. Помнишь, ты рассказывал о трагедии в Чибдарском ущелье? А теперь – смотри!

Володя достаёт из папки пять слегка помятых желтоватых листов дешёвенькой, предназначенной для черновых записей бумаги, испещрённой машинописным текстом через копирку, и по качеству печати видно, что передо мной последний, скорее всего четвёртый экземпляр документов. Рассеянно перебирая рассыпающиеся листы, вдруг натываюсь на заголовок «Заключение маршрутно-квалификационной комиссии НЭТИ по разбору причин несчастного случая, произошедшего в группе туристов НЭТИ (руководитель Филиппов А.М.)».

Вот это сюрприз! Я не присутствовал на совместном заседании правления и маршрутно-квалификационной комиссии турклуба НЭТИ, протокол которого был приложен к Заключению. Но я был участником того незабываемого путешествия, а потом организовал поход и установку памятной плиты у места гибели Андрея Изотова, с которым мы немало ходили вместе по горам Восточного и Центрального Алтая. С трудом оторвавшись от текста, спросил у Володи, откуда взялись эти бумаги, и вот что услышал.

На кафедру физвоспитания, где преподавал Косарев, привезли новую мебель, а старую было решено выбросить, о чём и попросили присутствующих там мужчин. Разумеется, напоследок просматривалось оставшееся содержимое ветхих тумбочек, древнего книжного шкафа, ящиков столов. Бумажный хлам постепенно заполнял приготовленные для этой цели урны.

Обнаружив в одном из ящиков старую папку, Владимир Алексеевич убедился, что в ней лежат копии различных документов. Корреспонденция, отправляемая по адресам, а также остающаяся в делопроизводстве, снабжалась исходящими номерами, а здесь лежали давно уже никому не нужные запасные экземпляры.

Один из документов вызвал у Володи неподдельный интерес – в нём речь шла о событиях, известных ему из моих рассказов. Увидев знакомые фамилии и вчитавшись в текст, коллега понял, на что именно он так случайно наткнулся. Бережно сложив упомянутые пять листов, Володя сохранил их для меня.

Привожу этот «манускрипт» со следующей страницы.

Потом вместе с участниками того похода мы не раз просматривали и обсуждали это заключение вместе с приложенным к нему протоколом. Разглядывали фотографии, читали дневники, вспоминали подробности трагедии.

Я не буду комментировать документы. Вместо этого приглашаю прочитать мою «Летопись», в которой приведена полная хроника упомянутых событий по дням и по часам. У этой «Летописи» интересная судьба: она продолжает «размножаться» в сети Интернет, главным образом на туристских сайтах.

– Ты памятник воздвиг нерукотворный! – пошутил как-то один из друзей, обнаружив мою повесть ещё и на сайте любителей подводного плавания и экстрима.

– Ну, да! – рассмеялся я.

– Но ты ведь не станешь спорить о том, что Интернет в том или ином виде будет существовать до конца света! Да и туристы – народ неистребимый. Допустим, рухнут какие-то сайты, но на остальных-то «Летопись» останется, не говоря уже о библиотеке Мошкова, у которой периодически появляются всё новые «зеркала».

...Заинтересованный читатель порой спрашивает о дальнейшей судьбе моих героев. Так вот, ровно через пять лет после гибели Андрея Изотова в каменной ловушке трагически погибает руководитель похода Александр Михайлович Филиппов. Отправившись на майский турслёт под Искитимом, он внезапно исчезает, и лишь спустя продолжительное время его тело находят на дне реки Бердь. Похоже, было совершено убийство, и скорее всего случайное. А ещё через пять лет в автокатастрофе гибнет Михаил Мельников – стажёр нашей группы. Затем, ровно через двадцать лет после второго инсульта, ушла из жизни Светлана Анатольевна Курбакова...

Вопрос: График прохождения маршрута?

Ответ: 3-4 день отставание на один день

5-6 день еще отставание на один день

6-7 день -" -" -"

Снег выпал вначале похода и из-за этого потеряли два дня, а затем еще и проскочили тропу (она была под снегом).

Вопрос: Распорядок дня?

Ответ: Выход в 9-10 часов. Шли несколько раз без обеда. Среднее чистое ходовое время 7-8 часов.

Продукты взяли на 12 дней. Недостаток стал ощущаться на 8-10 день. Причины? Завхоз нечетко рассчитал, а руководитель не проверил.

Вопрос: Дистанция между ледьями и порядок ходьбы?

Ответ: Дистанция не более 0,5 км. Первыми шли наиболее сильные: спелеологи, стажеры, Изотов. На более сложных участках следил сам.

Вопрос: Решение об изменении маршрута?

Ответ: Собрал группу, рассказал о возникшей ситуации (опоздание, малый запас продуктов и вероятность встречи пастухов на реке), было решено выходить к реке.

Вопрос: На прохождении 3 перевалов потратили больше половины времени, а впереди более сложные перевалы. Почему не встал вопрос о прохождении маршрута?

Ответ: 1. Группа боеспособна.

2. Первые дни идти тяжелее.

3. Снегопад помешал в первые дни.

4. Надеялся на погоду.

Считал реальным пройти и не видел сложности в остальных перевалах.

Вопрос: График дня, когда произошел несчастный случай?

Ответ: Выход в 9 часов. Прошли несколько прижимов и после этого повернули обратно, решили идти верхом. Аляев и Мельников пошли на разведку. Сказали, что через два прижима есть просевы. Решили идти. Навешивали веревки. Три человека решили, что прохождение участков не сложно и пошли по камням, когда и произошло несчастье. Наверху имелось много троп. Физически группа уже была ослаблена.

Вопрос: Как шла группа на камнях?

Ответ: Изотов был одним из опытных участников, имел хорошую ориентацию.

Вопрос Дитятеву Е.В.: Вопрос о запрете выпуска группы в межсезонье не был доведен до МКК НЕФТИ. Кому об этом было сказано?

Ответ: На собрании городского турклуба было сказано Филиппову А.И.

Вопрос: Когда выпускались в НЭТИ, возникал ли вопрос, что не выпускают?

Ответ: Нет, т.к. считал, что межсезонье уже кончилось.

Вопрос: Каким походом руководили до этого?

Ответ: Семинар в ноябре, четыре ~~небольшых~~ группы.

Вопрос: Получили ли какие-либо дополнительные сведения в КСС?

Ответ: Никаких указаний и рекомендаций не получал. Проконсультироваться было не у кого.

Вопрос: Дисциплина?

Ответ: Слушались, но за каждым не усмотреть. Стажеры могли бы руководить лучше, было бы легче. Экспессов не было.

Вопрос: Еще до несчастного случая одному из участников упал камень на голову. Как это произошло?

Ответ: За день до несчастного случая все сидели внизу, а разведчики пошли верхом и спустили камень на одного из участников.

Вопрос: Проводилось ли учение на маршруте?

Ответ: Были небольшие разборы перед прохождением участка, ориентирование непосредственного обучения не было.

Вопрос: В каком плане был разработан поход?

Ответ: Т.к. поход был перед сессией, то спец. дней на обучение не было. При каждом сложном случае был разбор. Разбор грубых ошибок, разбор несчастных случаев (разбор случая когда один из участников получил травму камнем).

Вопрос: Был ли специальный план занятий на поход?

Ответ: Нет. Придерживались общего плана. Надеялись уделить больше внимания в походе, но возникла ситуация, помешала.

Вопрос к участнику: Как группа шла в конце похода?

Ответ: Нервозности, спешки в группе не было. Воспринималось все спокойно. Надеялись выйти в населенку через 2-3 дня.

Вопрос: Претензии к администрации?

Ответ: Почти не было выдачи снаряжения. Командировка подписана только в день отъезда и также выданы деньги. Только за день до выхода стало известно, что группой будет руководить Филиппов А.М.

Заключение маршрутно-квалификационной комиссии НЭТИ по разбору причин несчастного случая, произошедшего в группе туристов НЭТИ (руководитель — Филиппов А.М.).

МКК турклуба НЭТИ, ознакомившись с подробностями организации и проведения пешего похода II категории сложности под руководством Филиппова А.М. (В. Алтай, май 1978 г.), выявила ряд недостатков, в той или иной мере способствовавших трагической гибели одного из участников похода — Изотова А.И.

1. МКК турклуба НЭТИ отмечает тот факт, что руководитель группы Филиппов А.М. не уделил должного внимания подготовке похода. В частности, это проявилось в недостаточном знании района путешествия, слабой организации питания группы на маршруте.

2. Совершенно ясно, что МКК НЭТИ должна была выявить недостатки подготовки похода во время утверждения маршрута, а не сейчас, когда произошло ЧП.

3. Группа была выпущена на маршрут без предъявления требований межсезонья.

4. Недостаточная требовательность МКК НЭТИ была вызвана влиянием большого туристического опыта Филиппова А.М.

5. МКК НЭТИ считает, что Филиппов А.М. как руководитель группы, недостаточно объективно оценил обстановку, сложившуюся на маршруте и силы группы. Дело в том, что уже на I-ой половине маршрута должно было быть ясно, что дальнейшее продвижение по маршруту связано с риском попадания группы в критическую ситуацию — под угрозой контрольный срок.

6. Следует также отметить недостаточную дисциплину участников похода, несогласованность движения двух групп, недостаточный контроль со стороны Филиппова А.М. за действиями ставров.

7. МКК НЭТИ считает, что одной из грубых ошибок ФИЛИППОВА Филиппова А.М. является уход группы с маршрута, якобы с целью облегчения пути, в район, сведения о котором руководитель не имел и в заявочных документах первоначально не оговоривал.

8. Обстоятельства гибели Изотова А.И. указывают на то, что первопричиной несчастного случая является личная неосторожность, невнимательность погибшего. При осмотре места происшествия оказалось, что путь по которому пошел Изотов А.И. не единственный, тропа, хоть и не явно выраженная, обходит каменную ловушку сверху.

9. Следует отметить, что в тяжелой обстановке, создавшейся на маршруте руководитель группы Филиппов А.М. сумел не поддаться панике, поддерживать здоровый, боевой дух группы.

Семинарский поход в основном свои задачи выполнил. Часть участников похода летом 1976 года работали инструкторами в г/с лагере "Эрлагол", зарекомендовав себя с хорошей стороны.

Ю. В заключении следует указать на халатное отношение администрации института к учебным мероприятиям по подготовке инструкторов г/с лагеря "Эрлагол". На это, в частности, указывает тот факт, что Филишнова А.М. вплоть до дня отъезда не отпускали с работы.

Читатели-туристы откликнулись из многих уголков земного шара, в том числе из США, Канады, Германии, Израиля, Австрии, Великобритании и других мест. Послание из Торонто заставило меня встрепенуться – написал мне один из героев моей повести:

«Борис, привет!

Ты где сейчас? Я прочитал твою повесть... Не знаю, можно так или нельзя водить, за 20 лет своей практики руководителя я так и не смог ответить себе на этот вопрос. Но этот поход во многом определил мою жизнь, и я хочу сказать, что я благодарен Филиппову как ни одному другому человеку в жизни за то, что он "сделал" меня таким, каким я стал к сорока годам – деликатным, гибким, отзывчивым и, самое главное, уверенным в своих силах человеком!

Читать было приятно до слёз... Спасибо тебе. Я в Канаде, в Торонто. Занимаюсь туризмом, и сотни жителей Торонто стали моими благодарными клиентами и друзьями.

С уважением, В. Жутяйкин.

P.S. Тот Альбаганский тур с запиской – это мой тур. Мой и моих детей, с которыми я прошёл поход и которым посвятил 10 лет жизни».

А вот что рассказывала приезжавшая из Семипалатинска ко мне в гости в Эрлагол Светлана Курбакова:

«С Интернетом я познакомилась не очень давно. Когда почтовая программа предложила найти однофамильца в сети, я нажала ОК. После этого долго боялась пошевелинуться, так как почувствовала, что у меня медленно-медленно едет крыша. Дело в том, что на экране в разных вариантах появился список участников нашего майского похода! С трудом пересилив себя, выбрала одну из ссылок и долго не могла оторваться от экрана, поняв, наконец, что тобой опубликована повесть о тех давних событиях. Мне-то казалось, всё давно забыто...»

Один из моих героев, Алексей Борисович Шуркевич, передал мне целый комплект пейзажных фотослайдов, снятых им в том походе. Слайды эти включены в настоящий сборник. Эти иллюстрации существенно расширяют представление о майском межсезонье 1978 года на Восточном Алтае, о тех препятствиях, с которыми нам довелось тогда столкнуться.

Когда говорят, что своей повестью я рекламирую плохо организованный поход, я отвечаю: это вовсе не реклама! «Летопись одного турпохода» – это в первую очередь дань памяти моим трагически ушедшим товарищам.

Заключение КСС

Этот документ я получил в конце 2015 года. Вадим Кочнев, разбирая свой архив, наткнулся на заключение КСС и отправил его мне. Вадим был одним из тех 12 человек, упомянутых в заключении, кто поднимал тело Андрея Изотова со дна Чебдарского ущелья. Мне, как летописцу того похода, заключение КСС по разбору причин несчастного случая, произошедшего в нашей группе в мае далёкого 1978 года, особенно интересно.

Ранее я публиковал собственный анализ случившегося, начиная с событий, предшествующих трагически закончившемуся походу. Там же, в частности, приведён дневник Сергея Ульянова («Возвращаясь к трагедии на Чебдаре»). Из этого дневника, как и из моих записей, следует, что Андрей Изотов погиб не 22, а 23 мая, через двое суток после контрольного срока. Налицо несоответствие дат.

Тогда же, 23 мая, к ночи разыгралась страшная непогода, не позволявшая спасателям начать работы. Поднялась река Чебдар, наполнив до краев каменную ловушку, в которой погиб Андрей.

Жуткая таёжная ночь на дне Чебдарского ущелья, кромешная мгла, сквозь которую мы слышим мрачную симфонию завывающего ветра и стонущих деревьев. В зловещем грохоте реки угадывается какое-то гоготанье и улюлюканье. Разгулявшаяся стихия словно ликует, празднуя победу над человеком.

Ещё одна неточность в приведённом ниже документе: не пропускал Филиппов поворот троп в верховьях Уйкараташа. Это произошло в верховьях реки Самурлу, по которой группа затем спускалась до её устья. Здесь-то руководителем и была совершена роковая ошибка: сход с неожиданно появившейся конной тропы, ведущей от охотничьей избы с лабазом наверх, спуск к реке, по берегам которой мы стали продвигаться вниз «...не подозревая, что на этом пути группу ждёт исключительно сложный и фактически непроходимый каньон Чебдара».

По словам начальника Новосибирского ПСО, заслуженного мастера спорта России Валерия Говора, это заключение – «продукт того времени, хотя не всё уж так соответствовало действительности» (см. постфактум в «Летописи»).

Как всё было на самом деле – подробно, по дням и часам – описано в этой «Летописи одного турпохода». Тех, кто не читал, приглашаю прочитать.

На самом деле «Горы нужно любить, чтобы туда ходить, и горы нужно уважать, чтобы оттуда приходиться».

А теперь сам документ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

контрольно-спасательной служб по разбору причин несчастного случая, произошедшего в группе туристов г.Новосибирска 22 мая 1978 года.

I.

Группа туристов Новосибирского электротехнического института в количестве 17 человек под руководством Филиппова А.М. в период с 7 по 18 мая 1978 года совершали пешее путешествие II категории сложности в районе Восточного Алтая по маршруту: с.Чемал-р.Чемал-пер.Тогус-оль-пер.Сайгонош-р.М-Сумульта-пер.Турдем-р.Конный пер.-Квнй-р.Аксаазкан-пер.Уйменский-р.Уймень-пер.Карасаазкан-пер.Штатив-р.Уйкараташ-пер.Самурла-р.Самурлу-пер.Чекрык-п.Ачелман-р.Ачелман-с.Балыкча маршрутная книжка № 5/78 рассмотрена МКК турклуба НЭТИ, шифр МКК I45-5-2220000.

II.

22 мая 1978 года около 16 часов группа туристов НЭТИ двигалась по берегу р.Чибдар, представляющему собой нагромождение больших валунов береговой сипи. Направляющий группы Изотов А.М. прыгнул на "живую" плиту, лежащую на большой глыбе и подскользнувшись /шел мелкий дождь/ падает с плиты, ухватившись за нее, в расщелину между большой глыбой и рядом лежащим камнем. Плита весом около 1000 кг., лежавшая на большой глыбе падает в расщелину, придавив Изотову А.М. левую часть туловища и голову. Через 3-5 мин. пострадавший был освобожден от камня и вытасен из расщелины в бессознательном состоянии

На протяжении 3-х часов пострадавшему делали искусственное дыхание и массаж сердца, но в сознание он не приходил, пульс не прощупывался.

В это же время руководитель группы Филиппов А.М. направил 3-х участников похода в с.Балыкча с просьбой об оказании помощи оставшимся с группой в ущелье р.Чибдар.

26 мая, не дождавшись помощи, Филиппов А.М. вновь посылает 3-х человек в с.Балыкча.

III.

Сообщение о несчастном случае в КСС не поступало. Контрольный срок группы истек 21 мая 1978г. В связи с плохими метеорологическими условиями /не летная погода/ поисковые работы были начаты 25 мая, был сделан облет по маршруту группы, но группу обнаружить не удалось.

26 мая при облете в районе р.Чебдар в 5-10 км выше устья группа была обнаружена на дне ущелья р.Чебдар, на левом борту ущелья был выложен белый крест. Спас.отряд в количестве 5 чел. был высажен на водоразделе левого склона р.Чебдар 26 мая для оказания помощи группе.

27 мая КСС стало известно, что 3 участника пришли в с.Балыкча вечером 26 мая, а другие 3 участника вышли из лагеря в ущелье р.Чебдар по направлению с.Балыкча 26 мая.

Спас.отряд в количестве 6 человек начал поиск пропавшей тройки 27 мая.

28 мая группа в количестве 13 чел. доставлена вертолетом Ми-8 в г.Горно-Алтайск, в этот же день пропавшая тройка вышла в с.Балыкча.

29 мая спас.отряд в количестве 12 чел. был направлен в р-н происшествия /для транспортировки трупа Изотова А.И.

31 мая 1978 г. труп Изотова А.И. был доставлен в Горно-Алтайскую областную больницу для проведения судебно-медицинской экспертизы. 2 июня труп Изотова А.И. отравили ~~жестокими~~.

IV.

Причины несчастного случая:

Сам факт гибели туриста Изотова А.И. в группе НЭТИ под руководством Филиппова А.М. можно было бы расценить как непредвиденную случайность, вызванную его личной Изотова А.И. неосторожностью, однако ряд дополнительных обстоятельств и прежде всего то, что несчастный случай произошел в трудно-доступном ущелье р.Чебдар /т.е. в стороне от утвержденной линии маршрута/ и 22 мая 1978 г. когда по утвержденному графику маршрут группы должен был уже заканчиваться, заставляет более серьезно и глубоко разобраться почему группа оказалась в бедственном положении, почему ей был нарушен график движения и контрольный срок, почему группа оказалась в стороне от утвержденного маршрута, проходящего по тропе и была вынуждена преодолевать исключительно-сложный участок нижней части ущелья р.Чебдар, где и случилось несчастье.

Подробно разобрав все обстоятельства происшедшего КСС Горно-Алтайского облсовета по туризму и экскурсиям считает, что настоящему несчастному случаю предшествовал ряд грубых нарушений

"Правил организации туристских путешествий на территории СССР", недопустимое легкомыслие руководителя группы в период подготовки и утверждения маршрута, серьезно ошибки руководителя во время проведения похода.

1. Маршрут, который планировала совершить группа в районе Северо-Восточного Алтая от с.Чемал до с.Балыкча через 10 перевалов согласно Перечню эталонных туристских маршрутов, утвержденного ЦС по туризму и экскурсиям относится к пешеходному маршруту II-й категории сложности. Об этом не мог не знать руководитель группы т.Филиппов А.М. Более того он обязан был знать, что в период раннего межсезонья все перевалы закрыты глубоким снегом, преодоление их значительно усложняется и таким образом еще более усложняется и без того достаточно сложный маршрут. В этой ситуации маршрут фактически превышал требования, предъявляемые к маршруту III категории сложности и в соответствии с правилами и участникам маршрута достаточно компетентная МКК могла и должна была предъявить требования выше, чем к обычному маршруту II категории сложности. Однако, хорошо зная, что формально участники маршрута не отвечают даже обычным требованиям к маршруту II категории сложности. Руководитель во-первых сознательно занижил категорию сложности намеченного маршрута, и во-вторых, чтобы не получить категорический отказ у квалифицированной МКК /какими наверняка являются городская и областная МКК Новосибирска/, провел утверждение маршрута через МКК туристского клуба ИЭТИ, т.е. по-существу утвердил маршрут сам себе, поскольку ясно, что подавляющее большинство членов институтской МКК - это студенты института работой туристского клуба и МКК практически руководит преподаватель кафедры физического воспитания Филиппов А.М.

2. Маршрутно-квалификационная комиссия туристского клуба ИЭТИ не имела права утверждать настоящий маршрут, поскольку ее полномочия ограничены утверждением пешеходных маршрутов II-й категории сложности.

3. Трудно понять и объяснить с какой целью и для чего руководитель группы избрал столь сложный вариант маршрута для группы студентов, явно не имеющих достаточной подготовки, прошедших лишь начальное обучение для будущей работы в качестве инструкторов в туристско-оздоровительном лагере ИЭТИ "Эрлагол". Контрольно-спасательной службе хорошо известно, что все маршруты этого лагеря проходят в непосредственной близости от него и ни один маршрут не превышает II-ю категорию сложности, испытания для будущих инструкторов в этом году?

4. У КСС складывается впечатление, что руководитель группы т. Филиппов А. М., несмотря на свой довольно большой туристский опыт и высокое спортивное звание /кандидат в мастера спорта СССР по туризму/ подошел к выбору маршрута легкомысленно, наивно и без достаточных оснований, полагая что он и его группа справятся с маршрутом. Будущий руководитель не посчитал для себя необходимым детально познакомиться с возможностью прохождения маршрута в исключительно сложных условиях ранней весны, не потрудился познакомиться со снежной обстановкой на маршруте, не проконсультировался по этим вопросам ни с опытными туристами, хорошо знающими район, ни с контрольно-спасательной службой Горно-Алтайского областного совета.

5. Руководитель группы, и на маршруте продолжал совершать ошибки. Уже в начале маршрута для всех участников и вероятно для самого руководителя стали очевидными чрезвычайно трудные условия похода /неслучайно по плановому маршруту 77, почти аналогичном тому, что шла группа ИЭТИ, первый инструкторский поход, Бийской туристской базы "Алтай" начинается лишь в начале июня и даже тогда спустя месяц немало перевалов приходится проходить по глубокому снегу/. Если бы руководитель во время понял явную авантюризм своего замысла, то у него было достаточно вариантов для значительного упрощения и сокращения маршрута, как в начале его /например выход обратно после второго перевала или уход на с. Эдиган/, так и в середине маршрута, когда стало очевидным, что группа основательно выбивается из графика и нарушение контрольного срока неизбежно. Если бы руководитель правильно и трезво оценил обстановку, то даже в условиях значительного нарушения графика движения, после Уименского перевала можно было отказаться от дальнейшего продолжения маршрута и выйдя по долине р. Уимень в с. Уимень.

Сообщить о прекращении маршрута еще до истечения контрольного срока. Однако этого сделано не было, руководитель, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, упрямо продолжал маршрут, наконец, в верховьях р. Уйкораташ пропустил поворот тропы / по всей вероятности тоже из-за снега/ и стал спускаться сначала по долине р. Уйкараташ, а затем по долине р. Чебдар не подозревая, что на этом пути группу ждет исключительно сложный и фактически непроходимый нижний каньон Чебдара.

Там и случилось несчастье 22-го мая, когда контрольный срок группы уже истек. Недостаток информации о нижнем участке долины р. Чебдар окончательно убеждает, что руководитель не слишком

затруднял себя при разработке маршрута, иначе от него не ускользнула бы широко известная среди туристов печальная слава этого трудно-преодолимого каньона. Видимо руководителя успокаивала тот факт, что вся линия маршрута идет по тропе планового маршрута № 77, по которому ежегодно подходят несколько десятков групп, но просчитался, т.к. чаще перед группой была необычная торная туристская тропа с маркировкой, показывающей направление пути, а сплошные снежные поля, глубиной значительно выше колена.

Таковы основные причины несчастного случая с группой туристов ИЗТИ, приведшие к гибели одного из туристов, к срыву маршрута, к исключительно тяжелому можно сказать критическому положению группы на маршруте, к нарушению контрольных сроков, к проведению крупных спасательных работ и затрате на них значительных государственных средств, наконец к большой и вполне обоснованной тревоге руководителей института, партийных, советских и профсоюзных организаций, родных и близких участников этого похода.

Справедливости ради следует отметить, что при постановке группы на учет работникам контрольно-спасательной службы Горно-Алтайского областного совета т. Сухова В.М., к сожалению, не были замечены изложенные выше явные нарушения. Он выполнил свои обязанности чисто, формально и односторонне, т.е. проверил наличие маршрутной книжки, наличие печати МКК и контрольных сроков, не обратив должного внимания на необычно раннюю попытку прохождения сложного маршрута, а главное на несоответствие категории сложности маршрута, указанной в маршрутной книжке фактической сложности маршрута. Работник КСС сработал весьма неквалифицированно, за что строго наказан по административной линии.

Начальник контрольно-спасательной
службы Горно-Алтайского областного
совета по туризму и экскурсиям

- В.М. Шипунов

*Фотослайды
А. Муркевича,
6–30 мая 1978 года*

9 мая 1978 г. В урочище Абаи. Алексей Шуркевич

Отряд вышел за границу леса

Мы здесь были

Что-то не похоже на перевал

Вечерет

Мрачный распадок

Кажется, проскочили тропу

Заснеженный пейзаж

В верховьях Акса-Азкана

Погода начинает портиться

Окрестности Уйменских озёр

Окрестности Уйменских озёр

А что там за хребтом...?

За этим перевалом реки текут не в ту сторону

Вид на Восток с перевала Штатив. Снега почти нет

Высокие горы остались позади

Пора ориентироваться...

Несложный подъем

На спуске

Оглядываясь назад

Читательские письма

1. Мне всегда хотелось, чтобы наши походы были так или иначе увековечены! И моей мечтой было, чтобы посторонний человек, прочитав походную летопись и посмотрев фотографии, почувствовал бы, будто сам побывал там.

Вам это удалось – теперь мне кажется, что и я ходил с вами туда... Спасибо.

Повесть вашу прочитал одним махом, не отрываясь. Сам хожу с детства в байдарочные походы, но даже самые экстремальные из них несерьёзны по сравнению с тем, который описали Вы.

С уважением, Илья Овчинников.

2. Вызывает уважение поведение участников. То, что они не скинули и не упали в истерику даже девушки, хотя для некоторых это был первый поход. Да и поведение руководителя у меня не вызвало никаких неприятных чувств.

Большое спасибо за летопись. Прочитал с чувством. Мне всегда было интересно поведение человека в экстремальных условиях. Я не турист, и мне сложно судить о тактике похода. Наверное, были ошибки, но сам факт гибели всё-таки случаен, по-моему. Могли и все вернуться. Многие группы наверняка возвращались и сейчас возвращаются.

Здесь есть некоторое отличие от альпинизма, по-моему. Те нестандартные ситуации в альпинизме детали, которые я знаю, были более предопределены с самого начала. Да и короче там маршруты всё-таки, хотя технически, конечно, более сложны и опасны.

Ну вот, моё короткое мнение такое. Хотя, конечно, буду ещё читать, анализируя детали.

P.S. Помню, один раз мы остались на сутки без еды. Так когда мы в деревне купили полбуханки хлеба, он сладким показался. А тут вроде хлеб горький был, но это, наверное, от большего периода голода.

Ринат, г. Казань.

3. В творческом плане хорошо... Передан дух молодых людей того времени, некоторые отрывки, особенно в созерцательных местах, просто хороши. Местами, натурально фотографии... причём не только пейзажные, но и словес-

ные, речевые... и такие старые, черно-белые, но очень качественно сделанные фотоснимки, что выходили со старых ФЭДов. Федосеевские записки напоминают. Качественно. Спасибо.

А по поводу аварийной ситуации имею сказать следующее. «Горы нужно любить, чтобы туда ходить, и горы нужно бояться, чтобы оттуда приходиться», – вот фраза моего первого руководителя Жоры Сальникова, которой я всегда руководствовался в первую очередь. «Сменилась ситуация – меняй тактику» – второй мой столп безопасности в горах от Владимира Юдина. «Ко всем неожиданностям в горном походе нужно готовиться на равнине» – это я уже сам себе придумал.

У меня крайне мало отрицательного опыта в горных походах, может быть, это следствие везения, но я обычно списываю это на «нюх на опасность». Хотя и он меня подводил, так в 1994 году на тропе по Левому Талгару я вместо широченной плановой тропы налево в сторону Медео повёл своих «двоечников» вниз по реке по тропе, по которой ходил в 1991 году. Воспоминание было, что тропа нормальная (хотя и с переправой) и ОЧЕНЬ красивая. Возможно, надо было повернуть назад, когда я увидел, что тропа изуродована свежими селями, что на ней нет свежих следов, но мы шли «до упора», и когда «упор» возник в виде отсутствия тропы, погоды, переправы, пришлось применить максимум мастерства для того, чтобы контролировать ситуацию и не допустить трагических проколов – шли на пределе.

Ситуация была очень похожа на Вашу, поэтому, анализируя свой опыт и накладывая на Ваш, могу сказать следующее. На мой взгляд, ситуация сложилась к моменту «Пятнадцать минут работы, и мы – на перевале!», а наметилась ещё раньше. Становится ясно, что руководитель не контролирует ситуацию, когда в очередной раз промахивается, когда идёт на пределе времени, сил и умения участников... Ведь можно было бы свернуть в Уймень, но он полагает, что лучше идти без карты, только по схеме, с двумя «тропарями» и большей частью измотанной группой. Поэтому к моменту выхода на избу аварийная ситуация уже сформировалась, «зарядилась» и ждёт «спускового крючка». Тут везение ещё долго не оставляет группу, так как непоправимое могло случиться и ранее, тем не менее группа также идёт «до упора», который вскоре и наступает... А судя по действиям руководителя, в момент гибели участника он, как и дни ранее, не контролирует ситуацию... Вот...

С уважением, Егор Зырянов.

4. Я прочитал Вашу историю (и не я один, поскольку я информирую своих друзей о появляющейся интересной информации в сети). Впечатления о пове-

сти самые положительные. Очень точно и не навязывая своего мнения, Вы ведёте рассказ об этих событиях.

Я человек не равнодушный к туризму, поэтому, читая, я слежу по картам двухкилометровкам за продвижением Вашей группы. Постоянные ошибки, которые совершает группа, на мой взгляд, не связаны с мистикой или невезением, как считают некоторые Ваши читатели. – Я полагаю, это просто результат неподготовленности руководителя к этому маршруту.

Можно сделать ошибку и «промазать» перевал, это допустимо, но не иметь представления о некоторых общих вопросах по местности, куда мы ведём группу (например, об ущельях рек Чебдара и Башкауса), на мой взгляд, преступно. Конечно, в те годы информацию было получить значительно труднее, чем сейчас, однако полное ее отсутствие, как и отсутствие нормальных карт местности у руководителя, говорит о его неглубоком подходе к жизни вообще, который имеется также и у очень многих других людей: «Пойдём, а там видно будет...». Раз на раз не приходится, горы не всегда щадят людей с подобным мировоззрением. И хотя нелепая трагедия могла, в принципе, случиться и в благополучном и подготовленном походе, но уж слишком много отрицательных факторов этого похода многократно увеличили её вероятность именно здесь, поэтому в каком-то смысле она не была случайной.

Спасибо Вам за то, что Вы сохранили и донесли до нас эту поучительную историю. Обращайтесь, если смогу чем-либо помочь – всегда буду рад.

Если сочтёте нужным, это моё письмо можете цитировать или опубликовать полностью.

Ещё раз спасибо.

С уважением, Георгий Гуляев.

5. Повесть мне очень понравилась, читал не отрываясь. С литературной точки зрения судить не берусь, да это и не самое главное, ИМХО. Особенно зацепила она меня тем, что на удивление точно передала то настроение, которое охватывает группу после того, как преследующие её постоянные мелкие неприятности и ошибки складываются с колоссальной усталостью от недосыпания, недоедания и тяжёлого маршрута. И трагический конец если и неизбежен, то весьма вероятен, – сколько раз группа была в аварийных ситуациях, каждая из которых могла закончиться плачевно.

Этим летом у меня улетела с перевала девушка, однако отделалась лёгким испугом. Однако потом оказалось, что что-то с ней все же не в порядке, что-то она себе всё-таки отбила, поэтому мы отсиживались на Аккеме на метеостанции у знакомых. И вот, когда мы уже собирались уходить, с Кара-Тюрека спустился какой-то мужик (из Томска, по-моему). Я его никогда

раньше не видел, но по его виду понял, что означает выражение «постарел за два дня на десять лет».

А ситуация у него была следующая. Он с тремя чайниками шёл траверс 50 лет КПСС – 20 лет Октября (через Белухи (обе)) и попал, как это на Алтае даже в августе часто бывает, в отсидку по непогоде.

День сидел, два сидел, еда кончилась, на четвёртый день чайники уговорили его спускаться («Развели, блин, демократию! И чего я их послушался...»). Стали спускаться и в кулуаре попали под камни. Одному парню сломало бедро, девушке ребро и руку, вроде как повредило лёгкое. Оставил он с ними уцелевшего парня и побежал вниз. За один день (!) он спустился с 20 лет Октября на Кони-Айры, спустился по Кучерле и перевалил через Кара-Тюрек. Что с ними потом стало, я не знаю, но вертолёт в тот день взлетал несколько раз, то ли не мог сесть, то ли найти их по непогоде.

А повесть твою, по-моему, следует прочесть всякому, кто ходит в походы, а тем более водит других. Потому что страшна в походе иллюзия безопасности в сочетании с моральной усталостью, потому как при этом теряется осторожность. По-моему, это самая распространённая причина несчастных случаев, хотя причины могут быть самые различные.

Можно я выложу повесть к себе на страничку? Потому что сам я предпочитаю писать о забавных сторонах походов, но такие вещи должны быть прочитаны.

Успехов, Василий Григорьев.

6. Боря! То, что Вами написано, повестью нельзя назвать. Это типичный авторский дневник, и он ценен сам по себе, так как день за днём в самых тяжёлых условиях описывает события. Но при всём драматизме ситуации с гибелью одного из походников это читаешь как хронику, но не как цельную прозаическую вещь. То есть при неплохом описании природы края сама литературно-художественная часть весьма слаба, в сюжете нет глубоких связей, а лишь поверхностно описаны характеры. В лучшем случае я рекомендовал бы это произведение как инструкцию по туризму (конкретного маршрута), а не как полноценную повесть.

С уважением, Михаил Генин.

7. Предполагаю, что это Ваш первый опыт литературной публикации. Все это хорошо знакомо и близко мне. Я, как и Вы, с юных лет много путешествовал, и не единожды приходилось бывать в труднодоступных уголках нашей планеты, попадая иногда в столь же, казалось бы, безвыходные ситуации.

Читая Вашу дневниковую повесть, как бы снова отправляюсь в путь по краям, знакомым мне, нехоженым, заповедным. Ведь сейчас на Земле остаётся всё меньше мест, не тронутых цивилизацией и не осквернённых духовным растлением. И эти роднички, эти оазисы чистоты среди духовной пустыни нужно как можно дольше сохранять немногочисленными и девственными. Сам Господь мудро отделил заповедные края Земли от шумных поселений и караванных автострад многокилометровыми пешими или конными переходами, непреодолимыми для новичка перевалами, стремительными реками и труднопроходимыми дебрями тайги и болот. Тот, кому дано пройти все эти преграды, преодолеть в себе смертельный страх, познать тягостную неизвестность и невосполнимую горечь гибели друга, наконец пережить радость освобождения и обрести через всё это искреннее молитвенное чувство – тот испытает волнующую радость соприкосновений с удивительным Божественным творением – девственно-чистой природой. Такой человек воистину достоин того, потому что пришёл в природу как друг, а значит, как заботливый и нежный хозяин.

Пусть хотя бы в местах заповедных останется всё в первоначальном неруко-творном порядке. Пускай же здесь мирно отдыхает наша Планета, уже изрядно уставшая от удушающих объятий цивилизации. Пусть она отдохнёт и найдёт в себе силы очиститься от той ужасной материальной и духовной скверны, которую мы столь бездумно, не по-сыновьи, обидели её. Пусть прорастёт она лесами на месте бывших лесоповалов, проветрит воздушные и профильтрует водные океаны, наполнит иссохшие русла рек до краёв чистой родниковой водою – и всё это произойдёт не без помощи нас, земных человеков, населяющих планету на пороге третьего тысячелетия.

Но для того чтобы мы действительно смогли помочь или хотя бы не мешать Земле стать чище во всех ее биологических и духовных, видимых и невидимых, известных науке и навсегда от нее скрытых сферах, мы должны знать, что такое чистота – чистая природа, чистый воздух, чистая вода, чистая душа, чистые мысли, чистая молитва... И сегодня, пожалуй, для многих из нас, годами живущих безвыездно в дебрях мегаполиса и зачастую из-за нечеловечески стремительного уклада городской жизни, по существу, лишённых возможности посещать благословенный Богом храм Природы и святой храм Божий, почти единственной спасительной нитью является внимательное приобщение к свидетельствам о святости и чистоте. Главное из таких свидетельств несомненно содержится в записках, дневниках, очерках, видео- и аудиозаписях, сделанных современными путешественниками во время своих странствий к тем заповедным местам, которые до самого конца времён будут хранить неизменно прекрасный лик родной нашей планеты Земля.

И ведь каждое путешествие или даже любое движение к сияющим вершинам не будет бесполезным, если приносит уникальный духовный опыт. Вот про это, полагаю, и надо писать. Поэтому прошу Вас, не перегружайте чрезмерно текст пунктуальной хронологической документальностью, напитайте его в изобилии лирическими отступлениями – размышлениями о переживании души, о движении человеческого духа. И не страшно, если какое-то место будет отдано творческому вымыслу – приблизьте этим прозу к поэзии!

Взаимно предлагаю на Ваш суд мой рассказ «Благословенный Кавказ», где я попытался справиться с аналогичной творческой проблемой. До последнего времени, отчасти из-за скромности, отчасти из-за чрезмерной занятости, я не публиковал свои путевые очерки. Однако, вернувшись из недавнего путешествия, всё же по совету друга – писателя Александра Ратыни (<http://www.stihi.ru/author.html?ratynya>) согласился, что ради важности и душеполезности того, что видел, путевые записки можно предложить вниманию читателей. Приглашаю же Вас приобщиться к тайне созерцания белоснежных горных вершин, ведущих нескончаемую безмолвную беседу со стаями белых облаков небесных, посетив мою страничку <http://www.proza.ru/author.html?shlb>

Желаю же Вам, вдохновляясь дивной красотой окружающего нас тварного мира, постигать всё величие Творца! В добрый путь!

Дорогой Борис! Конечно же можете использовать мой отзыв по Вашему усмотрению.

Это ведь одна из сторон моего священнодиаконского служения – свидетельствовать людям о Красоте Божией.

И прошу Вас – не останавливайтесь в своих литературных упражнениях, ибо нам, бывалым туристам, есть что рассказать...

Я, старый романтик, тоже понемногу пишу – хочу рассказать о необыкновенных встречах и событиях, происходивших со мной во время путешествий, хочу написать об этом и как бы заново отправиться в путь: совершить восхождения на труднодоступные вершины Кавказа, Алтая, Альп, Памира и Тянь-Шаня, преодолеть тропические африканские джунгли и каменистые дороги предгорий, устремляясь к вечным снегам Килиманджаро, и с высоты гор созерцать первозданно-прекрасные, ещё почти не потревоженные людьми пейзажи.

А потом, подобно величественным орлам, воспарить на парашуте среди ослепительных гордых вершин, сплавиться по рокочущим горделиво-стремительным рекам, где студёная вода столь прозрачна и светла, что нигде по всей земле чище и прозрачнее быть не может. Затем перенестись в уютную старую Европу, путешествуя по её гладко асфальтированным благоустроенным дорогам, и вновь пережить тягостную неизвестность хорватского плена и

радость освобождения. И, наконец, вдоволь побродив по просторам нашей планеты, возвратиться из диковинных краёв домой – на родную Русскую землю, и сказать ей: «Всякий раз, прощаясь с тобой, я не в далёкий безвозвратный путь отправлялся, но шёл к тебе, моя милая Родина, потому что на всей Земле нет страны тебя прекрасней». И затем снова в путь – по неторопливым, но стремительно исправляющимся ныне дорогам Святой Руси – к возрождающимся монастырям и храмам, к местам, прославленным подвигами новомучеников и исповедников российских.

Так, путешествуя по преогромной нашей стране, хочу я показать грандиозную картину возрождения, картину всё еще медленного, но неотвратимого пробуждения могучего духа православного русского народа. Когда-нибудь, исцелившись от тоски-уныния и хмельного разгула, поймут, наконец, миллионы людей России, что только Господь Бог и больше никто другой во всех видимых и невидимых мирах – наша единственная надежда на спасительное и неразлучное с Ним воссоединение св. Жизни Вечной!

Таковы мои творческие планы. Один Господь ведает, когда они воплотятся... Ведь священное служение в огромном, некогда прославленном и в лихую годину гонений поруганном Измайловском соборе требует полного самоотречения, не оставляя ни минутки для писательского труда.

Сердечно благодарю Вас за творческие благопожелания...

Взаимно желаю Вам неоскудевающей помощи Божией во всех делах Ваших!

*С любовью о Господе священнодиакон Сергей Шалберов,
Свято-Троицкий Измайловский собор, Санкт-Петербург.*

8. Сначала о главном. Андрей, наверное, был очень хорошим человеком. Вечная память ему. Я благодарю Бога за то, что друзья не забыли его и установили обелиск над местом гибели. И я думаю даже, что всю повесть Вы написали как дань памяти о погибшем друге. Передайте, пожалуйста, поклон всем тем, с кем вместе Вы устанавливали обелиск, – Светлане, Юрию и Сергею. Ничто не восполнит невосполнимого – только любовь. А она недалеко от настоящей дружбы.

И здесь, на земле, где всё ещё не прекратились смерть, предательство и измена, пусть согревает Вашу душу память о том, что в Вечности, которая не так уже и далеко от нас, все настоящие друзья соединятся, и больше их ничто никогда не разлучит. И успокоилась моя душа, когда в конце повести я узнал, что Андрея похоронили на его родине, в Алма-Ате. Представляю, каких трудов это стоило многим людям: спасателям, пилоту вертолёт, водителям автомашин, летчикам, рабочим – всем, кто позаботился о том, чтобы тело убиенного

Андрея было по-христиански погребено на родине. Поминайте его в молитвах своих.

Я совершенно согласен с тем, что нужно было документально описать все мельчайшие детали. Здесь точные факты значительно важнее художественного вымысла. Потому что, я думаю, смысл всего, что описано в повести, будет ещё раскрываться и для Вас, и для читателей, то есть нас. Ведь реальная жизнь полнее всяких придуманных сюжетов. Но в этой повести есть одна трагичная судьба – Вашего инструктора Александра Михайловича. У Вас вся история описана от имени одного из рядовых участников похода, а теперь, будучи уже сам опытным инструктором, Вы можете увидеть ее глазами руководителя, ведущего группу студентов, которые почти вдвое моложе, которые ещё не бывали в серьёзных походах, к тому же не имеют крепких навыков взаимного послушания, так же необходимого в условиях трудного похода, как и единоначалие более опытного командира. И тогда, может быть, более зримой станет вся трагичность судьбы Вашего руководителя Александра Михайловича, что испытал он, когда плечи его сотрясались от рыданий у тела погибшего Андрея. И то, что на его плечи легли вина и молчаливое осуждение окружающих, требующее от него какого-то действия. И, может быть, рядом с ним во все эти дни и годы не было духовника и даже человека, который понимал бы его невыносимые нравственные страдания и не открыл бы ему необходимости спасительного для души таинства исповеди – когда душа кается, и за искреннее покаяние Господь отпускает ей грехи.

Я думаю, таинство покаяния необходимо и теперь для всех участников похода, да и вообще для всех нас. Все мы вместе составляем тело Христово, и когда страдает один из нас, это значит, что всё человечество страдает. И лишь Господь своим страданием указал нам путь освобождения от вечных страданий. В повести Вашей – много важных сюжетов, которые заставляют читателя задуматься о смысле жизни. Почему страх и трепет (даже сильнейший, чем во время испытаний похода) объяли всех при вызове к ректору, хотя уже ничто не угрожало жизни. Не был ли это малый суд совести, когда глазам человеческим ещё только лишь малая часть сути открыта. А что будет с нами на Страшном Суде, когда книги совестные будут раскрыты для всеобщего обозрения? И это горячее участие ректора в разборе Вашего похода – как в нём хорошо видна отеческая любовь – от этого-то он и распалился, ругал Вас.

Я сейчас подумал, что, судя по Вашей повести, для скорейшего освобождения заблудившейся группы из гиблых мест не хватало именно молитвы. Но тогда мало кто молился – время было такое. Теперь – время иное. Сейчас мы, христиане, молимся и за путешествующих, молимся о здравии и спасении друг друга и верим: Господь слышит нас.

Вы уж не сердчайте, Борис, если что не так. Я не имею возможности ознакомиться с повестью подробнее, осмыслить многие детали. Но самое главное в своем отношении к ней я, кажется, смог выразить. Я рад встрече с Вами. На страничке увидел фотографию. Может быть, встретимся когда-то. Расскажу немножко о себе.

Когда-то и я увлекался туризмом, но в серьёзные походы не ходил, в высокие горы не забирался – так, по низинам да равнинам. Природу очень люблю. Теперь уже просто «в походы» не хожу – обязательно устраиваю паломничества к святым местам, чтобы у путешествия была высшая цель. Вот два крохотных и, конечно же, вовсе не категорийных паломничества описал в дорожных повестях «У Озера Семи Озёр», «Его Звезда» – они документальные. Если пожелаете – приглашаю прочесть.

Здесь я открыл для себя как бы новый жанр: повесть-эссе. Ведь путешествуя, человек не просто движется в пространстве, но движется и мысль его, причем, я думаю, эти движения согласованны. А значит, это может быть выражено в повести. Мне кажется, Вы тоже близки к этому жанру. Но, соответственно, когда пространственное наше движение прекращается, мысль-то уже остановиться не может, и тогда рождаются уже не документальные повести, но просто повести и рассказы. Вот, я попробовал – посмотрите, если пожелаете, «Дневник неизвестного барда». Это начало цикла. Но остальное всё вообще в незавершённом виде.

Немного о себе я написал ещё в рассказе «Моя биография». Одна из моих любимых книг – «Апостолы Алтая» – о православных миссионерах Алтая. Буду рад, если и Вы сможете ознакомиться с ней. Там есть очень сильное описание, как двое священников, брошенных проводником во время зимней бури, чудесным образом спаслись. Описывается там и случай, когда после молитвы священника опрокинулось огромное дерево, считавшееся у местных жителей (язычников) священным. И ещё очень много других замечательных сюжетов, свидетельствующих о «силе Божией и немощи человеческой» (выражение духовного писателя Сергия Нилуса).

Простите, что написал многовато. Желая Вам ещё написать немало хороших путевых повестей – ведь путей-то, я думаю, Вы прошли немало. Буду рад Вашим письмам. Это письмо пишу «не для прессы» – лично для Вас. Если это возможно, не публикуйте его. Поклон всем Вашим родным и близким. Пусть хранит Вас Господь.

Писатель Александр Ратыня.

30 мая 2002 г., 15 ч 40 мин по киевскому времени.

9. Перечитывал Ваши вещи (повесть, дополнение и эпилог) несколько дней назад, и в голову лезли вещи поначалу внешне несоразмерные с документалистикой. Дело в том, что Вы написали потрясающую вещь (all together). Критика рецензентов показалась мне лишней в том плане, что Вы сумели занять несколько отдалённую позицию (как автор). Потому и от себя добавлять всякие там «стилистические замечания» мне ни к чему.

У Вас получилось дать наблюдение не от себя, а как бы изнутри (или как говорят – не впасть в проповедничество, что сложно уже благодаря самой ситуации, в которой вы оказались с самого начала). Только это не основной, хотя и во многом решающий фактор.

Случилось, что действия в Вашей работе (или такое моё впечатление) следовали ранней схеме, архетипической что ли, или по тем основам, на которых построен современный миф. Скорее, вышло сплетение нескольких мифов, но в отразительном примере, без выдумок и сюрреализма.

Другими словами, Вам удалось показать, насколько жизнь оторвана от слов, от понимания её сквозь сознание (и язык), но, с другой стороны, приблизить это отражение к читателю, дать его в качестве иллюзии (или рассказа очевидца) – в этом отношении хроника и её продолжение – вполне художественное произведение (как и любой документализм, сделанный не случайно, а зафиксированный). В этом отношении Ваша работа потрясающа.

Вот такие вот мысли.

Ваш Фёдор Левченко – обозреватель Национального сервера современной прозы.

10. Прочитал Вашу «Летопись» с интересом. Тема мне довольно близка – я и родился в Горном Алтае, и по горам, тайге, пещерам мне довелось походить. А также поплавать по воде и под водой в реках, озерах, морях, полетать по небу на спортивных самолетах, планере, дельтаплане. А с парашютом и до сих пор изредка прыгаю, хотя пошел уже 55-й годок...

Нет, я вовсе не романтик, но какой-то зуд или, может быть, «жадность освоения» всю жизнь побуждают меня открывать для себя всё новые и новые горизонты во всех трёх пространственных измерениях. Увы, не понаслышке знаком и с такими ситуациями, когда множество вроде бы мелких и неопасных по отдельности «прегрешений» и нарушений вдруг фатально совпадают в один миг, приводя к трагическому, непоправимому исходу...

Прочитал и рецензии, конечно. Что могу сказать. По поводу литературных достоинств или недостатков мне высказываться трудно, а может быть, и неуместно. Ведь я «прожжённый технарь», у которого с детства выше тройки по литературе никогда не было. Так уж не повезло с учительницами литературы,

которые привили не любовь, а, напротив, стойкое отвращение к предмету не только мне одному в нашем дружном классе... Наверное, в том числе и по этой причине я так и не осмелился ни разу ни на что большее, чем несколько коротких рассказов. Хотя сюжетов, «достойных пера», в моей жизни было предостаточно! Это и в спорте, в интересной работе, и просто в жизни, которая щедро дарила мне встречи с самыми разными, яркими людьми, делала участником разнообразных коллизий. Если переиначить известный анекдот, то я о себе могу сказать: «Чукча не писатель, чукча – читатель!»

Приучившись к чтению с раннего детства, я не оставил этого занятия до сих пор. Читаю много, в последние годы – естественно – через стекло монитора и стёкла очков. Но – не всё подряд! Иными словами, по отношению к литературе – я чистый потребитель. Поэтому всё же позволю себе вместо рецензии высказать несколько «читательских» мыслей. Потребитель ведь может высказывать свои суждения относительно товара.

Первое – прочитав рецензии «профессионалов», я впал в лёгкую тоску. Не знаю, может быть, это субъективно, но веет от некоторых из них каким-то неистребимым духом редакции сельской провинциальной многотиражки. Всё стараются «подправить», чтобы было «как правильно» и «как у всех». Один предлагает уменьшить количество «репшнуров», другой – сделать детектив, иному вот это кажется длинным, а то – коротким и т. п. Единственное, пожалуй, с чем я могу согласиться, – карта в качестве иллюстрации, конечно, очень бы помогла.

А что касается «технических» терминов, то можно вспомнить хотя бы знаменитого Хейли. Уж его-то романы никак не назовёшь скучными для любого читателя, в том числе и «непосвященного»... Напротив – вот Вам яркий пример того, как обилие технических моментов становится самостоятельным «действующим лицом», фактором интриги и интереса к литературному произведению. Нужно лишь добавить совсем немного пояснений для неспециалистов.

Да, наверное, над «Летописью» можно ещё поработать. НО. Если не отказываться от строгой документальности, не придумывать вымышленных фамилий и не вставлять не существовавшие в реальности события, то мало что изменится. Вам и так удалось многое в рамках этих, наложенных на себя ограничений. Другое дело, если Вы решитесь от части этих самоограничений отказаться. Это, как мне кажется, непросто. С одной стороны, не покидает чувство некоторой неловкости перед реальными персонажами, которые силою Вашего воображения будут участниками хотя бы частично вымышленного сюжета. С другой – сомнения, а получится ли вымысел сильнее и интереснее

реальности. Вечные муки творчества, в которых никто за автора не сможет принять решение...

Не знаю, довелось ли Вам прочитать рассказы Константина Серафимова. Он спелеолог, и, как мне кажется, смог найти ту тонкую грань, которая отделяет откровенный вымысел от документальности, органично поместив реальных людей и реальные события в явно «литературный», в том числе сказочно-фантастический сюжет. Если заинтересует и не сможете найти – могу прислать мейлом. Они у меня на диске с коллекцией текстов.

Мне показалось, что написать «Летопись» Вас побудили не только естественное желание отдать некий долг памяти своим друзьям, годам своей юности, но и тяга к нелёгкому писательскому труду. Если это действительно так – желаю успеха, и обязательно хоть немного удачи!

А огромное количество рецензий, предложений и замечаний, добрых и не очень добрых советов – тщательно процеживайте через своё «Я», через своё и только своё мироощущение. Не бывает интересной «правильной литературы», скучны произведения, написанные «как у всех», равно как и попытки подражания знаменитостям. Смеем утверждать это как профессиональный читатель!

Сергей Казанцев,

мастер спорта, пятикратный чемпион СССР.

11. Мы тоже ходили по Алтаю, и не раз.

У моего мужа в горах Алтая – тоже по глупой случайности – на его глазах погиб в 82-м отец Владимир Рязанский и его друг Лев Васильев, оба мастера спорта по альпинизму. Погибли по глупости: выйдя на ледник Менсу, поленились связаться сразу, решили подождать до обеда. Шли по чистому открытому леднику – и Лев провалился в полностью закрытую трещину Судя по всему, при падении он сломал переносицу и сразу погиб. Володя полез его спасать и замёрз настолько, что сам не вылез, а Света – жена Льва и 16-летний Мишка не смогли его вытащить, поскольку «железо» было в рюкзаке у Льва, и верёвка очень сильно вмёрзла в лед.

Прочитала я Вашу повесть и призадумалась.

Весьма и весьма поучительная история. Я бы её до похода «чайникам» пересказывала и проводила бы подробный «разбор полёта». С одной стороны, погиб парень просто так, можно сказать, на ровном месте – на скользком курмнике упасть можно и на плановой тропе.

С другой стороны, такое множество ошибок у руководителя просто пугает. Если он самый старший и плюс к тому самый опытный, то почему он не взял хорошие карты? Если ясно, что кончается еда и близится контрольный срок, то почему не был вовремя сокращён маршрут?

Если он руководитель, то почему такие проблемы с ориентированием? И вообще, кто и как их выпускал? В межсезонье на Алтае – и столько «чайников»? В целом, конечно, хорошо, что отделались одним трупом – из-за паники, голода и усталости могло быть их и больше.

Не зря, ох не зря придуманы формальные правила. Если в группе мало опытных людей, то такую группу нельзя выпускать на маршрут. Эти правила, к сожалению, кровью пишутся... Опять же мне так и осталось непонятным, из-за чего возник недосып. И как могло оказаться, что все билеты и все деньги лежат в одном рюкзаке? И как получилось, что спящего парня забыли на привале? Неужели после этого руководителю не стало ясно, что такую группу можно вести вниз и только вниз, и притом кратчайшим путём?

У меня сложилось впечатление, что руководитель – человек яркий и несколько выпендривающийся, кичащийся своим опытом и старшинством, и это привело к роковым ошибкам.

Не считите за грубость это письмо, но эмоций Ваш рассказ вызвал много.

С уважением, Женя Кац.

12. Нет, ну я не знаю даже, что и сказать... Так сразу с мыслями-то не соберёшься.

Действительно, очень чёткая документальная хроника. Однако понравилось то, что нет (или практически нет) здесь той сухости и чрезмерной краткости традиционной документалистики. Всё-таки Вы постарались расцветить своё повествование, добавить в скупые дневниковые строки чувства и переживания. Это хорошо.

В целом мне понравилось. И думаю, что из этого сюжета делать что-либо более «навороченное» не стоит. Пусть будет как есть. Именно в этом-то и ценность таких произведений, мне так кажется. Придумать можно что угодно, хоть чёрта в ступе. А вот правдиво и интересно для других изложить реальность... Это уже сложнее.

Спасибо за приятное чтение.

С уважением, Андрей Демин.

Рассказы

Ты принят этим миром

Всякий раз, приезжая в Эрлагол, испытываешь целую гамму переживаний, и первое из них то, что ты вовсе и не уезжал отсюда, а лишь ненадолго отлучился, чтобы поскорее вернуться. Второе – внезапно ощутимый прилив энергии, почти по Маяковскому: «Весомо, грубо, зримо». И, наконец, ты чувствуешь себя погружённым в бездонное море чистейшего воздуха, сдобренного великолепными, ни с чем не сравнимыми запахами алтайской тайги под аккомпанемент чарующего шума горных рек.

Первым делом бежишь к реке, чтобы, сбросив городские одежды у спрятанной прибрежными ивами крохотной заводи, в костюме Адама поскорее окунуться в обжигающе холодные воды Чемала. Потом, заполучив ключ от маленького домика, бросаешь рюкзак в угол и блаженно растягиваешься на деревянной кровати.

Алтайское солнце заходит за сияющие синевой хребты, в воздухе становится прохладно. С обширной эрлагольской поляны доносится многоголосый хор кузнечиков, и ты сладко засыпаешь, убаюканный их неугомонным стрекотанием.

В самый глухой предрассветный час тебя будят могучие раскаты грома, и тут же на землю с весёлым гулом обрушиваются необыкновенные по силе потоки горного ливня. Через десять минут туча улетает за хребет, и, выйдя на крыльцо, ты видишь опустившиеся на поляну облака, растворяющиеся в туманной мгле палатки и хрустальные капли дождя на хвое старой сосны.

Ранним утром, открыв глаза, ловишь себя на детской мысли: что-то уж очень хорошо! Ну просто хорошо, и не объяснишь почему. Это священнодействие алтайской природы надо ощутить на себе. Ты оказываешься внутри этого царства, в новой реальности. Ты принят этим миром, ты здесь свой.

Первый раз в Эрлаголе

Вскоре после майских приключений, которые подробно описаны в «Летописи одного турпохода», мы узнали, что участие в походе нам засчитано, а Филиппову руководство не засчитано, да и сам он дисквалифицирован до первого разряда, с запретом на два года водить сложные походы. Что касается горно-спортивного лагеря НЭТИ «Эрлагол», то Александр Михайлович в этом году будет там работать старшим инструктором по туризму.

Затем прошли инструкторские экзамены, на которые, однако, явились не все участники... Я успешно ответил на вопросы билета, подкрепив ответы примерами из собственной практики, чем вызвал у экзаменаторов явное удовлетворение.

– Ну вот, молодой человек, теперь Вам нужно пройти стажировку, отруководить походами первой и второй категории, и после инструкторской работы Вы получите звание «Инструктор туризма СССР»! – сообщил седовласый председатель комиссии. – Это Вам даст право на профессиональной основе работать в любом базовом лагере Советского Союза, – как-то по-загорщически добавил он.

– Спасибо, – произнёс я и удалился, не испытывая особого энтузиазма. Дело в том, что, пройдя в прошлом году «курс молодого бойца» в альплагере «Талгар» на Заилийском Алатау, какого-то иного, менее сурового летнего времяпровождения себе не представлял.

И вот после двух зимних походов и знаменитого майского инструкторского я вернулся в альпсекцию. Мой приход был воспринят прохладно: альпинисты не признавали ни туристов, ни туризм как вид спорта, а я к тому же пропустил много тренировок.

Но тут вдруг появляется мой старый знакомый альпинист Андрей Филатов и приносит мне «горящую» путёвку в альплагерь «Дугоба».

Ай да Фил! Я аж подпрыгнул от восторга, но моя радость оказалась преждевременной. Необходимо было пройти медкомиссию, чтобы получить разрешение на поездку в альплагерь, без которого путёвка была недействительной.

То, что сказала врач, повергло меня в шок:

– Ни о каком альплагере не может идти и речи, у Вас плохая кардиограмма!

– Но я вообще-то ничего такого не чувствую и собираюсь ехать...

– Да Вы что! Вы же взрослый человек! Поймите, у Вас ведь предынфарктное состояние!

Убивать таких эскулапов надо!

После её «слов» я, похоже, и впрямь ощутил это самое состояние. Как побитый пёс поплёлся к своему спортивному врачу и поделился с ней своей проблемой. Осмотрев меня, та произнесла:

– Не слушайте Вы этих врачей, они и здорового залечат! Нарушения чисто функциональные, всё помаленьку восстановится, Вам просто нужно годик передохнуть. В вашем походе были совсем уж чрезмерные нагрузки... и ещё, на Ваших глазах погиб друг... Выбросьте это из головы, у каждого – своя судьба.

Ну вот! С одной стороны, слушайте врачей, а с другой – годик передохните... А вообще-то она молодец, вправила мне мозги, а то ведь я уже почти поверил той кикиморе, которая, зло вода сухим пальцем по моей кардиограмме, внушала, что налицо явные признаки гипоксии миокарда, и горы мне теперь заказаны... Ещё и диагноз написала – миокардиодистрофия, это в девятнадцать-то лет!

Через пару дней Филиппов собрал участников инструкторского похода и стал опрашивать каждого, кто на какую смену собирается ехать в «Эрлагол». На собрание пришли, правда, не все. Отсутствовали Женя Беляев, Андрей Ефименко и Лена Шibaева, которая после похода заболела клещевым энцефалитом, к счастью, в стёртой форме.

Первый массовый выход в Эрлаголе в 1978 г. Впереди А.М. Филиппов

Когда очередь дошла до меня, я доложил Михалычу о своей ситуации.

– Для тебя сейчас лучшее лекарство – это Эрлагол. В общем, включаю тебя в приказ на все три сезона, – заявил он голосом, не терпящим возражений. Михалыч бесспорно был прав, и я до сих пор ему благодарен.

И вот я в Эрлаголе. Впервые мне предстоит водить людей по горам, а не быть ведомым. Снова ощущаю замечательно свежий воздух, удивительно чистую, живую природу.

В качестве стажировки был выбран следующий вариант. По одному и тому же маршруту должны идти три группы: Саши Веретенникова, который раньше уже здесь работал инструктором, моя и ещё одного участника инструкторского похода Лёши Шуркевича.

В поход в целом снаряжались сразу пять групп, но завхоз лагеря Анатолий Иванович Котин, ссылаясь на занятость, всё откладывал и откладывал выдачу продуктов. И только когда стемнело, он сообщил, что можно идти получать их, но, чтобы сэкономить время, мы должны все продукты объединить. (Например, какой-то крупы на все группы получалось тринадцать с половиной килограммов, Котин сразу же всё взвесит, а затем мы должны всю крупу разделить между собой сами.)

Из этой затеи ничего хорошего не вышло. Почти сразу же в темноте произошла совершенно дурацкая делёжка, да ещё и с руганью. В дальнейшем каждая группа чего-нибудь да не досчиталась: Веретенникову не хватило сгущёнки, мне тушёнки и сахара, кто-то остался без шоколада. Утром инструкторы поделились друг с другом недостающими продуктами и, выйдя на маршрут не полностью укомплектованными провизией, твёрдо решили: в дальнейшем такого бардака не допустить ни в коем случае.

Сначала мы всей гурьбой молча двинулись по лесовозной дороге вверх вдоль Кубы. Дойдя до третьего мостика через неё и пообедав, свернули вправо и стали подниматься по урочищу Кеда. Дурное настроение после вчерашнего происшествия стало быстро проходить, и я неожиданно испытал совершенно новые, непривычные для себя ощущения: вдруг отчётливо понял, что участники безоглядно мне доверяют, и скажи я, что сейчас полезем вон на ту здоровенную отвесную скалу, они бы не раздумывая двинулись за мной.

Кроме меня в группе идут ещё два парня – Юра Никифоров и Олег Кудрявцев, сёстры Оля и Лена Ивановы и три подруги – Люда Кожуховская, Люда Демидович и Таня Дворкина, в общем, всего нас восемь человек, и все мы разные.

Юра очень коммуникабелен, всё знает, всё умеет, кроме того, на него постоянно безбоязненно садятся бабочки, заползают ящерики, а он с ними очень ласково разговаривает. Олег, напротив, замкнут, с девушками не общается вообще, они его тоже избегают, что стало особенно заметно при устройстве на ночлег. Сёстры Ивановы в прошлом году здесь уже были, и мой стиль руко-

водства понравился им гораздо больше, чем прошлогоднего инструктора, который постоянно раздавал команды направо и налево. Что касается остальных барышень, то несомненно они были подругами в самом хорошем смысле этого слова.

Так получилось, что для ночёвки я, не став торопиться, остановился на самом удачном месте. Веретенников, с которым шёл и Михалыч с детьми, прошёл вперёд и, не успев до сумерек пересечь гребень, заночевал прямо наверху без воды на так называемом перевале Пьеро. Лёше Шуркевичу, зарулившему не в тот распадок и попавшему на мощный бурелом, пришлось расположиться на каком-то небольшом пятачке. Моя же группа провела ночь на шикарном месте с максимальным комфортом, и этого не могли не оценить участники. Правда, потом было слегка досадно за остальных...

На другой день, раненько позавтракав, мы вышли на перевал и на самом верху встретили сначала Михалыча с картой и компасом в руках, а затем и слегка опухших, озадаченных, да ещё не завтракавших остальных туристов. Теперь моя группа оказалась в авангарде.

В первом походе в Эрлаголе. Б. Скворцов

Пройдя по водоразделу километра два в правую сторону и удачно сориентировавшись, мы первыми спустились по притоку Чемала под названием Карсыгал и расположились на обед у его устья.

Наша трапеза уже заканчивалась, когда подошли остальные две группы, и тут Филиппов, распорядившись войти в лагерь всем вместе дружно с песней, попросил никого не вырваться вперёд.

Во время трёхдневного отдыха был намечен новый поход, и Михалыч, сообщив, что мои участники на все лады у костра расхваливают своего командира, посоветовал ещё раз сводить эту же группу. Стало почему-то неудобно, и я понял, что возрастает степень моей ответственности.

1978 г. Ближний палаточный городок

Половина Лёшиной группы, решив, что приключений достаточно, осталась матрасничать в лагере, а четыре девушки записались ко мне в группу. В этом, теперь уже шестидневном, походе я должен быть вторым инструктором, а руководителем – друг Филиппова, сходивший с ним в последнюю лыжную «пятёрку» по уссурийской тайге, Юра Бондаренко. На этом заканчивалась моя стажировка и начиналась самостоятельная инструкторская работа.

В последний момент к нам присоединилась и веснушчатая подруга Шибавой Астапенкова Лена. Группа получилась большая – тринадцать человек. Пришлось кроме здорового брезентового шатра взять ещё и четырёхместную «памирку».

Ну Юра, ну и лось! Мы вышли из Эрлагола в четыре часа вечера и засветло успели со стартовым весом рюкзаков пробежать по лесовозной дороге 22 километра до устья Сергезю, обогнав группу прошлогоднего старшего инструктора Юрия Ярославцева, который, договорившись с шофёром лагерного грузовика, проехал 18 километров и встал на ночёвку у устья Имурты.

Наутро мы двинулись вверх по Сергезю. По этому урочищу мы спускались в ноябре 1977 года в лыжной «единичке». Тогда пришлось тащить Ленку Астапенкову, которая наверху перед спуском вывихнула ногу. От верхней пастушьей стоянки мы несли её по очереди на горбу, а когда вышли на дорогу вдоль Кубы, соорудили из лыж нарты. Укутав Ленку, мы катили её по дороге, она страшно мёрзла, но ещё пыталась петь нам песни...

На этой самой пастушьей стоянке мы теперь встали на обед, а руководитель полез на разведку... Да нет, конечно, не полез, а пошёл вверх по крутой конской тропе. А когда после обеда мы, запыхавшись, как загнанные собаки, вылезли по крутяку наверх, то испортилась погода, пошёл нескончаемый, похожий на осенний, дождь.

– Вы турист? – пошутил кто-то. – А зачем Вам этот красный галстук? Ой... Это же язык, а не галстук...

Тропа, как выяснится позже, была на гидросхеме обозначена неправильно, и мы вместо Аккаинского перевала очутились в заваленном буреломом среднем истоке реки Муехта.

Дождь усиливался, вокруг журчали ручьи, но благодаря Бондаренко мы поставили палатки так удачно, что внутри них было сухо и уютно. Наш брезентовый шатёр казался изнутри пещерой, в которой можно пережить любые стихийные бедствия. Руководитель категорически заявил, что он будет спать с краю, а Юра Никифоров попросился спать с другого края – по просьбе барышень мы сегодня произвели перепланировку обитателей палаток. Я оказался посередине палатки между двумя девушками. <...>

Поход мы прошли прекрасно, сделав ещё и техническое описание маршрута с эскизами пройденных участков местности.

В ночь расставания никто не спал... Первая смена наутро уезжала, а вторая не только приехала, но уже и ушла в походы. В Эрлаголе в то время было три смены по 20 дней, причём эти смены пересекались.

Первая смена разъехалась, а уже через два дня в результате дождей и обильного таянья снегов в горах реки поднялись. В верховьях Чемала, по видимому, произошёл обвал, из-за чего вода в реке приобрела зловещий красно-бурый цвет. И вот тут-то Котин сообщает, что под мостом проплыли рюкзаки. Сообщил, а сам уехал куда-то в Узнезю за продуктами.

Ну что, спрашивается, может означать то, что по реке проплыли рюкзаки? Ясно, что ничего хорошего! У погибших в 1976 году на переправе через Енгожок Нины Савишевой и Владимира Сало тоже ведь уплыли рюкзаки...

В это время в лагере дежурным инструктором был я, кроме меня из инструкторов оставалась только Света Курбакова. Филиппов, Бондаренко и Шуркевич ушли в контрольный выход. Что делать?

В первую очередь поговорить бы с Котиным, но где он сейчас? Я дёрнулся было на попутной машине за ним в Узнезю, да куда там...

– Слушай, может мне вожжи для тебя поискать, ну что ты так рвёшься!? – спрашивает комиссар лагеря, худощавый и стройный, как тополь, Николай Григорьевич Нестеренко. Он лет на двадцать старше меня, но в Эрлагале, как и я, работает впервые.

– Всё равно ты сейчас ничего не сможешь сделать, успокойся! – пытается меня урезонить Нестеренко, поблёскивая аккуратной загорелой лысинкой на макушке.

Света со своей новой знакомой отпросились сходить в посёлок Уожан, расположенный на восемь километров выше по Чемалу, чтобы там расспросить местных жителей, нет ли у них какой-нибудь информации о последних событиях, но это оказалось безрезультатным – никто ничего не знал...

Вернувшийся вечером Котин сказал, что, может, по реке проплыли и не рюкзак, а что-то другое, в общем, не уверен...

Ещё сутки прошли в тягостном ожидании, а затем вернулись Филиппов с Бондаренко и Шуркевичем. Никаких туристов они не видели, зато угодили в страшный ветровал, так что впечатлений у них было через край.

К вечеру вторых суток своего контрольного выхода они уже намеревались становиться на ночёвку в верховьях Енгожока недалеко от устья реки Кызылтал, как вдруг послышался какой-то непонятный нарастающий шум. Но только когда перед их глазами стали падать деревья, мужики поняли, в чём дело. Мощный вал ветра всё сметал на своём пути. Подскочив, как зайцы, они рванули к открытому месту, благо такое рядом было, и залегли в траву. Ветровал прекратился так же внезапно, как и начался, но за ним последовал ураганный ливень. Каким-то чудом мужики выскочили на маленькую охотничью избушку и заночевали в ней. Возвращались тем же путём, удивляясь, насколько серьёзно изменил пейзаж обыкновенный ветер.

Выслушав меня, Филиппов подтвердил, что я всё делал правильно, а затем принял решение организовать ещё один контрольный выход.

Теперь ударной группой должны стать Бондаренко, Шуркевич и я, с нами на УАЗике до устья Сергезю поехали Лена Астапенкова с медицинской аптечкой и знакомый Филиппова, только что прибывший в лагерь Анатолий Норченко.

На маршруте оставались две большие группы в восьмидневных походах: группа Александра Аляева плюс три инструктора и группа Александра Веретенникова с Шибаевой. Группы шли встречными маршрутами, изюминкой которых был Альбаганский перевал, причём Аляев должен был спускаться по Сергезю, а Веретенников – по Абашу.

Юра Бондаренко, оставив дежурить Норченко с Астапенковой на устье Сергезю, меня с Шуркевичем взял с собой наверх. Высокий, почти двухметровый Бондаренко гнал нас вверх по Сергезю с такой скоростью, какая только

была возможна. Пот заливал лицо, сердце готово было выскочить из груди, но Юра был неумолим.

Когда же мы добежали до пастушьей стоянки, то обнаружили на ней... группу Аляева, устроившуюся на обед. В этой же группе находился и Мишка Мельников. Оказалось, что один из участников подвернул ногу, и его пришлось нести...

Не успели мы повесить свои котелки над костром, как сюда же подошла... группа Веретенникова. По его словам, они пытались пройти до перевала Абаш хребтами, но где-то неправильно сориентировались и в конце концов изменили маршрут.

Никогда ещё я не видел Юру Бондаренко таким радостным. Он настолько забавно и артистически рассказывал про настроения разных людей в лагере, когда там прошла байка про проплывшие под мостом рюкзаки, что все так и покатывались со смеху.

Потом всей гурьбой мы спустились до Кубы, посадили травмированного участника и часть девушек в попутную машину, а сами пошли до лагеря пешком.

Вот так и закончился второй сезон 1978 года в Эрлагале. Я уезжал домой в районный центр Куйбышев к родителям, оставляя частичку своей души в удивительном крае горных перевалов, запахов чистых трав, журчания рек, серебра водопадов, стрёкота кузнечиков, переливов звуков и красок.

Я был полон сил и желания продолжать путешествия по всем возможным и невозможным маршрутам. В январе меня ждал лыжный поход на хребет Хамар-Дабан в Прибайкалье с радиальным выходом на пик Черского...

В грозовой туче

Это озеро раскинулось немного в стороне от основного русла реки Тогузкол. Во время весеннего паводка оно пополнилось талой водой, затем оказалось изолировано от течения, но его стойкое дно теперь надёжно удерживало содержимое каменной чаши, обрамлённой заснеженными макушками гор. В жаркие дни алтайского лета щедрое солнце прогревало природный водоём так, что вода здесь становилась теплее, чем в новосибирском бассейне «Нептун».

Нам так хотелось искупаться в этом прекрасном озере, но резко испортилась погода! Исчезло солнце, небо моментально заволочло серой пеленой, заморосил унылый дождь. Сразу стало холодно, как это бывает на границе леса в горах.

Путешественники оделись, сменив пляжный вид на штормовой, и только восемнадцатилетняя Соня Шулепова решила всё-таки окунуться. Пока отважная купальщица ходила за бугор переодеваться, я, будучи руководителем группы, ещё раз осмотрел окрестности нашего бивуака.

Сегодня пятый день пути от спортлагеря «Эрлагол». Два часа назад, спустившись с перевала, мы выскочили на эту скудную каменистую площадку, поросшую карликовыми растениями, и кто-то предположил, что нормально приготовить обед здесь не удастся.

Ну да! А как же эти симпатичные плоские камни, из которых вполне можно соорудить камин? А изобилие замечательной чистейшей воды из истоков реки Тогузкол?! Нет дров? А сухая карликовая берёзка, которой здесь полно! В общем, пообедали мы вполне комфортно, вот только погода теперь решила слегка мобилизовать туристов.

Со стороны предполагаемого подъёма на Куминское плато навстречу нам неторопливо выползала стена густого белого тумана. Ничего! Наверху должна быть конная тропа, так что ориентируемся. Укрывшись полиэтиленовыми накидками, двинулись по тропке, а туман при этом вдруг возник со всех сторон, окружая группу.

Самый старший из нас – сухощавый, внешне похожий на Дон Кихота, с неизменным посохом, стройный, как юноша, доцент Георгий Георгиевич Матушкин. Ему семьдесят шесть лет. И рядом с ним любому совестно жаловаться на усталость и трудность похода. Ни в чём не уступая другим участникам, Георгий Георгиевич обладает огромным опытом.

Второй постоянный участник моих походов – спортивного вида, бегающий по утрам пятидесятирёхлетний профессор кафедры прикладной механики и её же заведующий Анатолий Игоревич Смелягин. И с тем и с другим у нас в горах приключений было хоть отбавляй!

С доктором Смелягиным, например, в 1998 году мы с подветренной стороны выскочили на молодого медведя, залёгшего в высоченной сухой траве, похожей на камыши. Произошло это в устье реки Енгожок, и было с нами ещё два учёных мужа: кандидаты наук Анатолий Сергеевич Захаров и Андрей Иванович Родионов.

Наверное, мы оказались страшнее зверя, ведь нас-то было четверо, а он один. Косолапый с ужасающим треском напролом рванул прочь. Минут десять мы зачарованно смотрели на то, как мишка энергично лезет круто вверх по безлесому склону. Под его толстой мохнатой шкурой перекачивались могучие мышцы, из-под мощных лап срывались и падали вниз камни. Ускоряя бег, Топтыгин и не подозревал, что столкнулся с совершенно безобидными людьми. Мы же походники, а не охотники.

С Матушкиным, однажды попав совсем недалеко от лагеря в грозу, мы ретировались с высоты 1113 метров. Быстренько шли вниз, и вдруг уже в конце спуска, впереди нас метрах в тридцати, молния ударила в берёзу, стоящую у самой тропы! Дерево это было ранее безнадежно убито и даже не вспыхнуло, только раздался сильный треск, поднялся лёгкий дымок и густым дождём просыпалась чёрная гнилая труха. Идущие за нами человек сорок новичков даже не поняли, что могло произойти, если бы у этого места мы чуть ускорили шаг. Вот так-то попадать в горах в непогоду!

А сейчас, преодолев по пути два раза реку вброд, мы приблизились к началу подъёма на плато. Стена тумана к этому времени трансформировалась в серые рваные полосы, которые ползли вверх по склону. Тропа раздвоилась. Глянув на карту, взял правее. Однажды проходил я по этим местам, правда, в противоположном направлении и при отличной погоде.

Между прочим, в горах то и дело возникают ситуации, которые потом долго припоминаются. В прошлом сибиряк, а ныне москвич Сергей Огородов, например, частенько вспоминает, как в одном из путешествий сорвался наш коллега Константин Васильев. В походе бывший военный лётчик Васильев был новичком. После тяжёлого утомительного подъёма в середине июля 2001 года, увидев за перегибом хребта вечный снег, он так возрадовался, что с криком «Ура!» сиганул вперёд всех к нему.

Надо сказать, что шли мы в тот раз, четверо здоровых мужчин, нестандартно. С группой обычных «чайников» я бы нисходить здесь не стал. Белый пятачок, к которому ринулся Костя, был ничем иным, как началом очень крутого, местами почти отвесного снежного склона посередине цирка. Поскользнувшись, Константин упал на пятую точку и усвистел вниз, оставив после себя облако снежной пыли. Склон был с перегибом, и весёлый путешественник мгновенно скрылся из виду.

– Кошмар! – воскликнул Огородов.

– Козёл! – одновременно с ним крикнул я, обращаясь в никуда.

Новое слово, образовавшееся в результате нашего дуэта, оказалось совершенно непонятным для четвёртого спутника Сергея Флаха, и тот, нахмутив брови, промолчал.

Путь, на который Константин потратил считанные секунды, мы преодолевали в течение часа. Шли мы не по снегу, что было абсолютно невозможно, а по его каменной кромке. К нашему тихому ужасу на крики «Костя!» никто не отзывался, а ускорить своё продвижение мы не могли из-за слишком серьёзной крутизны. Далеко внизу под нами шкурую чудовищного мохнатого зверя виднелся лес...

Размышляя на тему произошедшего о том, что нашему незадачливому спутнику наверняка вспомнилась во время падения вся его жизнь, мы старались не думать о том, что мы можем обнаружить внизу... Было абсолютно ясно, что как минимум серьёзных травм бывшему лётчику не избежать!

А Константину уникально повезло, а может, он и владел специальными приёмами. Проскочив рядом с кинжально торчащими камнями, он чудом уцелел, лишь пожёг трением о снег руки (через штормовку, свитер и прочее). С бешеной скоростью вылетев на мелкую осыпь, тонкий Костя изогнулся, несильно попортив каблуки и рюкзак, и сумел таки затормозить. Через какое-то время встал... и пошёл себе дальше. Откликнулся только тогда, когда отошёл километра на два от снежного языка.

На вопрошающий возглас «Как дела?!» он наконец-то бодро прокричал в ответ: «Отлично!» И тут мы все вздохнули с облегчением. Самое невероятное в этой ситуации то, что ничего серьёзного не случилось, если не считать сильного стресса, конечно!

А вот нынче «изюминки» начались задолго до похода...

На мой звонок в Новосибирск с московского завода «МИЗ», где я тогда работал, отозвался, как показалось сначала, незнакомый голос:

– Киричко сегодня не будет, я вместо него.

– А Вы кто?

– Моя фамилия Шулепов. Я начальник отдела.

Если бы кто-то меня сейчас увидел, то обратил бы внимание на вытянувшееся от удивления лицо... Впрочем, зеркала рядом тоже не было, и я осторожно спросил:

– Скажите, Вы раньше туризмом не занимались?

– Занимался! Да и сейчас немного занимаюсь...

– А мы с Вами не были вместе на хребте Хамар-Дабан в январе 1980 года?

– Руководителем был Витя Минич! – отрапортовал мой собеседник.

– Точно! А мы ведь с тобой тогда в одной связке шли на пик Черского.

– Я уже всё понял, Скворцов! Ну, ты даёшь! Как в Москве-то оказался?

– Да так получилось...

Перед выходом на маршрут Минич нас, студентов НЭТИ, инструктировал: «Путь на вершину идёт через ребро, справа и слева – пропасть. Если кто-то упадёт в одну сторону, второй должен сам прыгнуть в другую. Только так можно спастись, повиснув на верёвке!»

У нас всё получилось аккуратно, если не считать испортившейся перед обратным выходом на это ребро погоды. Сквозь пургу даже не стало видно установленного перед последним подъёмом на вершину обелиска когда-то погибшей здесь девушке. Назад по серьёзному участку продвигались очень медленно, однако ночь застала нас уже в безопасном месте, у кромки леса недалеко от заснеженной палатки.

С Владимиром Александровичем Шулеповым мы не виделись больше двадцати лет. Он почти не изменился: немного ниже меня ростом, гораздо стройнее и, как всегда, очень чуткий к людям...

А вот теперь мы поднимаемся на Куминское плато: Я, Матушкин, Смелягин и пятеро Шулеповых – Володя с Ириной и их дети: Соня и два четырнадцатилетних брата-близнеца Илья и Андрей. Молодёжь уже не раз путешествовала по горам с родителями.

Мы вышли наверх и попали на безлесое, ровное плато. Туман временно пропал, изморось прекратилась. Плато слегка понижалось слева, а справа метрах в пятидесяти виднелись небольшие горки, обильно поросшие карликовыми берёзой и ивой. Группа идёт метрах в тридцати за мной, а замыкает её Георгий Георгиевич, единственный, кто не сбросил полиэтиленовой накидки.

По плато идётся легко, под ногами хорошо набитая конная тропа, но внезапно становится темно, как в поздний вечер. Даже не темно, а как-то, знаете, черно. Такое ощущение, что в воздухе вдруг повисла чёрная взвесь напоподобие хлопьев сажи. Да это же туча! Хорошо ещё, что дождя нет!

И тут вдарил дождь! Вдарил яростно, бешеными потоками, одновременно с диким ветром, как это возможно только на открытом месте в горах выше зоны леса.

– Скорее! Сюда! – крик Шулепова сзади меня.

Ветер, похоже, хочет унести вместе с людьми мгновенно извлечённый кем-то большой полиэтиленовый тент. Все сгрудились, сели на рюкзаки, прижались друг к другу спинами, изо всех сил удерживая полупрозрачное укрытие.

Старейший турист Г.Г. Матушкин

Промокнуть не успели, под полиэтиленом стало вполне комфортно, мощные струи воды текли по тенту, не задевая нас. При желании можно было даже подремать, но тут послышался гром. Молний видно не было, грохот был сравнительно негромким, но непрерывным, как артиллерийская канонада. Такого я ещё не наблюдал! Гремит и гремит... постепенно приближаясь.

Приближаясь! И встречи уже не избежать.

– А громоотводы у нас неплохие, – говорю я, имея в виду расположенные недалеко от нас горки, а про себя размышляю: «Значит так, кошек, карабинов и прочего железа у нас нет, топор не в счёт – мелочь. Железной руды, магнитной аномалии под нами тоже не должно быть... В самом деле, откуда здесь взяться магнитной аномалии!»

Сколько уже бывало ситуаций, когда, начиная с какого-то момента, от тебя практически ничего не зависит! Сиди себе спокойно с безмятежным лицом и, пожалуйста, читай про себя «Отче наш...». Самое удобное время для молит-

вы. Тем более что все участники достаточно опытные, никому ничего объяснять не надо.

Неистово хлещет дождь, вокруг журчат ручьи. Вода, вода, броды... Заливает рюкзаки и ботинки.

...Почти москвич Сергей Царегородцев ужасно не любил броды. Каждый раз, вопреки общепринятой практике сушить обувь на ходу, он предпочитал перед бродом разуваться. Но надо же такому случиться! Во время одной из ночёвок на реке Ложжа в 2001 году перед верхними болотами, через которые нам предстояло идти, всю ночь шёл проливной дождь. Болота размякли до крайности, едва не превратившись в топи, хотя в обычной обстановке по ним шла конная тропа.

После завтрака, когда мы вышли на эти болота, упал туман, посыпалась по-осеннему густая изморось, получился «адын балшой» брод длиной в шесть километров. Три с половиной часа чавкали вязкой болотной жижей под дождём. Трясины не было, но время от времени мы вязли выше колен. Приходилось то и дело останавливаться, с усилием извлекая одну ногу из густого месива, проваливаясь одновременно другой ногой. Довершал картину туман, который изображал болота уходящими в бесконечность. Шокотерапия, одним словом, для тех, кто не любит броды.

...Сверкнувшая молния прервала мои размышления. Через некоторое время раздалось зверское «Трах-тарарах!!!» на фоне непрекращающейся канонады. Спустя несколько минут снова вспышка и снова «Трах-тарарах!!!» – ещё громче.

И пошло-поехало! Сквозь непрерывный гул – молния, затем грохот, снова молния, опять грохот... А интервалы между вспышками и громоханием всё меньше и меньше... И тут общее молчание нарушил доктор Смелягин:

– Скорость звука – триста сорок метров в секунду, – сообщил Анатолий Игоревич. – Сейчас мы определим расстояние до места удара молнии, – добавил он, обнажая на левом запястье массивные, времён Брежнева, часы.

Глядя на циферблат, профессор поднял правую руку и при очередной вспышке молнии взмахнул ею, словно подавал команду «на старт». Тотчас раздался ужасный грохот, затряслась земля и заложило уши. Все невольно втянули головы в плечи.

«Громоотвод сработал, однако...» – сообразил я, глядя на изумлённого учёного и отчаянно пробивая мизинцем слышимость в правом ухе. В этот момент небо снова вспыхнуло и всё слилось в жутком грохоте, как будто земля раскололась на части. Всем стало ясно: мы находимся в центре грозовой тучи.

Неудержимое буйство стихии продолжалась ещё некоторое время, но вдруг я ощутил, что в этом мире произошли какие-то изменения. С резкой

мыслью «Ну, довольно!» выскочил из-под тента. Меня тут же поприветствовала салютом очередная молния с полновесным громовым раскатом.

И я увидел, что дождя больше нет, а грозовая туча, в которой мы находились, поднялась вверх. Над нами теперь был только лишь её край, а слева по синюшной черноте всю хлестали молнии, одна из которых, как мне показалось, упорно била по одному и тому же месту.

– Ну что, пойдём, дождь закончился! – предложил я, почувствовав, что удары грома слабеют.

Гроза удалялась. Народ как ни в чём не бывало поднялся, и вскоре под постепенно затихающую канонаду мы снова шли по плато. Впереди нас во всю ширь расплзался плотный туман...

Непогода сохранялась до конца путешествия. Переночевав у верхнего озера, на другой день под нескончаемым дождём мы перевалили хребет Куминские Белки и к вечеру дошли до посёлка. Потом в сумерках, укутавшись от дождя в полиэтилен, мы восемьдесят километров тряслись в металлическом кузове самосвала без заднего борта, возвращаясь в «Эрлагол».

Эх, ну до чего же было приятно после всех приключений войти в жарко растопленную друзьями маленькую бревенчатую баньку! Нырять после очередной дозы пребывания в парилке через кромешную тьму в ледяную Кубу, как-то по-новому начинаешь оценивать эту жизнь. Кто не ходил по тайге, этого не поймёт.

Следующий день выдался жарким и солнечным.

– Ну что, Боря, кто у тебя в группе особо отличился, чтобы на закрытие смены наградить? – спросила культорганизатор Ольга Лёгкая.

– Профессор Смелягин! – ответил я. – Он взмахом руки сотрясал горы.

– Что-что? – удивлённо переспросила Оля.

– Ну понимаешь, он методами современной науки сумел вычислить расстояние до молнии, находясь при этом в самом центре грозовой тучи.

2.06.2004 г.

г. Москва

Плюющий ручей

Путешествуя летом 2003 года по хребту Иолго Восточно-Алтайских гор, на исходе жаркого июльского дня миновали мы с гендиректором МИЗа Сергеем Огородовым Аккаинский перевал и бодро зашагали в направлении Замков Злых Духов.

Не могу сказать, кто столь экзотически назвал две скалы, вставшие наподобие сторожевых башен у границы леса и горной тундры на краю обширного, поросшего карликовой берёзкой плато. Однако название «Замки Злых Духов» возникло вовсе не случайно. Мне не единожды доводилось быть свидетелем того, что в окрестности этих каменных останцев от древней горной гряды возникают у людей, особенно у новичков в туризме, различного рода иллюзии.

Вот, к примеру, года четыре назад шли мы по эти местам втроём: я, тот же Сергей Огородов, человек энергичный и спортивный, да ещё один Сергей, большой во многих смыслах человек, преуспевающий бизнесмен. Он-то, глядя вперёд, именно здесь и забеспокоился:

– А что это за женщина вся в чёрном у Замков мечется? Вон, вон, направо переметнулась!

– Где? – хором переспросили мы с Огородовым, в округе-то не было ни души.

– Да вон же она, справа от скал! Руками нам машет! Может, ей срочно помощь требуется?

– Нет там никого!

– Да вы что!!! Я её отлично вижу! Побежали скорее!

Мы ускорили шаг, и вскоре были у подножья Замков. Как всегда при хорошей погоде, скидываем здесь рюкзаки, останавливаемся на передышку. Поскольку к штучкам-глючкам в этих местах я давно привык и даже перестал обращать на них внимание, то сразу обратился к растерянному спутнику:

– Ну и где же та женщина, которая вся в чёрном?

– Наверное, вниз к реке ушла... – удивлённо ответил тот, вытирая пот со лба.

Прошёл я по тропе вперёд и что есть мочи гаркнул в открывшиеся взору совершенно пустынные верховья реки Муехты: «Ха-а-а!» (Так мы перекликаемся иногда, чтобы не порастеряться в тайге.) А в ответ – тишина.

Был как-то в этих местах и такой случай с туристами. Одна юная экзальтированная участница, ощутив, что места здесь особенные, решила себя проверить. Не сказав никому ни слова, выбралась безлунной ночью из палатки и, обмирая от страха, направилась к этим самым Замкам. Разве сложно пройти полкилометра по тропе от стоянки до границы леса! Это же пустяки! А наверху у скал в это время лошади почему-то не спали, паслись. Одна из лошадей тихонько подошла сзади к этой барышне и, ткнувшись мокрыми губами в её веснушчатую щёку, кэ-ак всхрапнёт... Бедную девчонку как ветром оттуда сдуло. Мигом очутилась она у палаток, разбудила всех и дрожит, ни слова сказать не может, еле успокоили. Лишь наутро незадачливая путешественница поведала нам о своих ночных похождениях...

Однако вернёмся к нынешнему походу, в котором было нас шестеро, в том числе двое подростков: двоюродные братья Илья и Стас. Погода стояла великолепная, но в ночь по всем приметам намечался дождь, и решили мы прошагать подальше, чтобы добежать посуху до роскошной кедровой стоянки, названной туристами «Три медведя» за несомненное сходство её вида с известной картиной художника Шишкина. И вот проскочили мы Замки, пересекли границу леса, миновали верхние стоянки конных туристов и вышли на малолесный, просторный участок перед спуском к воде.

– Это что ещё за чудеса природы? – воскликнул я, оглядевшись вокруг.

– В прошлый раз ничего такого не было! – удивился Сергей открывшемуся виду.

Вся местность была изборождена строго параллельными, уходящими от горизонта к горизонту, глубиной на штык лопаты полосами. Мальчишки тотчас заинтересовались увиденным. Наклонившись, Илья внимательно осмотрел небольшой камень, в который упиралась борозда. Никаких царапин, сколов на камне не обнаруживалось. Борозды прерывались редкими деревьями, валунами, валежниками, ямами, но неизменно возобновлялись за ними.

– Папа, что тут было? – недоумённо спросил он у Сергея.

– Да вот, тоже не могу понять. Спроси лучше у дяди Бори, он должен знать!

Пришлось мне напрячь мозги для объяснения данной аномалии. Однако ни одна из гипотез странного изменения ландшафта не выдерживала критики. Никакая техника сюда забраться да ещё так аккуратно поработать не могла, землетрясение такие вот гофры на почве не оставляет, да и не было его в последние три года. Человеку же эта колоссальная (причём совершенно бессмысленная) работа просто не под силу. Но что же всё-таки здесь произошло? Уж не инопланетяне ли побаловались! Местный пастух-алтаец в другой раз объяснил просто: в наших краях, мол, ещё и не то бывает, и тут же поинтересовался, нет ли у меня водки...

Да, много необыкновенного, а порой и необъяснимого происходит в Алтайских горах! Хожу по горам с юности, и уже рассказывал о том, каким сложным оказался поход, связанный с подготовкой из нас, девятнадцатилетних студентов – любителей турпоходов, инструкторов для горно-спортивного лагеря НЭТИ «Эрлагол». И до сих пор ощущаю мурашки по спине, вспоминая одну из тогдашних ночёвок.

В ночь с 22 на 23 мая 1978 года каждому из участников того похода, а нас было семнадцать человек, виделся один и тот же сон: мы спим-ночуем, а палатки сами движутся по маршруту вместе с нами спящими. Тяжело перебираясь через каменные ямы и валуны, цепляясь за бурелом и торчащие на деревьях ветки, огибая скальные стены и промокая во встречных ручьях, палатки неумолимо продвигаются по таёжному бестропью. Неудобно, неуютно, муторно.

На следующий день (увы, наяву) погибнет в каменной ловушке наш товарищ, и мы остановимся. И будем стоять на маленькой терраске у самого дна узкого, извилистого, похожего на гигантскую трещину в земле Чебдарского ущелья до тех пор, пока нас не найдут спасатели. «Вы попали в самое гиблое место района!» – объяснят нам они и не сразу найдут верный путь наверх, несмотря на то что ещё накануне вечером сами спустились в этот мрачный каменный мешок.

Как же мог один и тот же диковинный сон привидеться одновременно всей группе? Впрочем, одна из участниц уверяла, что не спала ту ночь. Не могла уснуть именно потому, что ей упорно казалось, что палатка движется. Так что же это было? Массовая галлюцинация? Воздействие аномальной зоны? А может, дано было нам предупреждение свыше о приближающейся трагедии, которую мы так и не сумели предотвратить...

Пришло время поведать ещё об одном загадочном явлении. С ним я столкнулся в начале своей инструкторской работы, когда турклуб НЭТИ доверил мне организацию и руководство очередным инструкторским походом. Придвинув сроки проведения путешествия вплотную к началу первой смены Эрлагола, я выбрал стасемидесятикилометровый кольцевой переход второй категории сложности с семью перевалами и максимальным пересечением участков, по которым в дальнейшем предстояло водить походы моим подопечным. Не без труда отстояв маршрут в городской маршрутно-квалификационной комиссии, отправились мы в путь.

Многие места были мне незнакомы. Постоянно приходилось доставать компас, далеко не точную карту района и ориентироваться. В поисках пути мы неоднократно производили разведку, зачастую теряли тропы, преодолевали незапланированные препятствия. Например, пролезли по скалам в верховьях

реки Ложи перед Альбаганским перевалом, а потом обнаружилось, что левее по камням прорисовывается едва заметная, извилистая, но довольно простая, помеченная туриками тропа.

У Ложи-то и произошло такое, что впору не поверить сему и решить, что это был сон. Мы остановились на обед, пройдя весьма обширные, обильно поросшие карликовыми растениями болота, кое-кем в шутку называемые владениями маркиза де Куролбаса. Дело в том, что перевальное место из урочища Сарысаз на болотистое плато называется Куролбасом, что созвучно с маркизом де Карабасом из популярной детской сказки Шарля Перро.

Основное русло Ложи лежало перед нами далеко внизу, его даже не было видно за могучими кедрами и замшелыми пихтами. Тропа, тянувшаяся по болоту на левом берегу почти перпендикулярно к реке, теперь плавно поворачивала направо, чтобы где-то у границы леса выйти сначала к одному из прекраснейших Ложинских озёр, а затем и к самой Ложе. Погода стояла отрадно солнечная, ясная, веселая. Два часа назад мы не сразу нашли стезю при входе на болота, но затем без особых трудностей преодолели их и попали в верхнебереговой лес. Прошагав около километра по хвойному лесу, мы наткнулись на живописную, усыпанную сухими кедровыми иголками полянку с прекрасным кострищем у огромного камня, поваленным кедром и кучами валежника. Не доставало здесь для полноты картины разве что косолапого мишки...

Эге! А ведь я уже ночевал тут полтора года назад в марте, когда водил лыжную «двойку». Уже тогда, в конце алтайской зимы, это место показалось мне настолько примечательным, что не раздумывая встали мы на ночёвку раньше обычного. Засветло свалив несколько сухих пихт, напилили дров для палаточной печки. Поужинав, долго сидели вшестером с гитарой у жаркого вечернего таёжного костра, растапливая в котелках снег для завтрака.

И вот судьба привела меня снова на эту поляну. Здесь до реки на самом деле ещё далеко, но вода явно находилась где-то рядом, иначе бы не было этой великолепной стоянки. Взяв котелки, пошёл я искать родник и тут же остановился, залюбовавшись открывшейся в просвете меж деревьев удивительной горой-трапецией. Её каменная, чуть заснеженная вершина плыла гигантским кораблём на фоне якобы неподвижных облаков.

А вот и вода! Тропинка круто спускается к ручью, падающему справа от болот. «Чудненько!» – думаю я и обнаруживаю у себя под носом сидящую на ветке белку, которая безбоязненно, с любопытством разглядывает меня, поблёскивая насмешливыми глазёнками.

Ветра нет, птичьего гама не слышно, только живо шумит ручей, весело играя солнечными бликами на своих переливах. И вдруг, наклонившись к воде, ощущаю, что не один я здесь. Откуда-то сверху от истоков ручья льётся тихая грустная музыка. От неожиданности я резко выпрямился, встряхнул головой, отгоняя наваждение и пугая белку, которая в мгновение ока вспорхнула

метра на три вверх по стволу. Затаив дыхание, прислушался ещё раз. Доносившаяся до меня мелодия напоминала таинственный вокализ, слегка печальный, светлый и как бы не от мира сего.

Параллельная реке граница пройденных нами болот была широкой, около километра, и моё воображение тотчас нарисовало пожилых алтайцев-конников, расположившихся наверху над нами. Они представились мне в тёмно-бордовых, расшитых парчой халатах до пят, с экзотическими музыкальными инструментами в руках: длинными тонкими серебрястыми трубами и непомерно вытянутыми струнными инструментами...

Первым моим желанием было поставить котелки на камень и взбежать наверх, чтобы посмотреть, кто это там. Но, стоп! Во-первых, я потеряю много времени, карабкаясь по замшелой крутизне. Во-вторых, и это главное, над нами абсолютно никого не может быть! По болотистому плато между двумя отрогами идёт одна-единственная тропа, и если бы каким-то чудикам вздумалось свернуть с неё и уйти по болоту в сторону, то остались бы следы.

Крайне изумлённый, я ещё раз прислушался к музыке. Нет, это не ветер шумит и не ручей журчит и уж конечно не птицы поют! Это нечто другое, и такое ощущение, что звучит оно скорее во мне, чем внешне... Набрав котелки, озадаченный, поднялся я к группе.

– Дежурные, вот вам вода, ручей рядом! Для купания он мал, но умыться всем рекомендую, – предложил я будущим инструкторам, при этом подумав: «Услышат они что-нибудь, или мне всё померещилось...».

Часть туристов отправилась к ручью, и тотчас раздался чей-то возглас:

– Здесь кто-то есть!

Мелодию слышали все. Кто-то предположил, что недалеко от ручья «вход в Шамбалу», кто-то был смущён и даже слегка напуган, а кто-то бодро уверял, что внизу на Ложе стоят люди, и звуки оттуда слышатся отражением от нашего берега. Один из участников предложил поскорее уходить с этого места «пока все мы тут не походили с ума». Но за обеденными хлопотами все успокоились. А когда после обеда двинулись мы к Альбаганскому перевалу, я совершенно забыл о случившемся. Произошедшее настолько не укладывалось в голову, что сознание просто вычеркнуло пережитое. Будто и не было его вовсе.

Вспомнил я о том событии ровно через год, когда ночевал с новой группой на этой же стоянке. Вспомнил лишь после того, как подошёл к ручью, чтобы смыть пот после тяжёлого жаркого дня, да вдруг услышал хорошо различимую, доносящуюся словно из другого мира волшебную музыку. И опять её слышала вся группа, и кто-то сконфуженно бормотал про космические энергии, про вход в астрал, про параллельный мир, граница которого рядом и можно случайно перейти её и никогда не вернуться назад...

Насколько мне известно, записать мелодию с помощью видеокамеры никому не удавалось: на записи слышался шум воды, щебетание птиц и даже попискивание каких-то бурундучков. Музыка же поющего ручья оказалась настолько тонкой, что созданные человеком приборы её не улавливали.

Неоднократно я потом бывал здесь, но чудесная мелодия звучала не всякий раз. Иногда её не было вовсе, как не прислушивайся. Когда же мелодия слышалась, спутать с чем-то её было невозможно. Но откуда она исходит?

За годы путешествий у меня наберётся целая коллекция удивительных фактов взаимосвязи материального и духовного, которые, быть может, и послужили толчком к занятиям литературным творчеством. Однако, вне всякого сомнения, встреча с поющим ручьём – одно из самых ярких и загадочных событий.

Такой долгий день августа

Сквозь кромешную тьму по заброшенной лесовозной дороге внизу горного урочища крайне осторожно и медленно пробирались трое. Справа от них неравномерно шумела поднявшаяся после дождей мутная Куба, а слева нависали крутые скалистые склоны её берега.

Обложенное тучами небо слабо проглядывало в темноте в узком коридоре между густыми высокими ивами. То и дело кроны деревьев смыкались, и за поздалые путешественники, попадая в чёрный туннель, могли двигаться только на ощупь.

Двумя часами раньше неумолимо сгущающиеся сумерки всё-таки позволили путникам проскочить последний, полуразрушенный мост через горную реку. Щебёнчатая дорога под ногами усталых людей изобиловала глубокими ямами, наполненными дождевой водой, которая не спешила просачиваться в каменистую почву. Эти ямы существенно тормозили продвижение, однако смутно поблёскивающая в них вода являлась хотя и слабым, но ориентиром. Время от времени по обочинам появлялись одинокие светлячки, испускающие пронзительный синий свет.

Первым шёл шестидесятиррёхлетний Александр Каспер, наделённый способностью в полной тьме различать всяческие препятствия на пути: лужи, камни, брёвна, торчащие ветки и всё прочее, на что можно было нарваться. Следом, взявшись за хлястик касперовского рюкзака, шагал, наоборот, ничего не видящий в ночи сухощавый семидесятисемилетний Георгий Матушкин, который, несмотря на почтенный возраст, мог дать фору по выносливости очень многим. Замыкал группу я, изо всех сил тараща глаза, чтобы разглядеть в метре от себя периодически исчезающее белое пятно матушкинской рубашки, надетой на пуловер, подаренный ему кем-то более полувека назад.

Вот снова кроны деревьев сомкнулись над нашими головами и не стало видно ни зги.

– А это ещё что такое!?! – хмуро воскликнул внезапно остановившийся Каспер.

Под ногами обнаружилось светящееся пятно овальной формы, удивительно напоминающее солнечного зайчика. Пятно двигалось по направлению к нам. «Что за наваждение?» – невольно подумал я, а Каспер, решительно наклонившись, схватил непонятный предмет и тут же с отвращением отбросил его в сторону, как мерзкую жабу.

– Что это было, Александр Эдуардович? – недоумённо спросил Матушкин.

– Да это, Жорж Георгиевич, коробка из-под игральные карт.

– А почему она двигается? – переспросил Георгиевич.

– Мне тоже показалось, что она ползёт, но это иллюзия, – вмешался я.

– Просто мы постоянно в движении, плюс эффект темноты, – добавил Каспер.

И снова, как три слепых ёжика, вплотную друг к другу, мы побрели дальше, постукивая о камни ивовыми посохами. Рубашка впереди идущего вдруг исчезла, но при попытке ускорить шаг я сразу уткнулся носом в его спину.

Затем деревья временно расступились и проявился тёмный силуэт нашего штурмана, выписывающего невероятные зигзаги при обходе различных преград. Георгий Георгиевич, продолжая левой рукой держаться за тот же хлястик, повторял все движения Каспера, одновременно ощупывая стезю посохом, зажатым в вытянутой правой руке. В целом это мне представлялось непрерывным, фантазмагоричным, хаотическим, но в то же время, как ни странно, вполне гармоничным танцем.

Просвет исчез, вальсирующая фигура растворилась в ночи, а в кармане моего старенького анорака вдруг заиграл, завибрировал мобильный телефон. Ага! Вот, оказывается, куда доходит связь.

...В прошлом, 2003-м, году совсем рядом со спортлагерем НГТУ «Эрлагол» появилась вышка МТС и добрая половина его постояльцев приехала с мобильниками. Почувствовав себя белой вороной, я той же осенью обзавёлся простеньким аппаратом Siemens A-55. Позже выяснилось, что стоит завернуть за гору, как сеть теряется. Следовательно, теперь мы находились на финишной прямой.

– О! – дружно отреагировали мои спутники на пробившийся сигнал.

Остановившись, я нащупал телефон и с четвертой попытки нашёл кнопку разблокировки клавиатуры. Крошечный экранчик осветился желтоватым светом, заодно показывая, что десять минут назад наступили новые сутки. Пришло уведомление в том, что отправленное мною тринадцать часов назад текстовое сообщение о местонахождении группы на высоте 1388 метров абонентом получено.

– Сейчас позвоним на базу! – сообщил я спутникам, выбирая из справочника номер телефона начальника «Эрлагола» Мальцева.

– Алло! – послышалось в трубке.

– Владимир Иванович, это Борис, у нас всё нормально. Мы находимся в пяти километрах от лагеря, идём по дороге. Продвигаемся очень медленно из-за темноты.

– Так может вам УАЗик выслать? – обрадовано предложил голос в трубке.

– Нам нужна машина? – спросил я у коллег.

– Да ну! Не надо! Левицкому завтра её рано заводить, – дружно отреагировали мужчины.

– Машина не нужна. До двух часов ночи доберёмся самостоятельно, – подытожил я.

– Ну, хорошо! – слышалось в трубке. – Я рад, что у вас всё нормально.

Передышка в пути оказалась весьма кстати, как и оживление, вызванное связью с базой. Слегка взбодрённые, мы двинулись дальше тем же порядком: Каспер, Матушкин, взявший за хлястик его рюкзака, и замыкающий я.

...На эту дорогу мы выскочили в девять часов вечера после четырнадцатичасового штурма Эликманаро-Кубинского водораздела. В однодневный поход по этому маршруту мы отправлялись уже не однажды, но каждый раз при спуске с хребта возникали неординарные ситуации.

...

В 2001 году вместо Каспера шёл Юрий Ярославцев – один из моих предшественников на посту старшего инструктора Эрлагола по туризму. До этого мы с Георгием Георгиевичем вдвоём уже обследовали хребет от самой Катунь до маральего заповедника в верховье реки Арета. Выяснилось, что, обгибая отвесные скалы, здесь вполне можно выводить отдыхающих в однодневные походы. Например, красивый маршрут прорисовывался на гору Крестовая, с макушки которой долина Чемала казалась находящейся в подвале. Поход на ещё одну, соседнюю, гору выглядел проще, но зато мог удовлетворить большее число участников.

Ярославцев немного старше меня, чуть повыше ростом и не такой грузный. Одно время он не ходил по горам из-за застарелой травмы колени. И вот представилась возможность коленку проверить. Да ещё как проверить!

Мы тогда вернулись на базу в половине первого ночи, замерзшие до одеревенения. При попытке рассчитаться с шофёром Матушкин не совладал с почти заледеневшими пальцами, и бумажные купюры веером разлетелись по комнате. Присутствующий при этом профессор Манусов, глядя на ходившие ходуном колени своего пожилого коллеги, озадаченно произнёс:

– Никогда не смогу понять, зачем люди так над собой издеваются...

А ведь нам ещё повезло! В условиях отвратительной видимости мы свалились в противоположную от лагеря сторону хребта к устью реки Четкыр. Из рта, как зимой, шёл пар, сил практически не оставалось, ходьба уже ни капельки не грела, а о костре не могло быть и речи – вокруг всё было залито студёной водой.

Дождь безжалостно продолжал вонзать в нас свои ледяные иголки, а мы с Юрой в некотором недоумении осматривались по сторонам. Через полчаса наступит ночь... Мы с Ярославцевым поджидали Георгиевича, который чуточку приотстал, и с грустью глядели на Эликманарскую дорогу с тщетной

надеждой увидеть хотя бы самый плохонький попутный грузовичок. Но откуда ему взяться в такую пору!

Привычно прочитав про себя «Отче наш», закончил, как всегда, словами Иисусовой молитвы: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного и благослови наше благополучное возвращение...» Поднял голову и обомлел: из того самого распадка, по которому мы шли последние часы, выкатился грязно-зелёный, старенький, переполненный подвыпившей молодёжью УАЗик. В кустах он, что ли, стоял?!

В машине уже нашлось место для Георгиевича, а вот нам с Ярославцевым, казалось, было не втиснуться. Однако Юра, подскочив к шофёру, всё-таки уговорил его за кругленькую сумму и нас запихнуть в машину... В общем, походили мы тогда больше, чем требовалось, и далеко не так, как было намечено.

На другой год Ярославцев не приехал, и вместо него «добывать» маршрут пошёл Каспер. Погода снова подвела и, потратив массу времени на ориентирование, мы были вынуждены маршрут сократить. При этом река Нижний Каратурук, впадавшая в Кубу в шести километрах от Эрлагола, в отличие от запланированной ранее реки Верхний Каратурук оказалась практически непригодной для нормального прохождения.

Двухметровая трава, труднопроходимые заросли, бурелом и скрытые ямы позволили нам выйти на дорогу только к ночи. Александр Эдуардович Каспер по пути несколько раз падал в ямы спиной назад, головой вниз, к счастью не получая при этом серьёзных повреждений. Между прочим, заработать травму здесь очень легко, но насколько тоскливо было бы встречать ночь без палатки и спального мешка в таком узком мрачном сырмом ущелье.

Успев в густеющих сумерках дойти до устья, мы осторожно «тройкой» перешли Кубу вброд и в темноте потопали к лагерю. Но в тот раз дорога была сухой, небо ясным, а луна весело светила в вышине и звёзды приветливо подмигивали нам. Не то что нынче... Зато теперь мы прошли намеченный маршрут!

...

Выйдя из «Эрлагола» в семь часов утра, мы быстро пробежали три с половиной километра вдоль реки и завернули налево в урочище Арета. Через полтора часа перед нами замаячила почти трёхметровой высоты сетка забора, окружающего маралий заповедник. Началась самая нудная часть пути – почти трёхчасовой подъём вдоль этого забора.

Купленные в магазине «Спецодежда» на Павелецкой набережной в Москве омовские ботинки оказались неплохой обувью для походов по горам, но имели один существенный недостаток. Их подошва явно уступала «вибраму», и на землянистых, глинистых склонах эти ботинки скользили, как лыжи по первому снегу. Так что сетка забора была весьма кстати: за её крупные ячейки мы постоянно хватались левыми руками, налегая правыми на посохи.

На высоте 1388 метров, после преодоления восьмисотметрового перепада, забор круто поворачивает налево, а нам идти в противоположную сторону, по самому верху хребта. Здесь, у поваленного полусгоревшего триангуляционного пункта, мы устраиваемся на десятиминутный отдых, любуясь открывшейся великолепной картиной долины Кубы, которая серебристой лентой змеится далеко внизу.

Погода начинает портиться, кругом наплывает туман, но ходьба по тропе на петляющем, спускающемся и вновь поднимающемся водоразделе – это одно удовольствие. Через несколько часов гребень поворачивает резко направо, а путь перед нами обрывается глубоким распадком, по дну которого течёт приток реки Четкыр, впадающей в Эликманар. Здесь-то и возникает дилемма...

На карте тропа показана сходящей широким серпантинном вниз, а затем круто поднимающейся с противоположной стороны. На местности же тропа постепенно теряется в густящих зарослях на крутом склоне. В прошлый раз мы попытались все эти удовольствия обойти верхами, но, попав на могучие отвесные сбросы высоты и потеряв массу времени на ориентирование, были вынуждены сокращать маршрут. Нынче же было решено внимательно и аккуратно пройти точно так, как показано на карте.

Спуск на дно распадка плотно зарос диковинным кустарником, похожим на лианы. Древовидная проволока этих «лиан» намертво обвивала ноги, пояс, шею. Ни дать ни взять – капканы. Каспер, попытавшийся соскользнуть с кустов верхом, пропустив их между ног, едва не повис в воздухе.

Более получаса мы продирались через эти джунгли, но когда вскарабкались на противоположный склон, то выяснилось, что основной распадок – за ним, а то было лишь ответвлением. Пришлось повторять спуск и подъём, и только после этого мы были вознаграждены превосходной тропой на каменистом гребне, поросшем невысокой шелковистой травой.

Кстати, я забыл сказать, что передышки между переходами у нас всегда составляли лишь пять-десять минут, за исключением часового обеденного отдыха, когда мы ели консервы с хлебом и пили свежесваренный чай с конфетами (девять литров воды мы несли с собой в пластиковых бутылках).

А потом, если верить карте, мы начали спуск к запланированному правому притоку Верхнего Каратурука. Скатившись с крутого травянистого откоса, мы выскочили на приличную тропу и около километра весело по ней шагали. Вскоре тропа стала исчезать. Предполагая, что тропка не может так просто испариться в относительно узком распадке, я предпринял разведывательные меры. Однако, совершив несколько зигзагов, понял, что тропа здесь может проходить только рядом с руслом этого хилого притока, проще сказать, ручейка.

Тем временем исчезли последние признаки следов человека, и мы попали на местность, идентичную прошлогодней, когда шли по Нижнему Каратуруку. Распадок сузился, приобретя в разрезе вид угла. Пришлось пробираться прямо

по воде, заодно преодолевая высоченные заросли и скрытые от глаз ямы. Движение наше вновь резко замедлилось.

Через три часа после начала спуска мы угодили в каменный мешок. Слева и справа нависали отвесные скалы, а впереди внизу маячила почти отвесная зелёная, поросшая мелким сосняком стена. Лишь подойдя к ней вплотную, мы обнаружили перед ней узкий распадок и основное русло Верхнего Каратурука, текущего слева направо.

Облегчённо вздохнули, попав на нормальную конную тропу, затем быстро добежали до Кубы и вышли на узкую тропинку, идущую по её правому берегу. Теперь оставалось пройти полтора километра по этой тропке для того, чтобы через полуразрушенный мост у бывшего кордона Чемальского лесничества попасть на лесовозную дорогу, вырисовывавшуюся на противоположном берегу Кубы. В одном месте пришлось идти по колено в воде, перебирая руками по отвесному каменному прижиму.

Чувствуя себя порядочно уставшими, мы неожиданно заметили у моста грузовик ГАЗ-66, мужиков, грузивших в кузов машины плавниковый лес, и детей, крутившихся вокруг них.

– Вот сейчас мы поможем им загрузиться, а потом вместе доедем до лагеря! – предположил Александр Эдуардович.

– Здравствуй, дедушка, откуда ты появился? – удивлённо поприветствовал Каспера худой небритый тридцатилетний парень. Ну ещё бы! На дороге-то никого не было...

– А это не дедушка, дедушка-то у нас позади, – вкрадчивым голосом сообщил я, указывая на Георгия Георгиевича.

Увидев столь необычную компанию, парень окончательно пришёл в изумление, и брови у него полезли на лоб:

– Да откуда же вы взялись!

Показывая в сторону урочища, из которого вышли, мы объяснили наше загадочное появление. Внимательно выслушав, мужчина тяжело вздохнул:

– Вам же ещё пятнадцать километров пилить по дороге, мы-то сегодня никуда не едем... Днём бы вам идти, да со свежими силами – пробежали бы за два-три часа.

Ну а мы шли по лесовозной дороге около пяти часов, пробыв в общей сложности на маршруте восемнадцать с половиной часов и побив свои прежние рекорды для безночёвочного похода. Сначала почти бежали невзирая на усталость после насыщенного событиями дня, но когда мы осторожно перешли мостик через Кубу в семи с небольшим километрах от Эрлагола, наше продвижение резко замедлилось. Желание проскочить не слишком надёжный мост засветло было удовлетворено, а сумерки сгустились настолько, что просто ничего не стало видно. Впрочем, и силы были уже далеко не те, что на старте.

Дорога у реки Куба

Неумолимо надвигалась чёрная ночь. Становилось всё темнее, темнее, темнее, а мы всё шли, шли, шли. Скорость наша местами, наверное, не превышала одного километра в час, дорога представлялось бесконечной.

Казалось, прошла целая вечность, когда на противоположном берегу Кубы наконец-то начали смутно просматриваться огоньки базы отдыха «Ареда», а потом еле слышно стала доноситься приглушённая музыка. До конца пути оставалось ещё три с лишним километра, но идти стало как-то веселее, и через какое-то время дорога осветилась иллюминацией справа.

Почувствовав близость очага, мы неожиданно ощутили новые силы и невольно ускорили шаг. В один час тридцать шесть минут новых суток мы вошли в спортлагерь НГТУ «Эрлагол».

– А что же вы это, и фонари не взяли, и от машины отказались?!

– Да вот не взяли... ну а машина-то нам вообще ни к чему.

– Но так ведь нельзя ходить!

– Вообще-то нельзя, но нам можно, мы ведь специальной группой шли в разведывательный поход, изучали Элекмонаро-Кубинский водораздел. Понимаете? Ведь то, что нельзя пехоте, разрешается разведке! Кстати, теперь ясно, как организовать ещё один новый маршрут.

Но до чего же всё-таки надёжные это люди. – Георгий Георгиевич Ма-тушкин и Александр Эдуардович Каспер! Думаю, что этой компанией мы ещё не раз сходим в разведку!

Перед походом я определил контрольный срок – два часа ночи.

– Раньше утра всё равно искать не будем! – пошутил стройный, как тополь, заместитель начальника лагеря, ровесник Каспера Николай Григорьевич Нестеренко, поблёскивая хорошо загорелой аккуратной лысинкой на макушке.

Теперь же, сбросив рюкзак под навесом домика и неожиданно ощутив, что на мне нет ни одной сухой нитки, тихонько постучал в дверь. В комнате сонно зашевелились.

– Вы что, уже спите? – удивился я, – Сейчас всего только половина второго!

...На столике лежали потрясающие бутерброды, которые ещё вчера утром назывались «горячими», рядом возвышалась огромная кружка остывшего чая из таёжных трав.

31.07.2004 г., Эрлагол

Клещевой энцефалит

Сухие камыши вспыхнули внезапно. Подскочив, как ужаленный, я скинул с себя штормовку и, задыхаясь от дыма, бросился неистово колошматить ею по буйно разбегающемуся пламени. Летели искры, огонь упорно не хотел сдаваться, но я, ускоряясь в бешеном танце, сумел-таки погасить начавшийся пожар. От маленького костерка до камышей расстояние было вполне достаточное, но, видать, шальная искра всё же долетела. В это время на поляне турслётов, где мы затеяли походный обед, из-под обрывистого берега Оры появилась Ирина. Пока она купалась, в окрестности кострища образовалась солидных размеров выгоревшая площадка.

– Фу-у! Представляешь, выныриваю, а у тебя тут столб дыма до небес! – выдохнула девушка, поняв, в чём дело.

– Да уж... – сконфуженно пробормотал я, чувствуя себя пожарником в прямом смысле этого слова. Вытирая ладонью пот и сажу с лица, усмехнулся, указывая на котлы. – Ну а теперь будем обедать, что ли? Наливай... В одном из котелков курился ароматный цейлонский чай, а из другого приятно щекотал ноздри запах приготовленного на живом огне картофельного супчика с тушёной и специями. Всё было готово к трапезе.

Уютно расположились у костра. Наполнив миски, приготовились обедать, и тут происходит невероятное. Не успеваю поднести ложку ко рту, как пожар молниеносно вспыхивает вновь по всему периметру, оставляя для отхода лишь узкую полоску вдоль обрыва. Подхватив чадящую штормовку, как угорелый набрасываюсь я на горящие камыши, а Ирина, вытряхнув туда из котлов наш обед, мчится вниз к реке за водой.

Выбиваясь из последних сил и не понимая, как это я, опытный тридцатилетний турист-гаёжник, допустил такое безобразие, безнадежно пытаюсь победить огонь. Куда там! С ужасающей скоростью, пожирая всё новые и новые участки поляны, пламя со злобным треском расплзается вокруг. Когда моя спутница с котлами вылетает на поляну, остаётся только ретироваться. Наспех побросав личные вещи в рюкзаки, спешно отступаем по краю обрыва. Пройдя метров сто, оборачиваюсь и внимательно изучаю залитую огнём лужайку. А не разбушует ли сейчас лесной пожар, не пора ли бить во все колокола?

Но, кажется, нет... Повсюду видны ранее выгоревшие чернеющие участки, среди которых как ни в чём не бывало зеленеют берёзы. Хвойного леса нет,

камышовый пал быстро уходит, оставляя после себя гарь, но не успевая поджечь деревья. Значит, опасности нет.

– Смотри! – вдруг изумлённо вскрикивает Ирина, показывая рукой на пылающую площадь нашего злополучного бивуака.

– Ну да, ну конечно, всё горит... – подавленно бормочу я, не уразумевая, что так её взволновало.

– Ты не понял, что ли? Полоска!!! – горячо шепчет она.

Вот оно что! Оказывается, после нашего отступления вспыхнула узкая, поросшая чахлой полувысохшей травой, едва заметная тропинка, по которой мы удирали от огня.

– А мы бы прыгнули в воду, да и пошли прямо по руслу, здесь неглубоко, – вяло возражаю я.

– Правее омут, и ещё неизвестно, можно ли там пройти... Но дело в другом! Нас отсюда срочно выпроваживают, понимаешь! А зачем?! Это знак!!!

В ответ я усмехнулся. Дело в том, что полгода назад эта подруга увлекла меня системой Иванова и в духе Порфирия Корнеевича то и дело угадывала в природных явлениях всяческие приметы. Мне всё это нравилось, но я не видел в системе природного закаливания никакой мистики, а порой даже ловил себя на стыдной мысли, что старик в чём-то и обманывал своих последователей.

Молча возвращались мы на электричке в город, и мною постепенно овладевало смутное беспокойство. Анализируя причину своего волнения, я нашёл ему лишь единственное объяснение: более часа тому назад мне в затылок впился лесной клещ...

За время своего увлечения таёжными и горными путешествиями и я, и мои спутники были многие сотни раз покусаны клещами. Во время похода третьей категории сложности по Горному Алтаю в окрестностях Большой Сумульты каждый из нас вытаскивал из себя до сорока в сутки (!) впившихся в тело клещей. Поначалу я беспокоился, бегал ставить гамма-глобулин. Потом привык, перестал придавать укусам значение, а сейчас и вовсе, чувствуя себя крепким и здоровым после регулярных голоданий и обливаний на морозе, полагал, что организм сам преодолет любую заразу.

Однако теперь, хорошенько поразмыслив, решил всё же сходить и уколоться. Вспомнил, что уже не зима, а начало мая, и что ивановскую «Детку», если честно, я позабросил, потому как без мороза и снега заниматься стало неинтересно, да и клещ цапнул меня не куда-нибудь, а в голову. А тут ещё... этот знак. Минут за тридцать до возгорания камышей я обнаружил на собственном затылке в левой нижней волосистой его части упомянутого паразита. Он и впиться-то особо не успел. Иринка запросто его отцепила и выбросила. Делов-то...

В регистратуре поликлиники я получил категорический отказ:

– Гамма-глобулин ставим только детям!

– Но ведь раньше вы сами требовали, чтобы немедленно...

– А какой сейчас год на дворе, Вы что, не видите, что вообще в стране творится? – ехидно спросила старая, густо покрашенная дама в окошечке.

– Ну, 1990-й сейчас год... но клещ-то укусил меня не куда-нибудь, а в голову, позавчера, – пролепетал я.

– Ничем не можем помочь. Вы взрослый человек и сами должны понимать... – слегка замявшись, отозвалась старуха и зачем-то закрыла окошко.

Озадаченно почесав укушенное место, я позвонил в областную больницу и поинтересовался, как мне теперь поступить.

– Гамма-глобулина в области нет, – слышу в трубке строгий голос одного из заместителей главного врача.

– Ну и что же Вы посоветуете как медик? – интересуюсь я.

– Единственное, что мы можем предложить, так это местное обкалывание пенициллином, – сухо сообщил эскулап.

«Угу», – подумал я. – «Местное обкалывание затылка, да?» – но спорить было бесполезно, и я положил трубку.

– А вот я настояла на своём, и мне сделали инъекцию, – тихо сообщила вечером полная пожилая буфетчица нашего общежития, – Меня на даче тоже клещ укусил. В ногу. Я пошла в больницу, устроила там скандал и добилась своего...

«А меня выручит система Иванова», – самонадеянно подумал я и постарался все неприятности забыть. Невольно вспомнил про клеща через неделю, когда стало вдруг обносить голову. Идёшь себе идёшь, да вдруг словно на секунду теряешь сознание. Поделился сомнениями с моим коллегой по НИИ алтайцем Мундусовым, а тот посоветовал «не брать в черепок, и будет полный порядок». Потом вроде всё прошло. На выходные 12–13 мая поехал в гости к маме в райцентр Куйбышев. Почувствовав себя там неважно, нырнул в холодную Омку, и моё недомогание как рукой сняло.

Надо сказать, что последнюю неделю марта я голодал. Не по Иванову, правда, а по Брэггу. Первые три дня прошли тяжело, потом намного легче, а после выхода из голода меня ждал необыкновенный восторг. Мощный прилив энергии, чувство полёта. Да, очищение организма – великое дело! И вот к 18 мая, если использовать брэгговскую терминологию, почувствовав себя снова изрядно зашлакованным, удивлялся, с чего бы это. Про того клеща думать не хотелось, да и сколько времени-то прошло! Ведь если бы было что-то серьёзное, то оно давно бы проявилось в полной мере. Не так ли? И тут возникла идея: поголодать ещё дней десять. Может быть, прошлое голодание просто расшевелило старую глубинную грязь, и теперь от неё необходимо избавиться.

К вечеру первого же дня голодания неожиданно заболела голова. Все попытки справиться с головной болью оказались тщетными. Пришлось прервать голод и съесть столовую ложку мёда. После лёгкого ужина немного полегчало,

но ненадолго. С утра голова разболелась ещё сильнее, причём не помогали никакие таблетки. К вечеру же субботы резко поднялась температура и стало тяжело до такой степени, что в какой-то момент, слегка забывшись, спутал вечер с утром. Решили вызвать «скорую».

– ОРЗ! – отчеканил молодой щеголеватый врач, осмотрев больного, – В понедельник идите в поликлинику.

То, что происходило дальше, у меня ассоциируется только с одним словом – гестапо. Промаявшись без сна в полузабытьи воскресную ночь, я вспомнил, что в нашей общаге живёт только что окончившая клиническую ординатуру моя хорошая знакомая терапевт Таня Дитрих, и, сжимая от боли зубы, направился к ней. Встревоженная Татьяна моментально направила меня к невропатологу. Там меня заставили лечь на кушетку, сгибали-разгибали мне колени, заставляли делать разные движения руками, затем, измерив температуру, вынесли категорический вердикт – срочная госпитализация.

Клиническая больница № 2 расположена рядом с проходной нашего НИИ. Попутно зашёл туда и, стараясь поменьше шевелить раскалённой головой, сообщил коллегам по внутреннему телефону о том, что сегодня на работу не приду, потому что у меня подозревают клещевой энцефалит. Сообщение было воспринято за шутку – в пятницу-то я нормально работал...

– Когда Вас укусил клещ? – снимая очки и подёргивая щекой, спросил меня грузный Михаил Абрамович – заведующий неврологическим отделением.

– Второго мая... – просипел я, изнемогая от боли и слабости.

– А сегодня двадцать первое мая! – ужаснулся врач. – И что теперь прикажете с Вами делать? Ложитесь-ка на спину.

Михаил Абрамович мял и крутил меня минут десять, проверяя рефлексы и расспрашивая, не возникало ли судорог или чего-нибудь подобного.

– Но нет, я, конечно, обязан Вас принять... – пробормотал он наконец и тут же пробасил кому-то, – Надежда Фёдоровна! Выгоняем тех двух симулянтов из 63-й, тут тяжёлый поступил!

В огромной палате одновременно лежало двадцать шесть человек, гремел телевизор, бубнило радио. В левом углу звонко забивали «козла», рядом играли в шахматы и карты. Симулянтами же оказались два скромных худеньких допризывника, которые проходили обследование, ссылаясь на полученные ранее травмы и сотрясения мозга.

А я так и не верил, что у меня энцефалит, думал о чём угодно, да только не об этом. С разрешения медсестры позвонил Ирине, попросил не беспокоиться, сообщив, что к вечеру, скорее всего, уже буду дома, затем был уложен на каталку, которая тут же двинулась по длинному извилистому коридору.

– Куда это меня? – поинтересовался я и услышал короткий ответ:

– На пункцию.

Эх, сколько рассказов, предостережений и страшилок доводилось слышать про эту самую спинномозговую пункцию, но ни спорить, ни возражать сил у меня не было, всё кругом плыло, как в тумане. Мне уже успели всадить могучую дозу какого-то сильнодействующего средства, боль начала отступать, и даже мыслилось, что теперь нахожусь в спасительном убежище.

После процедуры трое суток я должен был лежать на животе за исключением тех случаев, когда требовался появившийся под койкой белый эмалированный предмет, называемый больными «уткой». Сразу же возненавидев сей объект, я в тот же день нарушил все правила: тихонько встал да и сходил в одно известное заведение. В результате старенькую нянечку, которая не заметила такого надругательства над инструкциями, чуть не уволили с работы, мне стало стыдно, и я решил впредь подчиняться больничным правилам.

К вечеру головная боль притихла, а я, оглушённый какими-то препаратами, всю ночь видел сны сумасшедшего: иду, понимаете, в темноте по саду имени Дзержинского, наклоняясь, ору на грибы, чтобы вылезали из земли поскорее, потом нахожу оторванную человеческую руку, машу ею, пытаюсь кого-то напугать, и прочая белиберда.

Утром в палате появляется Ирина и спокойно так сообщает, что вот придётся мне полежать в больнице. Её спокойствие кажется слегка наигранным, а тут ещё входит с комплектом чистого белья та самая нянечка, которую я чуть не подвёл под монастырь. Моя подруга зачем-то забирает у неё бельё, та покорно отдаёт, хотя явно направлялась к другой кровати. Ирина же начинает тут же менять мне постель. Это на второй день-то... «Что за ерунда?» – думаю я, и тут в палату буквально влетает крайне возбужденная немолодая врач Надежда Фёдоровна, которая делала вчера мне пункцию, с криком:

– Как!!! Почему он до сих пор в своей одежде!!! Она ему теперь долго не понадобится! У него тяжёлый менингит!!! Сиделка! Где пижама?!

Её буквально колотило, и, наверное, нужно быть чересчур взволнованным, чтобы вот так сыпать местоимениями, игнорируя общепринятое правило – о присутствующих в третьем лице не говорить. А вот для меня тут всё и разъяснилось: цапнувший меня клещ был заражён фильтрующим вирусом, а я, упустив время, заработал критическое воспаление мозговых оболочек, готовое вот-вот перейти в гнойный процесс со всеми вытекающими... мда. Парадоксально, но я моментально обрёл полное спокойствие. Видно, где-то глубоко в подсознании сидело мучительное ожидание, а сейчас ситуация разрешилась, и не нужно было теперь думать-гадать, строить предположения.

Одна из моих коллег оказалась родственницей заведующего отделением больницы, и тот на вопрос «Как там наш Боря?» ответил просто: мол, теоретически должен выжить. Такой ответ произвёл на остальных сотрудников неизгладимое впечатление, и меня каждый день стали посещать товарищи по НИИ.

Не зная предыстории, я лежал и недоумевал: как мало ценил таких сердечных людей...

Появился начальник и душа нашего отдела Леонид Исаакович Приказчик, который, спокойно пожурив за непослушание, посоветовал подчиниться врачам и заверил, что всё будет хорошо. Вместе с ним пришёл мой непосредственный начальник, взволнованный Валерий Андреевич Беспалов, который допытывался у врачей, чем он может помочь. Затем потянулись остальные, всячески стараясь поддержать заболевшего товарища. Каждый визит меня взбадривал, но после я неизменно отключался и засыпал.

Первое время упорно держалась высокая температура, зашкаливающая по ночам. Откуда-то из темноты появлялась сестричка со шприцем и ставила срочный укол. Днём лежал под капельницами. Однажды мне по ошибке влили лекарство вместо вены под кожу, что было довольно болезненно, но я терпел, полагая, что так и должно быть, пока появившаяся в палате Ирина не позвала Надежду Фёдоровну.

Где-то в подвале здания работал компрессор, и периодически вся палата заметно вибрировала. Однажды белые шарообразные светильники на потолке буквально заходили ходуном на прутиках-подвесках, и было это 14 июня 1990 года. «Входим в резонанс!» – подумал я, но оказалось, что случилось такое редкое для Сибири событие, как землетрясение.

Моя подруга, отпросившись с работы, забрала ключи от комнаты в общежитии, которое находилось недалеко от больницы, практически переселилась туда и посещала меня каждый день по нескольку раз. Приносила клюквенные морсики, прочие полезные вкусности и всячески ухаживала за больным. Заметив, что она много времени проводит у моей постели, санитарки совершенно серьёзно сообщили: «Зря ты за ним ухаживаешь! Мы здесь давно работаем, много чего повидали: если он и выживет, то нормальным человеком уже не будет. Он же дурачком останется».

На четвёртое утро я встал, пошёл в душ и облился «по Иванову». Тут же вторая врач, намного моложе Надежды Фёдоровны и гораздо откровеннее, посоветовала больше так не поступать:

– Вам делали пункцию. По норме цитоз – четыре клетки, а у Вас – девятьсот! Возможен летальный исход, а Вы обливаетесь.

Так вы поняли, что поведала мне эта болтушка! Позже я ей задал вопрос:

– Разве можно больным такие вещи говорить! А вдруг схватился бы я за сердце, и этот самый исход от Ваших слов со мной бы и приключился?

– А что! – гордо ответила та. – Я всегда больным правду говорю. Вот старичок Морин, рука подвязана, нога еле действует – рубль двадцать, два двенадцать, курил у окна. Говорила ему: не курите, помрёте ведь! И вот помер! – почти торжественно заключила врач, указывая на окно в холле, за которым зловеще маячил небольшой двухэтажный жёлтого цвета морг...

Забавно, что именно эта мадам дважды предлагала мне перебраться в уютную двухместную палату с цветным телевизором после того, как оттуда вынесли сначала умершего от инсульта пожилого мужчину, а затем и бедного старика Морина...

По телевизору же в это время шёл чехословацкий сериал «Больница на окраине города». Сияющие кафелем и хромом апартаменты не шли ни в какое сравнение с нашей казармой, а заграничное медицинское оборудование и приборы представлялись чем-то заоблачно нереальным. Однако той теплоты человеческих взаимоотношений, которая царила у нас, там не ощущалось!

Вторую пункцию сделали неудачно, долго не могли набрать спинномозговую жидкость, обезболивание закончилось, и казалось, что в моём несчастном позвоночнике ковыряют раскалённым гвоздём. Лежал, потел от боли, снова вспоминая о гестапо. Положительная динамика оказалась хорошая: двести пятьдесят клеточек после девятисот, но от дальнейших проколов позвоночника я категорически отказался.

Заново отлеживаясь на животе, обдумывал возможные перспективы своего дальнейшего существования. Вспомнил, как шагал босиком по первому снегу, обливался ледяной водой на любом морозе, голодал по нескольку дней. И что при этом испытывал! Припомнил то прекрасное ощущение несокрушимого здоровья, которое чувствовалось каждой клеточкой тела, и решение было очевидным: возобновить образ жизни, который я вёл прошлые осень, зиму и весну... Другого пути я, некрещёный и неверующий, в тот момент не видел.

– Тут к Вам целая делегация, – сообщила медсестра, вынимая из вены на исколотом локтевом сгибе толстую иглу капельницы.

Дверь открылась, и в неё вошли человек восемь наших туристов во главе с невысоким сухопарым председателем турсекции Игорем Яковлевым.

– Ну привет, коллега! – пожал он мне руку, часто моргая.

Игорь и раньше рассказывал о том, как тяжело он перенёс энцефалит, как долго затем восстанавливался, а теперь я попросил поделиться опытом подробнее. Оказалось, его анализы были не такие жуткие, как у меня, но болезнь переносилась значительно хуже, порой он терял сознание...

Первые полгода после выхода из больницы, где Игорь лишился половины своей причёски, чувствовал ужасную слабость, по совету врачей ездил только на трамваях (меньше тряски), а постоянным его спутником был зонтик в форме трости, чтобы в любой момент на него можно было опереться. Улучшение началось лишь после того, как спортсмен, нарушив запреты ортодоксальных врачей, постепенно приступил к тренировкам...

– В общем, как минимум на год забудь про походы! – резюмировал председатель турсекции.

– А я ещё вот что посоветую, – поделился опытом старый велотурист Марк Петров, – как можно больше спи и ешь. За обедом проси добавку, и то, что приносят, всё съедай без остатка – скорее поправишься.

Турсекция покинула палату, появился Женя Буханко, принёс книгу Григория Федосеева «Смерть меня подождёт» о таёжных приключениях и нелегкой, но романтической работе геодезистов. Следом пришёл мой однокурсник Валера Чуркин, затем Андрей Калюта, который поведал не помню о чём, но о чём-то светлом и добром.

На год забыть про походы... – невесело размышлял я после обеда, перечитывая роман Григория Анисимовича, – и с каким трудом Игорь Яковлев восстанавливался после болезни, пока не начал тренироваться... Как только разрешат вставать, сразу – босиком на землю и под холодный душ. И регулярное сухое голодание вместо «ешь побольше».

Дверь нашей многоместной палаты в очередной раз распахнулась, и в неё вошёл поджарый парень в белом халате и очках с сильными стёклами. Это был мой коллега по организации туризма в спортлагере НЭТИ «Эрлагол», член Всесоюзного спасотряда Владимир Косарев. Он работал преподавателем на кафедре физвоспитания и значился ответственным за безопасность походов в «Эрлаголе», где я во время отпуска, как правило, работал старшим инструктором по туризму.

– Ну привет, симулянт! – весело сказал Володя. – Поправляешься? Я сейчас готовлю приказ на инструкторов. Тебя на все три смены включать?

На фоне пессимизма недавно покинувших палату туристов это прозвучало более чем неожиданно.

– Ну да! Наверно, на все три, – неуверенно произнёс я. – Только знаешь, в этот раз давай-ка я поеду просто инструктором, а не старшим.

– Ну и годится! А старшим инструктором нынче включу себя.

– Ко мне сегодня наши туристы приходили, один из них тоже клещевым переболел, рассказывал мне, с каким трудом выкарабкивался...

– Да не слушай ты никого! У каждого – всё индивидуально.

Поговорив о том о сём, расстались, и Косарев ушёл, заодно навсегда унося из-под койки ненавистный мне округлый белый эмалированный предмет...

На следующее утро я проснулся раньше всех. Решительно сев на кровати, бодро встал и тут же чуть не рухнул обратно. Лежачий образ жизни ещё никому особой пользы не приносил... Дальнейшая траектория моего движения от койки до двери представляла собой отнюдь не прямую линию, а почему-то красивую ровную дугу. При этом дверной косяк так чувствительно двинул меня в плечо, что я скривился от боли. Сообразив, наконец, что перемещаться в пространстве надо осторожнее, до умывальника пошёл вдоль стеночки. В заляпанном зеркале я увидел лицо с неопрятной недельной щетиной и воспалёнными глазами зверски утомлённого человека.

Я весело подмигнул своему отражению, но зеркало ответило как-то кислотовато. Погрозив зеркалу кулаком, решил, что пора приступить к оздоровительным процедурам. Осторожно вернувшись в палату, взял полотенце и услышал неодобрительный возглас проснувшегося пожилого коллеги, страдающего радикулитом:

– Ну вот, он опять туда же! И куда, спрашивается, тебя несёт?

В смрадной душевой комнате вздёрнул руки к потолку и, слегка прижимая язык к нёбу, сделал поочерёдно три медленных вдоха через гортань. Представляя, как и положено по системе Иванова, что воздух идёт ко мне из верхних слоёв атмосферы, мысленно направлял струю сначала в голову, потом в грудь, затем в живот. У Иванова это называется «вдохами жизни». Затем требовалось просить у природы здоровья, что для меня давно было полушутливой игрой. Однако теперь просьба превратилось в настоящую мольбу, которая была обращена к живой природе, к Иванову, к своему внутреннему «я» и... не знаю уж к кому. Короче, под душем стоял махровый язычник.

Вода была лишь слегка прохладной, но после обливания я куда более уверенным шагом, почти не делая зигзаги, возвращался в палату с мыслью: «Через полчаса – на улицу и босиком по траве».

Во время очередного обхода поинтересовался, что это за маленькая таблечка на тумбочке предлагается мне перед сном. Оказалось, тазепам.

– Транквилизатор? Но зачем? – удивился я.

– Да он слабого действия... видите ли в чём дело, такие больные, как Вы, обычно слишком самоуглубляются, думают о смерти, поэтому по инструкции положено...

– Не нужен он мне!

Вот и пошло: обливание четыре раза в день с вышеописанной ивановской аутогенной тренировкой, а в промежутках «вдохи жизни» и ходьба босиком по траве, благо на территории больницы располагалась вполне приличная парковая зона. Балбес я, конечно, что так безобразно запустил болезнь, но, с другой стороны, очищенный, закалённый за зиму организм стал быстро справляться с тяжёлым недугом. Правда, для этого приходилось нарушать все предписания врачей.

В больнице лежал я ровно четыре недели. За это время в неврологическом отделении скончалось тринадцать человек, в основном это были пожилые люди, попавшие сюда с кровоизлиянием в мозг, но двое умерли от клещевого энцефалита: старенькая учительница-пенсионерка и тридцатилетний парень, который в отличие от меня до госпитализации упорно пытался вылечиться лошадиными дозами водки... Нельзя быть таким упрямым. Неправильно это.

Пока я находился в больнице, меня посетили почти все коллеги по отделу, а также великое множество знакомых и родственников, в том числе приехавшая из Куйбышева крайне встревоженная мама. К счастью или несчастью, телефон у неё две недели не работал, и о случившемся она узнала, когда кризис уже миновал. Болезнь старшего сына наверняка добавила ей седых волос.

– Тебе пора жениться! Хватит ходить одному! – как заклинание несколько раз повторила она, словно пытаясь таким образом уберечь меня от напастей, и почувствовал я, что нешуточные переживания принёс матери своей болезнью. Может быть, так переживала она лишь тридцать лет назад, когда в годовалом возрасте я, её первенец, жутко болел дифтерией и врачи днём и ночью делали всё, чтобы спасти младенческую жизнь.

Под конец я умудрился устроить ещё один скандал. В больницу привезли новую мебель, и кто-то из персонала по недоразумению попросил меня помочь перенести эти тяжести. Так полчаса потел я вместе с другими, забыв про две дырочки в позвоночнике. Случайно обнаружив такое безобразие, Надежда Фёдоровна чуть не грохнулась в обморок, попутно сообщив, что Михаилу Абрамовичу за это не поздоровится. Я не понял, при чём здесь Абрамыч – просто кто-то попросил, я и помог.

При выписке мне подробно рассказали о двухволновом характере моего заболевания, о том, чего удалось избежать и, о том, что ещё может произойти. Приводя примеры инвалидности ослушников от медицины, выдали массу инструкций о моём предстоящем поведении, каждая из которых начиналась со слова «низ-зя!». «Но если очень хочется, то можно», – в итоге подумал я, покидая больничные стены. Мне предстояло месячное амбулаторное лечение, и первым делом я направился в гости к родственникам в деревню Каменка.

– Дядя Володя! Я пойду искупаюсь в речке! – весело крикнул я маминему брату, разворачивающему рыболовные сети.

– Не выдумывай! – пробормотал тот, не отрываясь от сетей и решив, что я его разыгрываю.

– Кончай, кончай... – раздался из сеней недоверчивый голос тёти Светы, его сестры. – Тебе сейчас только тёплую ванну и постель.

Но я не шутил. Раздевшись до плавок, босиком вышел за огород и потрусил по тропинке к ближайшему омуту. И тут мелькнуло вдруг совершенно необычное, как бы воздушное ощущение. Ощущение перехода от тоскливой безнадёжности и больничного одеяла – к жизни. Будто летела рядом птичка, да и коснулась своим лёгким крылышком твоей щеки.

Окунувшись с головой и попав пятками в холодный ключ на дне водоёма, с восторгом выскочил из воды и минут двадцать ходил по траве, совершая

«вдохи жизни». Ещё целый месяц нужно было делать уколы, но уже сейчас я чувствовал себя вполне прилично.

Ровно через сутки хорошо знакомый дипломированный врач, экстрасенс и знаток восточной медицины Ефим Гутман, осмотрев меня, спросил:

– У Вас мышечных судорог не было?

– Ничего подобного!

– Ну что же, может быть, всё обойдётся... – задумчиво промолвил он. – Вы только не обольщайтесь, на самом деле всё очень серьёзно. Курить и выпивать запрещается категорически. Голодать можно будет только лет через пять-десять, впрочем, тут смотрите сами.

– Вы что-то у меня видите? – затаив дыхание, спросил я у экстрасенса.

– К сожалению, да, – вздохнув, ответил пожилой доктор.

– А что конкретно?

– Ну а зачем Вам это знать! Расскажу, будете потом думать.

– Ну, а всё-таки!

– Ну, например, глаза у Вас абсолютно больные, цвет кожи лица совершенно не тот...

Отрезвил меня слегка Ефим Григорьевич да, видать, чувство противоречия сработало, следующий же день я посвятил сухому голоданию. К вечеру довольно сильно разболелась голова, и после лёгкого овощного ужина так и лёг спать. Однако, наутро проснувшись, почувствовал, что вроде бы всё нормально, а к середине дня ощутив заметный прилив сил, вышел на берег Оби. Часа четыре с упоением ходил босиком, любуясь могучей сибирской рекой, периодически совершая «вдохи жизни» и окунаясь в слегка прохладные, мутноватые обские воды. Подумалось, что хорошо всё-таки жить при социализме – спокойно восстанавливаешь здоровье, не рискуя потерять ни рабочего места, ни оплаты больничного листа! Не то что в какой-нибудь подлой Америке...

Вечером, приняв в общаге контрастный душ, быстро уснул, не успев даже перевернуться на бок, но, подумав, что, наверное, всё же поступаю правильно, хотя другим так не посоветую, ведь для этого надо, во-первых, быть в системе Иванова, а во-вторых, каждый человек... как там его... индивидуален... Хр-ррр. Фс-ссс.

Все последующие дни, как и положено, посещал процедурный кабинет в поликлинике Чкаловского завода, где мне ставили очередной укол, затем большую часть времени ходил босиком по берегам Оби, дышал, купался. Иногда на моём пути появлялись кошки, собаки, на которых я бы не обратил и внимания, если бы животные дружелюбно не шли за мной, а когда я делал очередной вдох, не начинали ластиться и тереться о мои ноги. Сначала

я удивлялся, но потом решил, что босой человек, совершающий медленный вдох со вздёрнутыми к небу руками, как-то по особому видится этим зверькам.

Через две недели друзья-ивановцы позвали меня навестить вдову Порфирия Иванова, проживающую где-то очень далеко от Сибири. Ивановцы уверяли, что получу я там мощный импульс здоровья и чрезвычайно ценные советы. Немного поколебавшись, предпочёл поездку в «Эрлагол».

Добравшись на поезде до Бийска и сдав рюкзак в камеру хранения, приобрёл автобусный билет до села Чемал и направился в ближайшую поликлинику для очередного укола. После чего, сев на трамвай и проехав к коммунальному мосту через Бию, спустился к превосходному песчаному пляжу. С величайшим удовольствием трижды окунулся в чистую, прозрачную, притом весьма холодную воду. Это вам не Обь! С ощущением, что рождаюсь заново, ходил и дышал, пока не высохли плавки. Вернувшись на автостанцию, первым делом увидел милиционеров, наблюдавших за группой подвыпившей молодёжи, которая нестройным хором пела песню о родном городе: «И славный город Бийск, и Бия-мать!»

Доехав до Чемала, дальше пошагал пешком. На первом же повороте свернул с дороги и, раздевшись, погрузился в прозрачную, обжигающе-ледяную воду горной реки. Как ошпаренный, выскочив из воды, радостно заорал на всю тайгу:

– А-а-ха-ха-ха-ха!!!

На щебёночной дороге остановился старенький «запорожец», и пожилой алтаец сочувственно спросил:

– Вам не до Уожана? Может, подвезти?

– Спасибо! – весело воскликнул я. – Я сам!

Дойдя до впадения в Чемал реки Кубы, искупался второй раз, под Кубинским мостом. До боли знакомый щемящий запах тайги, чистейший, напитанный ароматами трав воздух, щедрое солнце и ясное голубое небо вызывали состояние, близкое к эйфории.

– Ты знаешь, – серьёзно сообщил встретивший меня Косарев, поправляя очки – после недельного мартовского голодания ты, несмотря ни на что, выглядишь посвежевшим.

Через день мы с ним вдвоём отправились в трёхдневный поход контролировать проходящие группы. Наши всесоюзные «корочки» – мои инструкторские, а его спасательские – давали на это полное право. Шагая с полной выкладкой по каменистой тропе, по бродам реки Имурты, поймал себя на мысли, что «никакой страшной астении, как минимум на полгода», обещанной врачом Михаилом Абрамовичем, не чувствую.

Приостановившись у старого кострища под сенью старых ив, пообедали «толстым чаем». Это означало, что к отвару таёжных трав с небольшим добавлением индийского чая из маленького котелка прилагались могучие бутерброды, состоящие из широкого ломтя хлеба со сливочным маслом и рыбными консервами сверху. Подремав минут сорок, двинулись дальше к нашей излюбленной стоянке под тремя вековыми кедром в верховьях Муехты неподалёку от лесной границы и скальных башен, называемых туристами Замками Злых Духов. Здесь поставили маленькую таёжную палатку с коричневым дерматиновым дном. Было безветренно и жарко, далёко впереди безмятежно сияло разными оттенками синевы многогорье алтайских гор, напоминая картины Рериха, а на юго-западном горизонте длинной полосой чернела грозозная туча.

Сварив горохового супчика с картошкой, классно поужинали, затем тщательно укрепили палаточные растяжки и полиэтиленовый тент. Когда совсем стемнело, разразилась великолепная гроза. Всё вокруг сверкало и гремело, шумел ветер и хлестал дождь, но к нам не попадало ни капли. Створ палатки был открыт, над ним нависал полуметровый козырёк тента, а мы уютно расположившись в своей берложке, лежали лицом к выходу, глядя на природные иллюминации. Рассуждали о том, что молния, конечно, не ударит по укрывших нас могучим кедром, а в качестве громоотводов выберет Замки Злых Духов или каменистый безлесый гребень, разделяющий верхние истоки Муехты.

Вернулся в лагерь я довольнёшенький и сразу же услышал от врача спортлагеря, стройненькой как балерина, Татьяны Мингалимовны Гареевой ценный медицинский совет:

– Не нужны Вам больше никакие лекарства, Вы в походы уже ходите!

Получив столь мудрую рекомендацию, я решил непременно ею воспользоваться, и по приезде в Новосибирск первым делом вознамерился закрыть больничный лист.

– И куда Вы торопитесь? – удивилась терапевт Синякова. – Отдохнули бы ещё недельку, сил набрались!

– Я уже здоров!

– Ну, это Вам только так кажется... Впрочем, как хотите, вот Ваш бюллетень, и всё равно настоятельно рекомендую через полгода ещё раз пройти курс церебролизина и ежегодно ложиться на обследование... Да Вы не посмеивайтесь, последствия такой болезни ещё ох как скажутся!

Придя на работу, увидел обрадованные моим возвращением лица коллег, и мы тут же устроили праздничное чаепитие. Радость, конечно, была взаимной. Затем мне была вручена в качестве материальной помощи солидная сумма, равная моей ежемесячной зарплате. Никто не удивился, что я в тот же день оформил очередной отпуск.

Вскоре я вернулся в «Эрлагол», но уже не один, а вдвоём с Ириной. Мы поставили палатку под старой берёзой, гигантская ветвь которой распростёрлась далеко вперёд за брезент нашей «польки». Косарев и я наметили в предстоящем походе четыре дня поголодать, моя Ирина и Косарева Марина решили питаться исключительно варёным рисом, а для Кати, дочери Косаревых, были предусмотрены нормальные обеды с тушёнкой.

Вот так после тяжёлой болезни, с увесистым рюкзаком и на голоде поднимался я по крутой тропе в урочище Сергезю. Нужно признаться, было невероятно тяжело, каторжно тяжело, и думалось, что тяжелее уже и быть не может. Казалось, что сейчас хлопнусь наземь и больше не поднимусь. Никогда раньше я не голодал под такой нагрузкой! Нынче бы я непрерывно читал «Отче наш», а тогда при подъёме в моей голове крутился лишь Гимн жизни Ивана, заканчивающийся словами: «Человеку слава бессмертна».

На пастушьей стоянке остановились на обед, а мы с Володей лишь пили воду из ручья. В изнеможении отдыхал час с небольшим, затем уж и сам не помню, как превозмог последний крутяк. Устроились на ночлег на той самой стоянке, где нас недавно застала гроза.

Голодалось, говоря откровенно, муторно, но голова почти не болела. Целебный климат Горного Алтая, воздух, напоенный живительными травами, удивительно чистая вода действовали исцеляющее, несмотря на все надругательства над организмом. С водой-то, кстати, здесь было непросто: для её добычи приходилось использовать полый стебель, организуя своеобразный водопровод. Каждый раз испытывал огромное облегчение, когда Ирина обливала меня из большой кружки. На каждое обливание уходило 25–30 кружек ледяной воды. На третий день, когда выводил проходящих мимо нас парней по их просьбе на основную тропу, неожиданно ощутил прилив сил.

Утром четвёртого дня, неспешно собравшись, отправились вниз. Обойдя верховья Муехты, мы вышли к Имурте и по набитой конной тропе через массу мелких бродов спустились к лесовозной дороге у реки Куба. На базе вышли из голодания. Первая еда – лёгкий салатик, поутру сварили в котелке ботвинью, а на обед вкушали варёный рис.

Голодание завершилось, но ожидаемой лёгкости не наступило ни сразу, ни на следующий день. Обычная послепоходная расслабуха в этот раз не была приятной: в голове шумело, по всем телу растекалась вселенская усталость, которая не преодолевалась никаким отдыхом. Следующее утро принесло дождливую холодную погоду, которая продлилась и на следующие сутки. Заканчивалась первая эрлагольская смена, отдыхающие без восторга глядели на небо, морщились от досады, распускали зонты, надевали свитера и тёплые куртки, а я не находил покоя ни днём ни ночью.

И накатились на меня сомнения. С одной стороны, уже почти год веду образ жизни по Иванову, я в системе и должен в ней находиться, но болезнь-то моя не хухры-мухры, не ангина какая-нибудь. Одних анекдотов про клещевой энцефалит вон сколько, один «веселей» другого. А я всё равно, как под гипнозом, творю невесть что, пренебрегая всеми медицинскими инструкциями... Меня выручила современная медицина. Фильтрующий вирус, размножаясь в человеке, поражает нервную систему, и если прозевать критический момент, следует неминуемая смерть. Так погиб учёный новосибирского Академгородка академик Работнёв, а мне повезло: догнал уходящий поезд и запрыгнул на подножку его последнего вагона.

Гамма-глобулин, как мне объяснили специалисты, существовал в то время в двух видах: на основе человеческой крови и на основе лошадиной. Для профилактики болезни применялся первый тип, именно он и был в жесточайшем дефиците. Второй применялся только в случае уже обнаруженного заболевания, так как влёт за собой серьёзные побочные явления. Именно лошадиный гамма-глобулин лошадиными же дозами вливали мне, пока образовавшиеся антитела в крови не побороли разрастающееся в геометрической прогрессии войско вирусов. Можно ли было одолеть болезнь лишь при помощи системы Иванова? Наверное, можно, если быть фанатиком этого дела, но я фанатиком никогда не был, к мистике не склонен и всегда во всём сомневался, к тому же курил. Врачи спасли мне жизнь, но в дальнейшем ответственность надо брать на себя, иначе... Иначе ничего доброго не будет.

Ночью вижу сон: прихожу с группой из похода в лагерь по солнечному вечеру, вижу слева от дороги цветы, срываю их и бегу вперёд, чтобы вручить... Тут мысль мелькает: побежал-то ты побежал, а что дальше с тобой будет... И вдруг меркнет всё вокруг, темнеет в глазах и кричу я от ужаса. Меня будит подскочившая Ирина: «Что случилось!» Да ничего, просто сон...

Когда состояние муторности и неопределённости достигло апогея, встал я полшестого утра после полуобморочной ночи и тихо, стараясь не потревожить спящую подругу, вылез из палатки. Пройдя по холодной сырой траве к горной реке, обнаружил, что изо рта идёт пар. Сделав несколько вдохов, назло всем врагам и врачам шагнул в ледяную воду. Пройдя по скользкому галечному дну, с усилием нырнул в чёрную глубину, постаравшись там продержаться подольше. Выскочил из реки с ощущением, что небо и земля меняются местами. Дыхание перехватило, сама встряска была столь сильной, что показалось, будто умер я и тут же вновь родился.

Ощувив резкое улучшение самочувствия, через каждые два часа снова и снова нырял в поднявшийся от дождей бурый Чемал. «У Иванова это называ-

ется снежным выздоровлением, и это мой путь!» – думалось мне. И вот чудо! К вечеру почувствовал, что полон сил, энергии и здоровья.

– Давай после Эрлагола съездим в Джамбул к маминим родственникам, они давно нас ждут, – предложила Ирина и вдруг задумалась.

– Послушай, – произнесла она, – вот когда ты заболел, я ехала в трамвае, смотрела в окно на небо и знаешь, кто мне привиделся?

– Порфирий Иванов! – выпалил я.

– Не-ет. Иисус Христос! Его ни с кем не спутаешь.

До закрытия лагеря я отруководил ещё тремя походами. В начале второй смены сводил группу из шестнадцати барышень и четырёх мужиков в трёхдневку по сплошному дождю и туману, затем восемь человек – в семидневный поход по нестандартному маршруту, после чего одного из стажёров пришлось отстранить от работы ввиду обнаружившейся профнепригодности. Наконец, в солнечную третью смену сводил представителей администрации лагеря в шестидневку на живописные Буюкские озёра. Во всех походах Ирина была рядом со мной.

Никаких последствий клещевого энцефалита я больше не ощущал, и в начале сентября 1990 года скорый поезд Новосибирск–Ташкент, весело постукивая колёсами по стыкам рельсов, катил нас в хлебосольный Джамбул. Здесь молодых с нетерпением ждали очень милые пожилые люди, недоубранный в честь приезда гостей урожай всевозможных фруктов, арыки по обочинам улиц, саманные избы и не по-осеннему тёплое солнце юга Казахстана.

Голодный поход

Всегда считал, что идти одному в тайгу, да ещё и без ружья, не сто́ит! Тем более что даже в непосредственной близости от спортлагеря НГТУ «Эрлагол» полно диких зверей. В разное время в походах доводилось встречаться здесь не только с медведями, волками, рысями, маралами, лосями, лисицами, но и с другими братьями нашими меньшими. И не надо обольщаться тем обстоятельством, что за тридцать пять лет существования спортлагеря не было ни одного случая нападения зверя на человека. Зато известно более десятка случаев укуса ядовитыми змеями – гадюкой обыкновенной и щитомордником алтайским. Хотя все укушенные в итоге остались живы, ни одному из них мало не показалось. И это при том, что рядом находились товарищи, готовые оказать немедленную помощь.

Можно ведь, получив случайную травму, сразу сделаться беспомощным, например, оступившись, подвернуть ногу. Или, скажем, обострится вдруг у вас старая болячка и серьёзно испортит жизнь. Даже мошка, случайно влетевшая в глаз, может надолго вывести из строя и лишить возможности нормально продвигаться по маршруту, о клещах уж и не говорю...

Так рассуждал я, собираясь в одиночку осуществить четырёхдневный голодный поход. В одиночку, потому что одно дело теоретизировать, другое – посмотреть на практике и потом подробно написать об этом. Голодный же, потому что давно уже не голодал я по Брэггу и почти забыл то замечательное ощущение лёгкости и чистоты в каждой клеточке организма. Очень теперь захотелось почиститься! А заодно навестить одну из наших эрлагольских групп, дневающую за хребтом Ёолго на Буюкских озёрах.

«Умный в горы не пойдёт, умный гору обойдёт!» – доводится порой слышать от любителей пляжно-ресторанного отдыха. Так и хочется этим умникам ответить: «Жаль вас, господа! Слаще морковки-то вы ничего и не ели». С их точки зрения, мы, туристы и альпинисты, просто придурки. Ну, а если ещё и не едим по несколько дней, то, значит, придурки вдвойне.

Книга Поля Брэгга «Чудо голодания» ещё не вышла в нашей стране, когда в годы горбачёвской перестройки один из популярных журналов, кажется, «Физкультура и здоровье», начал публиковать её главы. Многие тогда заинтересовались необычной темой, использовали брэгговские рекомендации и с нетерпением ожидали появления очередного номера журнала.

После того как несколько моих друзей, проведя курсы голодания различной длительности, поделились со мной своими восторгами, я тоже решил попробовать. Дополнительным толчком к здоровому образу жизни послужила появившаяся в свободной продаже книга Юрия Андреева «Три кита здоровья». Эффект от очищения организма голодом мне страшно понравился, и потом неоднократно мы с коллегой по инструкторской работе в «Эрлаголе», спасателем Владимиром Косаревым целенаправленно голодали под рюкзаками в походах, употребляя в пути лишь воду из горных рек и родников. Однажды наше воздержание от пищи во время путешествия составило восемь суток...

И вот вечером 29 июля 2007 года мой рюкзак, полностью собранный, но без котелков и продуктов, стоял у порога четырёхместного домика, построенного на окраине «Эрлагола» в прошлом году. Помышлял я выйти на маршрут по вечерней прохладе и пройтись до сумерек пешочком лесовозной дорогой вдоль реки Кубы, да вдруг выяснилось, что наутро найдётся мне место в крытом кузове автомобиля ГАЗ-66 вместе с отправляющейся в поход большой группой двух Вов-инструкторов – Пешкова и Сидорова. В семь часов утра следующих суток надёжная машина двинулась в путь. Чтобы преодолеть пятнадцать километров по разбитой дороге до разрушенного мостика у бывшего кордона Чемальского лесничества, нам потребовался почти час. Здесь выгрузившись из автомобиля, мы отправились дальше по дороге и около трёх километров живой цепью шли вместе до устья Имурты, где и распрощались. Далее мой путь следовал по урочищу Имурта, а маршрут группы Вов-инструкторов шёл и дальше вверх вдоль Кубы. Пожали мы с замыкающим ту группу Володи Сидоровым друг другу руки и, пожелав удачи, разошлись.

Давно знакома мне популярная среди туристов река Имурта с её черёмуховыми зарослями, кустами, усыпанными превосходной красной смородиной и малиной, многочисленными несложными бродами, а порой и с обилием слепней, могущим довести любого идущего вдоль реки до белого каления. Впрочем, слепней в этот раз не наблюдалось, зато уровень помутневшей от дождей воды в реке был выше обычного. Шагая по тропе, я не переставал удивляться тому, что выше по течению каждый брод парадоксально оказывался полноводнее предыдущего. Наверху переходить реку вброд приходилось уже со всей осторожностью, используя в качестве шеста свой ивовый посох.

Погода стояла солнечная, но ветреная, рваные облака, беспорядочно проносящиеся по голубому небу, сулили скорые перемены в атмосфере. Легко шагать давно найденным маршрутом, отмечая про себя каждый знакомый распадок, стоянку, кострище. Я даже слегка удивился, когда обнаружил, что все броды уже остались позади. Поднявшись на плоский болотистый водораздел между Имуртой и притоком Элекмонара рекой Каракёл, наконец, почувствовал, что нахожусь в голоде. Есть не хотелось совершенно, но появились ощущение физической расслабухи и чувство удивительного душевного спо-

койствия. «Обеденный» отдых я наметил на хребте между верховьями Имурты и Сейши на обширной кедровой стоянке, куда притопал после трёх часов полудни.

Набрав в пластиковую бутылку воды из маленького родника, непостижимым образом выбивающегося из-под камней здесь, наверху, и вдосталь напившись, я расстелил на усыпанной сухими кедровыми иглами поляне полиэтилен, сверху бросил свою тёплую куртку на синтепоне и, с наслаждением растянувшись на ней, сладко-пресладко задремал. «Часок покемарю, и в путь», – сонно подумалось мне, но не тут-то было! Буквально минут через десять небо затянулось унылыми серыми тучами, солнце померкло и заморосил частый дождь. «Вообще-то мы так не договаривались», – проворчал я в адрес туч, нехотя поднимаясь. И успел-то я на этой стоянке всего лишь расслабиться до состояния медузы. Лениво собравшись, накинул на рюкзак кусок полиэтилена от дождя и, слегка пошатываясь, побрёл по конной тропе, которая теперь плавно поворачивала направо, обходя верховья Имурты. После отдыха разнылся левый локоть, на котором бактерицидным лейкопластырем был заклеен обнаруженный вчера вечером пустячный фурункул, возникший, кажется, вследствие занозы...

Иду и чётко ощущаю, что вошёл в голодание: движения становятся замедленными, голова тяжелеет, в горле постоянно что-то откашливается, а все мысли потихоньку испаряются. Спокойно шествую по тропе, созерцая окружающий ландшафт и через каждые двадцать минут останавливаясь на передышку. Лёгкий дождь, едва прекратившись, вдруг хлестанул ливнем. Гроыхнул гром. Срочно нырнув под старый кедр, я скинул куль и огляделся. Тёмно-зелёная крыша из густой хвои была обширной и столь плотной, что могла выдержать любой ливень. Ровная, сухая площадка казалась безупречным местом для моей маленькой палатки, только вот далековато от воды. Глянул на часы. Ещё нет и пяти, вставать на ночёвку рано. Что ж, можно спокойно подремать. Вот и чудненько!

Очнувшись от дрёмы, я увидел впереди себя голубое небо и весёлые белые барашки на нём. Стряхнув капли воды с полиэтиленовой накидки, упаковал её в верхний клапан рюкзака, куртку засунул под клапан, а рюкзак накинул на плечи. Вот теперь с новыми силами можно топтать и топтать по тропе, которая с небольшой потерей высоты огибает справа заболоченный, заваленный буреломом и загромождённый разнокалиберными камнями участок местности.

Первый день похода всегда тяжеловат, а в голодном режиме тем более. Останавливаюсь через каждые десять-пятнадцать минут, пью воду. Лес становится всё реже. До его границы, за которой начинается горная тундра, поросшая карликовой берёзкой, ивой и можжевельником, уже рукой подать. Вот и добрёл я до нашей излюбленной стоянки у трёх вековых кедров, являющей ныне грустный вид. Несколько лет назад какие-то варвары обосновали

кострище вплотную к деревьям прямо на их могучих корнях там, где обычно мы ставили одну из палаток, и кедровые начали чахнуть. Удивительно, как они до сих пор не погибли!

Сегодня мне в любом случае здесь не ночевать – у кедров устроилась большая группа туристов-конников с турбазы «Берель». Поприветствовав коллег, медленно-медленно поднимаюсь дальше вверх по тропе. Следующая стоянка свободна. Поляна чересчур большая, не совсем здесь уютно, но какая мне разница! Нет рядом дров? А костёр мне и не нужен! Скинув рюкзак, первым делом достаю опустевшую бутылку и иду за водой. Метрах в пятидесяти по едва заметной тропке нахожу крохотный ручеёк. Не удастся набрать из него воды даже кружкой, но в одном месте, на небольшом сбросе высоты, приставлен к камням полый стебель какого-то растения – водопровод. Тоненькая струйка воды из стебля аккуратно льётся в пластиковую полторашку. Дождался, когда она, наконец, наполнится, и после этого с наслаждением пью воду, затем заново пополняю бутылку.

Семь часов вечера. Разуваюсь, надеваю на босые ноги глубокие калоши, неторопливо разбираю рюкзак. Мокрые ботинки, стельки и носки раскладываю в огромном сухом гниловатом дупле исполинского кедра. Остальные вещи намереваюсь разместить в палатке. Снимаю взмыленную фирменную футболку с надписью «НГТУ» на спине и вдруг обнаруживаю, что на месте пустяковой болячки на левом локте вздулась здоровенная тёмно-красная шишка, а сама рука заметно отекает и откровенно ноет. «Это что ещё за безобразие! – возмущаюсь я, строго глядя на шишку. – А ну, прекратить немедленно!» Достав походную аптечку, промываю больное место перекисью водорода, втираю в него крем «Спасатель» и неуклюже пытаюсь перебинтовать. Не добившись желаемого результата, приложил к болячке стерильную салфетку, закрепив её лейкопластырем.

Установив палатку и расстелив внутри неё коврик, куртку и спальник, достаю из кармана рюкзака «Житие Серафима Саровского», упакованное в мультифору, и намереваюсь залечь и читать, пока окончательно не стемнеет. Однако, несмотря на усталость первого дня, что-то меня на этой площадке не устраивает. Отойдя метров на пятьдесят, внимательно приглядываюсь к стоянке. Места здесь уйма! Цыганский табор может расположиться. Палатка, сиротливо приютившаяся на краю поляны в десяти метрах от раскисшей конной тропы, видна со всех сторон. «Да и шут с ней!» – полагаю я, глядя на часы и отмечая, что начались вторые сутки моего голодания. Подойдя ещё раз к «водопроводу», почистил зубы, обмылся по пояс и с досадой ещё раз осмотрел предательски отекающую руку. «Ну да ладно, может, к утру пройдёт», – мелькнула успокоительная мысль.

Любуясь вечерним беззаботным солнцем, облаками причудливых форм и многорядьем сияющих различными оттенками синевы горных хребтов на

ожном горизонте, решаю перед сном прогуляться по округе. Очень скоро на противоположной стороне от ручья метрах в ста от палатки, поражённый, останавливаюсь. За двумя могучими кедрами скрывалась шикарнейшая площадка, с трёх сторон закрытая деревьями от постороннего взора, небольшая, идеально ровная, покрытая мягким толстым слоем сухих иголок. Навес из густо свившихся хвойных веток метрах в четырёх над головой не пропустит и капли воды. Райский уголок, да и только!

Усталость первого дня давала о себе знать, в голове слегка шумело, и хотелось лишь одного – поскорее принять горизонтальное положение, прихватив под бочок бутылку с водой. Но вновь найденное гнёздышко меня настолько впечатлило, что выгрузил-таки я содержимое палатки на траву да и перетащил походный скарб на новое место. Ну, всё! Наконец-то забираюсь в спальный мешок и достаю книгу...

В полукилометре от меня ниже по тропе позванивают колокольчиками пасущиеся лошади туристов-конников, к массивным скалам на противоположной стороне широкой долины правого истока Муехты подошла ещё одна группа туристов, до меня доносятся их весёлые голоса, кто-то отчаянно дубасит бубен, упорно не желая прекращать это занятие. Ну разве один я в тайге? Народу хоть отбавляй!

Первая голодная ночь всегда некомфортна, организм перестраивается на режим детоксикации. Только задремал, как прошиб меня сильный озноб. С чего бы это? Чувствую, и температура поднялась! Просыпался через каждые полчаса, хватая пересохшим ртом воду из бутылки. Нормально уснул лишь перед рассветом, однако в восьмом часу утра живо поднялся, ощущая себя, как это ни странно, вполне выспавшимся.

Рука, хоть и особо не саднила, но и заживать что-то не собиралась. Придётся сокращать маршрут. Впрочем, посмотрим. До развилки троп, одна из которых через Аккаинский перевал ведёт к верховьям Угула и далее к Буюкским озёрам, а другая – через соседнюю седловину, к реке Сергезю и назад к Кубе, ещё топать да топать! В целом же вполне удовлетворённый тем, что уже второй день ничего не ем, что погода установилась прекрасная, а самочувствие моё вполне сносное, не торопясь собираю рюкзак и отправляюсь вперёд по тропе.

Уже в зоне горной тундры встретился я с группой, ночевавшей на противоположной стороне долины. Это были туристы не так давно созданной базы «Аркадия», которые шли сейчас без рюкзаков фотографироваться на фоне скальных Замков. До тропы, сворачивающей на Аккаинский перевал, мне оставалось ещё около километра, но решение идти не к нему, а на Сергезинскую седловину уже созрело, так как левая рука начала беспокоить всерьёз. Она особо-то и не болела, но предательская чернушная краснота продолжала разрастаться от локтя к предплечью. В общем, бережёного Бог бережёт.

На седловине меня ждал адреналиновый взрыв. Поднявшись наверх, я выскочил прямо на стадо огромных чёрных яков, пасущихся в каких-то тридцати метрах от меня. Як, или как его ещё тут называют сарлык, – животное, похожее на корову, но чуть крупнее да ещё и с длинной до земли шерстью. Вместо мычания сарлык издаёт совсем уж недомашние звуки, напоминающие рёв дикого кабана. Хотя это животное и считается прирученным, хищником не является, но агрессивным бывает оно на диво! То ли одичал як на высоких горных пастбищах, то ли от природы у него буйный характер, но в любом случае встреч с ним у нас всегда было принято избегать. Большие стада этой скотины видеть мне не доводилось. Вот и сейчас было их не более сорока голов, но зато самых что ни на есть отборных!

При виде приближающегося человека яков охватило сильнейшее беспокойство. Неистовый рёв животных резанул мне уши. Вдруг вперёд вышел и замер на месте их вожак, оценивая обстановку. Его огромный демонический чёрный силуэт с мощными рогами на голове зловеще смотрелся на фоне яркого неба. Испытав лёгкий шок и пытаясь избежать нежелательного контакта, я рванул влево от тропы и ошибся. Именно туда и намеревался, оказывается, вожак увести от меня стадо, а мой зигзаг окончательно спутал его карты. Животные, добавив децибелы, стали свирепо выбрыкиваться, демонстрируя крайнюю ярость, затем, как по команде замолчав, угрюмо и медленно двинулись в мою сторону.

На секунду оторопев, я остановился, затем, подняв к небу посох, постарался издать ленивый, но свирепый медвежий рык, угрожающе сообщая братьям своим меньшим, что на самом деле я страшный зверь, и только с виду кажусь белым и пушистым. Неожиданно откуда-то сбоку появился, видимо, отошедший от стада одинокий як, который, развевая лохматый хвост, на огромной скорости мчался налево. Он летел сломя голову так, что показалось мне, будто скачет какое-то другое животное, например, лошадь неизвестной породы. Стадо яков во главе с вожаком устремилось за ошалевшим одиночкой, а я, начисто забыв о том, что голодаю, и сбросив с плеч этак лет двадцать, подобно трусливому зайцу рванул теперь без тропы вправо. Так и разбежались мы: животные, достигнув левого края широкой Сергезинской седловины, замерли и, сгрудившись у каменистого склона, повернулись ко мне мордами, хмуро наблюдая мою ретираду, а я прыг-скок вперёд и вниз через правый край седла... В безопасности почувствовал я себя лишь после того, как животные пропали из виду за перегибом.

Между прочим, походная пора – очень удобное время для молитвы: идёшь по тайге и читаешь про себя «Отче наш», а на душе легко и спокойно. Разумеется, когда не возникает пожарных ситуаций, а в противном случае: «Господи, благослови!» – и надо пожар тушить поскорее, а не молиться. Насчёт пожара – это, конечно, аллегория.

Так вот, удрав от яков и прочитав «Отче наш», вспомнил я 1998 год и, прямо скажем, неординарную ситуацию, которая возникла в одном из тогдашних июльских походов. Шагали мы, девять человек, по урочищу Сарысаз от ближних пещер, что в верховьях Кара-Кокши к Айрыкскому перевалу, чтобы на одной из граничащих с лесом стоянок встать на ночёвку. Слева от нас безрадостно зеленели обширные, но несерьёзные болота, а справа возвышался отрог, называемый туристами Чёртовой грядой. Такое название связано со скалами на скотопрогонном перевале. Ни дать ни взять, торчат на пологой седловине каменные пальцы, один из которых, видимо, указательный, с кривым ногтем, угрожающе полусогнут, и кажется, что услышишь ты сейчас хрипловатый голос Милляра в роли Водяного-царя из детского фильма «Варвара краса – длинная коса»:

– Да-а-алжб-ок!!!

Вот напротив той седловины и приостановились мы, озадачившись. Дело в том, что всё пространство впереди нас было заполнено... пасущимися быками и коровами. По тропе и ниже тропы, а больше всего справа от нас наверху по склону паслось невероятное количество коров разных мастей. Никогда в жизни я не видывал такого полчища этих священных для Индии животных! Сколько же их здесь – не сосчитать!

– Что делать-то будем? – пробормотал один из участников.

– Пойдём спокойно по тропе, да и всё! – легкомысленно решил я, – это ведь коровы, а не медведи.

Так и поступили. Тихо шествуем по донельзя разбитой копытами тропе, пеструшки пасутся, не обращая на нас внимания и даже не уступая нам дорогу. Мы их вежливо обходим. Но тут происходит непредвиденное: мирных животных наверху что-то напугало, и они кэ-ак шарахнутся всем гуртом наискосок вниз, ближе к нам. Тут одна наша юная участница кэ-ак заорёт с перепугу! И, только что бывшие безмятежными, коровы буквально взбеленились: наверное, дикие звери им померещились в непосредственной близости, а может, так оно и было. Отчаянно мыча нестройным хором, стадо буквально покатилося с горы прямо на группу туристов всей своей тысячеголовой массой.

В первый момент я обомлел: почудилось мне, что фильм ужасов смотрю. Да и некоторый опыт встреч с большими стадами у меня имелся, а потому, заорав во всё горло диким голосом всякие ругательства, одним из которых было слово «цилле», рванул я навстречу несущемуся на нас стаду, при этом яростно размахивая палкой и зверски рыча. Собственно, других вариантов поведения у меня и не было. И надо же! Остановились животные, хотя и не сразу. Часть коров обогнула меня, а те, что бежали прямо на орущего, яростно скачущего с рюкзаком человека, затормозив, застопорились. Парадокс! Я же их пугал, а в результате вроде малость успокоил. Вот что значит «клином вышибают».

В итоге оказался я зажатым со всех сторон, как в тисках, перепуганными животными, ни одно из которых, правда, не пыталось меня боднуть. Не до того им, наверное, было! Прямо передо мной маячило около десятка поднятых кверху коровьих голов с непомерно расширенными, наполненными диким ужасом глазищами. Вот такой казус!

До спасительной полосы леса оставалось метров сто, но дышать-то было уже нечем! Схватив правой рукой первый попавшийся под руку рог какой-то коровы, резко дёрнул его в сторону, левым кулаком залепил животному по морде чуть ниже глаза, зло хрипя при этом: «Пошла вон, скотина!». Схватил тут же другой рог, да вдруг ощутил, что спина моя плотно прижата к чьей-то спине. Это был рванувший следом за мной шестнадцатилетний Вовчик Сидоров, тот самый, с которым вчера на одной машине выехали мы на маршрут. А тогда, в 1998 году, еле-еле продравшись через живую стену до опушки леса, облегчённо мы с ним вздохнули. До чего же дурная гибель могла приключиться! Под копытами коров! Такое, пожалуй, лишь в фантазиях Хичкока возможно.

Ретировавшиеся едва ли не до горизонта остальные участники путешествия в течение часа добирались до нас снизу от болот по безопасной лесной полосе. Однако к стоянке мы всё же пришли засветло. Да, такие случаи крепко запоминаются! Через восемь лет спросил я у Володи, что он тогда ощущал, когда бежал навстречу взбесившемуся стаду. Оказывается, перепуган был он крайне! Настолько, что и представить трудно.

Но вот второй парадокс: кажется, человек смертельно напуган, но бежит почему-то не от опасности, а прямо на неё! В лоб! Буквально на таран идёт, давая тем самым возможность остальным уйти в безопасное место. Вы спросите, как такое возможно? А я вам отвечу. Может, не поверите, но это тоже подсознательный опыт. Сызмальства по тайге с отцом ходил парень, вот и выработались рефлексы, которые никогда не понять любителям пляжного отдыха.

А сегодня я вот на втором дыхании от яков драпанул. Да ещё как резво! Неужто они набросились бы на человека? Что-то не слыхивал я о подобных инцидентах. Наверняка знаю одно: напугать они могут кого угодно, но то ведь в целях самозащиты... Хотя, с другой стороны, кто их, дикарей, знает?

Вот так, то вспоминая о прошлых приключениях, то философствуя, добрёл я к двум часам дня до самой верхней стоянки на реке Сергезю. Над крутым склоном у границы леса выложено в форме камина кострище, имеется небольшой пятачок для палатки да журчит вода в правом истоке реки, где так мелко, что без кружки не обойтись. Однажды в голодном походе поднялись мы сюда вдвоём с Косаревым на ночёвку и уже поставили палатку, но вдруг началась такая гроза, что из соображений безопасности спешно снялись, да снова вниз под крутяк свалились, на пастушью стоянку. На второй день с утра пришлось нам повторно по той круче лезть. Ну, а сейчас, голодая в одиночку, расстелил я на пятачке свою куртку, развалился на ней да и прикорнул бла-

женно. Одно лишь неудобство тут имелось: площадка наклонная, сползал всё время вниз, пока в камин пятками не упёрся.

Отдохнув около часа, поднялся и, с удовлетворением отметив, что погода установилась самая что ни на есть расчудесная, двинул вниз, решив заночевать километрах в двух от впадения Сергезю в Кубу. Было у меня там на примете местечко симпатичное в стороне от тропы. Пошагал я по верхней, наиболее сухой тропе, но оказалось, что группа, прошедшая здесь до меня, шибко по ней плутала, потому что заросла та тропа основательно. Я и повторил все зигзаги и выкрутасы прошедших несколько дней назад туристов, испытывая при этом некоторый зоологический интерес и не уходя до времени на тропу нижнюю.

К намеченному биваку пришёл рано, в седьмом часу вечера, но идти дальше сегодня было нецелесообразно. Ещё позапрошлой весной перешедшая в наступление Куба начисто смыла лесовозную дорогу от устья Сергезю и ниже, а перелазить через образовавшиеся запруды и завалы на ночь глядя что-то не хотелось. Поэтому снял я с себя все одежды да искупался. Нырнуть в полной мере, правда, не удалось, мелковата здесь Сергезю. Однако лёг в русло сначала на спину, потом на живот да голову окунул до дна. Хороша водичка, дюже холодна она здесь! Усталость походного дня после купания мигом улетучилась.

Почистив зубы, спокойно установил палатку, расстелил спальный мешок да и полез в него. И тут так свело мне правую икроножную мышцу, что, стиснув зубы, еле выполз обратно. Попрыгал босиком по траве. Отпустило, хотя и не сразу. Назад в спальник залезал с великой осторожностью, опасаясь повторения ситуации. Сразу же потянуло в сон, но при первых признаках дрёмы, как и в прошлую ночь, испытал сильный озноб. Снова поднялась температура, во рту язык – и тот пересох. Бутылка с водой лежала рядом, и, хлебнув глоток из неё, достал я из-под головы старенький анорак и утеплился.

Продремав до темноты, был разбужен чьим-то странным воем. Сон тут же как рукой сняло. Приподнявшись и затаив дыхание, я внимательно прислушался, но это были не волки. У волков голоса другие, их вой не раз доводилось слушать ночью у нижнего Буюкского озера. Но тогда было нас на менее семи человек и вблизи углился недопотушенный костёр.

«Да, огнище бы сейчас не помешало», – размышляю я, и тут странные, похожие на шакальи крики раздаются совсем близко. Не выдержав, расстёгиваю замок палатки и, высунув голову наружу, свирепо рявкаю:

– А ну, иди сюда! Познакомиться хочу!

С верхушки кедра срывается какая-то огромная птица и, злобно гавкнув, улетаёт вверх по ночному распадку. Филин, что ли? Вот собака! Поспать не даёт. Озноб почему-то сменяется ощущением жары, но раздеваться не хочу, жар костей не ломит. Уснуть быстро не удалось. Слышу, вот рядом с палаткой

кто-то прошёл, громко сломав ветку кедра. Я снова подскочил. А! Ну, это, наверное, косуля. Ну что за нелюди эти звери, сами не спят и другим не дают! Прочитав «Отче наш», окончательно успокаиваюсь и засыпаю. Если бы не жажда, то спал бы без перерыва до утра, а так пришлось раз семь за ночь прикладываться к бутылке.

Под утро приснился мне одноклассник Слава Хомутов, организующий встречу выпускников нашего 10А. Он выглядит немного усталым, но радостным.

– Ты представляешь, Борь, почти всех наших удалось собрать! – оживленно сообщает он. На журнальном столике уже лежат фрукты в большой стеклянной вазе, рядом стоят две бутылки, на зелёных этикетках которых жирным белым шрифтом выведено: «Наливайка».

– Ой, Славка! – бормочу я растерянно. – Ты понимаешь, какое дело, я вот из похода ещё не вернулся... Но я постараюсь быстро... вы начинайте без меня... Вот приду, моментально переоденусь и сразу – к вам!

Выспался я опять неплохо! В семь утра, искупавшись на вчерашнем месте, засобирился в путь. До Эрлагола оставалось двадцать четыре километра. Спустившись по тропе до Кубы, внимательно оглядел местность. ГАЗ-66 здесь идёт прямо по руслу речного рукава, и лучшего пути что-то пока не просматривается. Пройдя около получаса по колёну в воде, я свернул влево, но тут же попал в бурелом. Совершив несколько зигзагов, снова вышел на водяную колею. Когда же надоело идти по набирающим силу струям и я снова ушёл влево, то обнаружил, что невредимый участок старой лесовозной дороги уже давно идёт параллельно моему пути.

Дойдя до устья Муехты, удивился, как много времени затратил я по бездорожью на какие-то несчастные три километра. Утешало, правда, то обстоятельство, что ниже дорога находится в более или менее нормальном состоянии и особых бродов больше не предвидится. Между прочим, позавчера, поднимаясь по Имурте, намесил я столько глины, что мои густо перепачканные старые спортивные брюки впору было выбрасывать, теперь же от ходьбы по руслу речного рукава они стали идеально чистыми, как и армейские ботинки на ногах.

Следующий километр, до устья Имурты, с которого начинал я два дня назад активную часть маршрута, показался мне за два. «Обеденный» перерыв наметил я на большой поляне вплотную к Кубе напротив устья реки Верхний Каратурук, где не раз ночевал с группами. Идти становилось всё тяжелее, левая рука продолжала отекать и в кисти вздулась подушечкой на тыльной стороне. Однако ныл только локоть, причём не сильно, хотя и нудно. Вообще же ходьба по хорошо знакомой, много раз исхоженной разбитой лесовозной дороге представлялось мне удовольствием ниже среднего. Было ощущение, что до обеденной стоянки я еле дотащился, а впереди ещё оставалось четырнадцать

километров! Может, по вечерней прохладе пойдётся легче, а то впору от жажды с бутылкой воды в руке топать. Но в руке-то у меня старый ивовый посох, срезанный четыре года назад и в конце каждого сезона аккуратно сдаваемый на склад вместе с прочим снаряжением.

Наконец-то появился поворот на долгожданную поляну у реки, где самодельный столик виднеется, скамейка рядом да примитивная жердевая сушилка для одежды. А жара стоит безобразная, градусов под тридцать шесть! Конечно же, все шмотки под солнцем сейчас прожарю. Но первым делом с великой радостью нырну в Кубу с головой, искупаюсь, наконец, как следует!

Отдыхал я здесь не менее двух часов, высушив до хруста и спальный мешок, и палатку, и всю одежду. Не догадался лишь развернуть аптечку, в которой пролился хлоргексидин. Это безобразие обнаружил позже, когда набрал, промыл и размял несколько листьев подорожника для того, чтобы приклеить их к огромной тёмно-красной шишке на левом локте. К счастью, мотковый лейкопластырь уцелел... Кстати, от подорожника сразу же полегчало.

Оставшийся до спортлагеря путь можно было условно поделить пополам: через семь километров дорога проходит через последний по пути мост через Кубу. В трёх же километрах от нынешней стоянки – ещё один мост, что в одиннадцати километрах от базы. И вот, расстояние от бивака до того моста показалось мне раз в пять короче, чем от него до моста последнего, ближнего к «Эрлаголу», хотя разница в расстояниях там не больше километра. Это на третьи сутки голодания проявляет себя ещё одно обстоятельство: близость окончания похода невольно демобилизует весь организм...

Но вот появился последний на моей стезе мост. Отсюда оставшийся отрезок пути можно снова разделить пополам. Серединой будет то место, где в Кубу впадает река Арета, в верховьях которой маралий заповедник раскинулся. Но что я вижу через километр! Шикарнейшая стоянка: аккуратная, идеально ровная площадка, поленица дров для костра, да ещё и небольшая лагуна для купания с видом на живописные скалы в начинающихся сумерках. Остановившись, я отдыхал здесь минут пять, а потом понял: чтобы пройти ещё шесть километров до лагеря, физических сил почти нет, это так. Но для того чтобы ставить здесь палатку и ночевать на этой чудесной стоянке, моральных сил нет вовсе! От определённости сразу полегчало, а тут ещё и вечерней прохладой потянуло, пошагалось бодрее.

Напротив впадения в Кубу реки Ареты в кустах стоит похожий на гигантскую жёлтую жабу внедорожник «хаммер», рядом парень, хозяин автомобиля, на вечернее небо глядит, а потом меня увидел:

- Здравствуйте, Вы откуда?
- Из «Эрлагола», НГТУ–НЭТИ, инструктор...
- А-а-а, был я там в девяносто пятом году... дикарём.
- Вы знаете, а я работал там в это время.

– Да, да припоминаю.

Стал он мне что-то рассказывать, и почувствовал я, что молодому человеку просто хочется поговорить, а я его от усталости перестаю воспринимать, к тому же ползти мне ещё да ползти до дому, наверное, не менее полутора часов. Извинившись, сообщил собеседнику, что нет у меня уже времени на разговоры, дескать, ждут меня, да и побрёл дальше. Бодрость куда-то улетучилась, но утешала мысль, что по такой дороге можно и в ночь идти, как бывало не раз.

Следующая метка по пути – это гора над «Эрлаголом» – пик Дураков, вид сзади, а дальше – задворки кемпинга, растянувшегося вдоль Кубы на добрый километр. Наконец, проглядывает и развилка у Чемальского мостика, о чём говорит автомобиль, медленно проплывающий далеко впереди справа налево. Так ведь до развилки той ещё дойти надо!

«Доползу, доползу, всё равно доползу...» – вспоминается школьный анекдот про неудачную оперу, в которой дальше идёт назойливое: «Гангрена, гангрена! Ему отрежут ногу!»

– Ну, да! Щаз-з! – опровергаю я внутренний голос.

Вот и эрлагольские ворота у Чемальского моста! Так ведь ещё и через весь лагерь надо проташиться... Распрямляю плечи и, как мне кажется, достаточно твёрдой походкой, не суетясь, захожу на территорию «Эрлагола». Уже заметно стемнело, надеюсь пройти незамеченным и вдруг слышу голос моего старого коллеги Николая Григорьевича Нестеренко:

– Гляжу, поднимается медленно в гору...

– Вскормлённый в неволе орёл молодой, – продолжаю тему, не узнавая собственный голос, больше похожий на карканье полудохлой вороны.

«Орёл, ворона... а скворец на базу прибыл наконец!» – ни к селу ни к городу приходит мне в голову дурацкое двустушие, когда, подойдя к своему домику, с величайшей радостью сбрасываю опостылевший рюкзак и падаю на верандную пристенную скамейку.

– Боря! – слышу радостный голос. – Надень снова рюкзак, мы тебя фотографируем!

Подскочив, с предпоследней каплей адреналина лихо набрасываю рюкзак и оскаливаю в голливудской улыбке шестьдесят четыре зуба вместо тридцати двух!

На выход из голодания хватило половинки банана и половинки апельсина, из которых мне жена фруктовый салат сготовила, пока Марина Григорьевна, супруга Нестеренко, нахмутив брови и весьма озадаченно покачивая головой, обрабатывала в течение получаса мою больную руку. А вот случайно оказавшаяся в доме добрая кружка красного сухого вина была принята моим организмом с величайшей благодарностью.

– Ты теперь из голодания выходишь алкоголем! – ехидно резюмирует моя благоверная, выливая, однако, остатки живительной влаги в мой стакан.

– Такое пил даже Иисус Христос! – еле слышно возражаю я, с наслаждением кутаясь в тёплое одеяло, а сам размышляю: «Я сделал это! Но поход придётся повторить, потому что эксперимент не был чистым... Этот локоть... вот зараза... Но вообще-то... оно, конечно... ходить по тайге в одиночку, это... знаете ли... не совсем правильно, а вот голодать можно... и даже нужно... на даче... в межсезонье... никто не помешает...»

Засыпая, бормочу супруге:

– Ира, спокойной ночи. Ангела-хранителя тебе. Дети-то где? Бегают, что ли, по сумраку... хватит им... всё уже... спать пора.

Наутро просыпаюсь с мыслью: «А хорошо бы вот так на природе поголодать дней десять-двенадцать! Без суеты».

Новосибирск, 2007 г.

Послепоходное утро

ЧП в походе

Группа Александра Чехонадских выехала на маршрут первой. Мы же спокойно позавтракали, скорректировали рюкзаки, перераспределив провиант, которого, как выяснилось позже, взяли с избытком, и, спрятавшись от дождя в холле столовой, дождались машины, вернувшейся через два часа после отъезда со старой, донельзя разбитой лесовозной дороги, проложенной более полувека назад по долине Кубы.

Отъехав от Эрлагола около пятнадцати километров, на что потребовался добрый час, и выгрузившись из старенького УАЗика, мы перешли полуразрушенный мост через Кубу и двинулись всё той же дорогой к устью Имурты, впадающей в Кубу ещё через три километра. Это многократно повторенное начало наших маршрутов было простым и никогда не сулило сюрпризов. Но только не в этом году! Уже через километр нас остановила водная преграда. Да ещё какая! Река Куба разлилась до совершенно невероятных размеров, и образовавшийся мощный рукав, сравнимый с основным руслом в его обычном состоянии, смыл дорогу, преградил нам путь. Пришлось искать место для брода, который прошедший здесь два часа назад со своей группой изрядно замёрзший и промокший по пояс А.Ч. позже назовёт «пренеприятнейшим».

Взяв с собой двух участников и выбрав чуть повыше по течению более или менее подходящее место, попытался перейти с ними Кубу «тройкой». Это означало, что, встав стенкой и крепко ухватившись за лямки рюкзаков друг друга, мы должны одновременно пересекать реку. Течение при этом бьёт не по каждому участнику в отдельности, а сразу по всем, в «торец» живой стенки, где идёт самый массивный участник тройки. Однако сходу пройти нам не удалось – новички чувствовали себя настолько неуверенно, что стенка просто не выстраивалась.

И тут пришло неожиданное решение. Уже сутки на берегу Кубы загорала группа барнаульцев, которая накануне безуспешно пыталась обойти опасный участок склонами. Ребята предложили объединить усилия по налаживанию переправы из брёвен. Убедительными были два довода: во-первых, после нас и другие здесь спокойно пройдут, а во-вторых, в их группе были дети.

Своеобразный мост из берёзовых и сосновых стволов был сооружён в самом узком месте, где струя воды была с такой силой, что, казалось, катила по дну камни. На «строительство» ушло около двух часов, после чего барнаульцы

пошли снимать свой лагерь, а мы двинулись дальше. Чтобы пройти к Имурте, рукав нужно было пересечь где-то вторично, а кроме того, оказалось, что лесовозная дорога через несколько сот метров сплошь залита водой. Когда ледяная вода достигла колен, а течение уже явно пыталось отправить всех нас в обратную сторону, необходимо было срочно принимать решение.

Переправа

До этого кто-то из барнаульцев обмолвился о конниках, которые в районе треугольной скалы сворачивали влево. Я внимательно приглядывался к местности, но не обнаруживал никаких признаков скальных пород, однако по какому-то наитию всё же повёл группу наперерез к склону. В затопленном лесу встречное течение было послабее, и мы осторожно пересекли рукав, продвигаясь от ствола к стволу. Вскарабкавшись по заросшему мелким кустарником откосу, вскоре выскочили на прилавок, где и в самом деле обнаружилась свежая конная тропа, выведшая нас к свободному от воды участку лесовозной дороги рядом с устьем Имурты, у которого встали на поздний обед.

Уровень воды в Имурте против ожидания оказался не выше обычного, и в шестом часу вечера мы спокойно возобновили движение по этому урочищу, рассчитывая ориентироваться на световое время и наличие хорошего места для ночлега. На ближайшей из таких стоянок встретили группу А.Ч., который уже расположился лагерем на ночёвку. Он сообщил, что из соображений техники безопасности отказался от дальнейшего запланированного продвижения вдоль Кубы. «А вы-то как сюда попали?» – услышал я удивлённый вопрос. Оказалось, его группа, не найдя прохода берегом Кубы, перевалила на Имурту через гребень.

А. Чехонадских и Б. Скворцов

Солнце клонилось к горизонту, мы шли и шли, но хорошей площадки всё не попадалось. Лишь в десятом часу вечера, пройдя девятнадцать имуртинских бродов, выскочили на старую стоянку с заросшим травой кострищем. Стоянка как стоянка, только уклон для палаток был великоват, но выбирать уже не приходилось. Несмотря на серьёзную усталость первого походного дня, всем было рекомендовано осмотреться на предмет клещей. Поужинав супчиком из картофеля с тушёнкой, легли спать, не подозревая, какой сюрприз готовит нам следующий день.

Утро началось с процедуры извлечения впившихся в Юлю клещей. За многие годы походов я наловчился извлекать этих паразитов из самых различных частей тела пострадавшего так, что порой и врач спортлагеря отправлял укушенных отдыхающих сначала ко мне, а уж потом осматривал их сам. В походе же по согласованию с медиками место укуса сначала легонько прижигается только что погашенной спичкой, а затем зелёнкой (разумеется, если этот участок тела не относится к разряду слишком нежных). Считается, что такая защита вполне достаточна. Ну, тут Юле повезло, ибо ноги и спина – не самые мудрёные места для вышеупомянутых манипуляций. А вот желание остаться здоровой у девушки было так велико, что каждый очередной ожог

она не только встречала не дрогнув, но и твёрдым голосом Зои Космодемьянской неизменно просила: «Дядя Боря, прижгите это место ещё раз и, пожалуйста, посильнее!».

Затем последовал завтрак из вкуснейшей пшённой каши с сухофруктами, которую сварила Зина, крепко заваренного ароматного чая с конфетами – и в путь. Тропа постепенно отходит от реки, пока не оказывается на самом верху широкого плоского водораздела. Здесь она поднимается настолько постепенно, что кажется, добрых три-четыре километра ты вообще шпаришь по ровному полю. Кое-где, огибая валежник, тропа слегка приспускается в противоположную сторону водораздела, и бывало, что сбитые с толку путешественники уходили в этом месте с тропы поближе к реке, часами преодолевая здесь жуткий бурелом.

Однако куда любопытнее обстоят дела, когда группы туристов проходят здесь в противоположную сторону. Спускаясь к Кубе, не обратив внимание на неприметную развилку, туристы нисходят к притокам реки Элекмонар, и в результате потом пилят вниз аж до самой Катуня, чтобы её берегом пройти к райцентру Чемал, а затем вернуться в Эрлагол с обратной стороны. Да не только новички! Подобных случаев на моей памяти наберётся, пожалуй, не один десяток. И со мной однажды подобное произошло: в марте по целиковому снегу на лыжах свалился я по ошибке в приток Элекмонара реку Каракол, а потом пришлось переваливать назад в Кубу ниже по течению.

Иногда вместо Имурты группы ошибочно спускаются по соседнему притоку Кубы – труднопроходимой Муехте, пробираясь по ней до двух суток. Доходило и до паники. После одного из таких случаев мы с коллегами по инструкторской работе решили разобраться, в чём тут дело, и специально прошли по этому загадочному урочищу и вверх, и вниз, убедившись, что ничего особо военного там вообще-то нет. Наблюдается полное отсутствие троп, обилие зверья, бурелом, скрытые густой высоченной травой каменные ямы. Но зато как прекрасен живописный трёхкаскадный водопад в верховьях Муехты! Главное – продвигаться тут следует, несмотря ни на какие препятствия, как можно ближе к руслу реки...

Здесь, в верховьях, сразу нескольких рек наблюдается, я бы сказал, парадоксальное понижение местности, а сам участок большей частью лесистый. Бывает сложно разобрать, в какую сторону следует идти. Вдобавок в этом районе Алтая порой происходят и вовсе необъяснимые, аномальные явления.

Вот один из примеров, приведённых мною в рассказе «Поющий ручей»:

«— Это что ещё за чудеса природы? – воскликнул я, оглядевшись вокруг.

– В прошлый раз ничего такого не было! – удивился Сергей открывшемуся виду.

Вся местность была изборождена строго параллельными, уходящими от горизонта к горизонту, полосами. Наклонившись, Илья внимательно осмотрел небольшой камень, в который упиралась борозда. Никаких царапин, сколов на камне не обнаруживалось. Борозды прерывались редкими деревьями, валунами, валежинами, ямами, но неизменно возобновлялись за ними».

Шёл 2003 год. Странные борозды сохранялись и следующим летом. Затем исчезли, будто их не было вовсе.

Так вот именно в этих местах на второй день нашего похода и произошло переполошившее всех событие. Но сначала – немного о группе. Четыре девочки и четыре мальчика, соответственно – две палатки. Восемнадцатилетние Юлия Власова, моя дочь Лена с подругой Аней Фёдоровой и постарше их преподавательница Зина Родионова. Крепкие двадцатилетние парни Олег Пелипасов и Пётр Майнагашев. Самый увесистый я, пятидесяти одного года отроду, и наконец, опытнейший турист, в прошлом альпинист – покоритель многих вершин Памира и Кавказа, стройный как юноша восьмидесятитрёхлетний Георгий Георгиевич Матушкин.

С Георгиевичем в походах мы в какие только переделки не попадали! И в безбрежное море жуткого бурелома раз угодили, еле выбрались.

Чем выше мы поднимались, тем бурелома становилось всё больше и больше, всё гуще и заковыристей. Сваленные ветром деревья нагромождены как попало друг на друге, то и дело образуя своеобразные замкнутые колодцы неправильной формы, в целом напоминающие одну большую сетчатую западню. Стволы замшелые, скользкие, с острыми гнилыми сучками. Угодив в один из таких колодцев, я обнаружил на себе вписавшегося клеща. «Саша, кидай гайку...» – пробормотал я, вспомнив сталкера братьев Стругацких.

– Какую... гайку? – услышал я откуда-то снизу сдавленный голос Александра Эдуардовича Каспера, безуспешно пытавшегося протиснуться ко мне под лысым стволом, утыканным массой длинных голых веток.

– Вот это да! – прозвучал рядом восторженный голос Георгиевича, а затем из гущи бурелома показалась его голова, которая, повернувшись направо и налево, сообщила, что поползёт дальше по низу, так как иначе не проходит рюкзак. Затем мне пришлось забраться на скользкий до безобразия ствол, лежащий на других деревьях, и балансируя, пройти метров шесть по нему. До земли было метра три с поло-

виной, так что спуск на землю между всякого рода острых торчков, норовивших разодрать одежду и тело, граничил с какой-то невероятной, но неизбежной эквилибристикой.

Молния на спуске с горы в тридцати метрах впереди нас в дерево ударяла, а однажды на хребте Куминские белки и сами попали в центр грозовой тучи, испытав все прелести того, как молнии непрерывно бьют в радиусе нескольких десятков метров от нас, и ещё неизвестно куда попадёт следующая...

...Сверкнувшая молния прервала мои размышления. Через некоторое время раздалось зверское «Трах-тарарах!!!» на фоне непрекращающейся канонады. Спустя несколько минут снова вспышка и снова «Трах-тарарах!!!» – ещё громче. И пошло-поехало! Сквозь непрерывный гул – молния, затем грохот, снова молния, опять грохот... А интервалы между вспышками и гроыханием всё меньше и меньше... И тут общее молчание нарушил доктор Смелягин:

– Скорость звука – триста сорок метров в секунду, – сообщил Анатолий Игоревич. – Сейчас мы определим расстояние до места удара молнии, – добавил он, обнажая на левом запястье массивные, времён Брежнева, часы.

Глядя на циферблат, профессор поднял правую руку и при очередной вспышке молнии взмахнул ею, словно подавал команду «на старт». Тотчас раздался ужасный грохот, затряслась земля и заложило уши. Все невольно втянули головы в плечи.

«Громоотвод сработал, однако...» – сообразил я, глядя на изумлённого учёного и отчаянно пробивая мизинцем слышимость в правом ухе. В этот момент небо снова вспыхнуло и всё слилось в жутком грохоте, как будто земля раскололась на части. Всем стало ясно: мы находимся в центре грозовой тучи.

Лена с детства ходит в походы. Уже в двенадцатилетнем возрасте сходила в десятидневку, причём не с папой родным, а с молодым, куда более жёстким инструктором. С Аней Лена знакома с детского сада, вместе окончили школу. Ездили девочки на Алтай с Аниным папой на автомобиле, а теперь вот у меня появилась возможность взять подружек в более серьёзное путешествие. Аня прошла поход достаточно легко и, как мне кажется, с удовольствием. Юле повезло меньше других. Во время путешествия она единственная из всех «ловила» клещей, причём трижды, и с рюкзаком ей тяжело было идти по горам. Но она не жаловалась, не отставала от остальных и, я думаю, снова захочет путешествовать. Конечно, Юля молодец, свой первый серьёзный поход она прошла вполне достойно! Тренированная преподаватель Зина соблюдала почти незаметную преподавательскую дистанцию в общении со студентами и

была им старшим товарищем. Олег и Пётр в походе новички, но из разряда тех, которые очень быстро перестают быть новичками, всё на лету схватывают, инициативны, выносливы и всегда готовы прийти на помощь другим.

Одна особенность нашей группы. Традиционно парни спят по краям палатки, а девушки в центре, там теплее. Но наши суровые барышни решили: ничего подобного, у нас своя палатка, а у вас – мужиков – своя. Ладно, согласился я, пусть будет так, ведь никогда не поздно эту ситуацию изменить, как нет предела совершенству... Мне казалось, что уж после ночёвки у Буюкских озёр, где ночи, как правило, холоднющие, мнение у девчонок изменится. Да ничего подобного!

...В первую половину дня периодически начинался дождь, который ментально прекращался, как только мы доставали накидки. Эти упражнения скоро надоели, и в какой-то момент все стали просто игнорировать такое непостоянство погоды. Как обычно, я продвигался первым, а Георгиевич – замыкающим. Широченная болотистая конная тропа, возмутительно расквашенная множеством копыт, была настолько явной, что случайно сойти с неё казалось невозможно. Находясь в километре от стоянки «У трёх медведей», имевшей явное сходство с одной из картин Шишкина, спросил, все ли идут. Все были в пределах видимости.

Спокойно двинулись вперёд. У кострища сбросили рюкзаки, развели костёр, время шло, а Георгиевич всё не появлялся.

Нештатная ситуация – участник не дошёл до стоянки.

Ну, довольно! Достал из рюкзака аптечку, нож, надел тёплую куртку.

– Папа, а ты не волнуешься за Георгия Георгиевича? – услышал я голос дочери.

– Значит, так: готовьте обед, ставьте палатки. Ночевать будем здесь. Пока не найду Георгиевича, не вернусь! – отозвался я. На поляне в это время находилась уже и группа Александра Чехонадских.

Ускоренным шагом, налегке отправился по тропе в обратную сторону, и тут заморосил частый дождь. Вот досада, а я даже накидку не прихватил! Дорога представляла собой сплошную череду выбитых копытами и наполненных водой вытянутых поперёк пути ямок, переходящих время от времени в сплошные болотистые оконца. То одна, то другая нога вязли на таких участках по колено. Опытнейший участник Георгий Георгиевич, конечно, мог оступиться, повредить ногу. Но дело в том, что замыкающий шагает так, чтобы видеть хотя бы одного из впереди идущих, и в случае чего немедленно подаёт голос...

Пробежав приличное расстояние, я несколько раз громко крикнул: «Ха-а!» (Так мы перекликаемся в тайге, чтобы не потеряться.) Докричался до хрипоты, а в ответ – ни звука. Побежал дальше по тропе. Но что это! До боли знакомый, усыпанный иголочками уютный пятачок под сенью древних пихт. Так ведь здесь же мы отдыхали все вместе! С Георгиевичем!!! Куда же он делся?

А вот этого ещё не хватало! Медвежьи следы чётко прорисовывались по верх наших, следовательно, топтыгин совсем недавно пробежал впереди меня! «Но мне нужен вовсе не ты, приятель, – мелькнула отчего-то весёлая мысль. – Беги своей дорогой, пока на Матушкина не нарвался!» Дело в том, что медведи, как правило, панически боятся людей, и когда рядом нет медвежат, при случайной встрече с человеком дают дёру. И всё же беспокойства косолапый мне добавил. «И никакой ты не медведь, – с досадой вспомнил я бородатый анекдот. – Ты козёл!»

«Ха-а!» – ору во всё горло, побивая все собственные рекорды по децибелам. Раз, второй, третий... Безрезультатно. Так что же всё-таки произошло? Замыкающий ушёл куда-то в сторону? Проскочил мимо стоянки? Да не может такого быть! Надо остановиться, помолиться и спокойно подумать.

Попали мы однажды в однодневном походе с Георгиевичем и ещё одним бывалым туристом Юрой Ярославцевым, казалось, в безвыходную ситуацию. В поздних сумерках в условиях почти нулевой видимости втроем по ошибке свалились в противоположную от лагеря сторону хребта к устью реки Четкыр. У каждого изо рта, как зимой, шёл пар, сил практически не оставалось, ходьба уже нисколько не грела, а о костре не приходилось и мечтать – всё вокруг было залито студёной водой.

Дождь безжалостно вонзал в нас свои ледяные иголки, а мы с Юрой лишь растерянно осматривались по сторонам – через полчаса наступит злая кромешная темень, а у нас ни палатки, ни спальников! Мы поджидали Георгиевича, который чуток приотстал, и растеряно глядели на разбитую лесовозную дорогу. Но откуда взяться здесь попутной машине, да ещё в такую пору!

Привычно прочитав про себя «Отче наш», закончил словами Иисусовой молитвы: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного и благослови наше благополучное возвращение...» И, подняв голову, обмлел – помощь пришла мгновенно. Из того самого распада, по которому шли последние часы, выкатился грязно-зелёный, старенький, переполненный подвыпившей молодёжью, УАЗик... В кустах он, что ли, стоял?! В машине уже нашёлся пяточок для Георгиевича, а теперь втиснулись и мы...

Встряхнувшись от воспоминаний и ещё раз помолившись, вновь стал кричать во всё горло: «Ха! Ха! Ха-а!» Ответа опять не последовало. Неужели, придётся возвращаться к стоянке и искать исчезнувшего участника в другом направлении? И тут мне почудился слабый крик, затем второй. Замер. Весь превратился в слух, и какие только звуки не различил! Даже что-то вроде

попискивания мелких грызунов. Но был ли человеческий отклик? Однако теперь, даже если и остаются сомнения, нужно идти именно туда... Тем временем на стоянке участники всерьёз начали волноваться, и А.Ч. отправился по моим следам...

Я продолжал мчаться вниз по тропе, всё более отдаляясь от костра и людей. Возникшая ситуация добавляла адреналина, усталость напрочь растворялась в струях усилившегося дождя, а время словно перестало существовать... Периодически кричал, но ответа не слышал. Так может, крик мне пригрезился, и надо идти обратно? Сколько уже я так пробежал!

Да зачем она нужна – красота этих синих гор и заснеженных вершин, эти перевалы и водопады вместе с пряным таёжным дурманом! Да зачем все эти походы и переходы с их романтикой и поэзией, если при этом пропадает человек! Перед таким элементарным фактом пропадает и весь смысл путешествий, а мир как в старом кино становится чёрно-серым!

Я продолжал мчаться вниз ужасно злой и на себя, и на все эти горы! Но в очередной раз помолившись перед «Ха!», и впрямь услышал человеческий крик, причём в этот раз куда более отчётливый. Рванув, как на финишной прямой, насколько позволяла дыхалка, вскоре увидел далеко впереди себя на опушке леса сгорбленную спину в старенькой штормовке с натянутым на голову капюшоном. Человек устало сидел на стволе поваленного дерева. Я замедлил шаг, успокаивая дыхание, и тихо подошёл вплотную. Георгиевич вскинул голову.

– О, это ты! – радостно воскликнул он звонким юношеским голосом, – Я в полной норме! Уже начал подумывать об одиночной ночёвке... Нет, я знал, что меня будут искать... Но представляешь, присел отдохнуть, а потом пошёл в обратную сторону! Сроду со мной такого не было!

Я перекрестился. Слава Богу! Заблудившийся Георгий Георгиевич и в самом деле был в полном порядке. А мне больше ничего не было нужно – я в этот момент почувствовал себя самым счастливым человеком!

Тем временем по тропе в нашу сторону сломя голову мчался обескураженный А.Ч., а наверху уже следующий участник собирался идти на поиски троих.

Уговорив Георгиевича отдать мне рюкзак, заодно взял и его штормовку, предоставив взамен свою просторную, ещё не успевшую окончательно промокнуть тёплую куртку. Медленно-медленно мы стронулись с места. Хлюпя болотной жижей и по колено увязая в ней, перепачканные глиной и грязью, слегка пошатываясь, неспешно пробирались наверх, где нас ждал уютный бивак, жаркий костёр. Вопиюще размызанная тропа шла по узкому извилистому коридору из старых замшелых сосен. Через некоторое время меж деревьев нарисовалась фигура человека. Это был Александр Чехонадских. Остановились на передышку. Выслушав рассказ Георгиевича о случившемся, он хотел

было забрать у меня его рюкзак, но я вместо этого попросил поскорее возвращаться на стоянку, чтобы успокоить находившихся там людей. Даже толком не передохнув, инструктор рванул назад по тропе, мгновенно растворившись в густой толще измороси.

Да, конечно, скрестись наверх – это не вниз бежать, тем более что напряжение по закону маятника сменялось откровенной расслабухой! Нескоро мы появились на поляне, когда раздался дружный вздох облегчения, а Зина сообщила, что все переволновались за нас основательно.

Попрощавшись, Александр двинулся со своей группой дальше, решив заночевать как можно ближе к границе леса. Нешуточно уставший Георгиевич, отказавшись от еды, прихлёбывал у костра мелкими глоточками сдобренный аскорбинкой чай, а я, неожиданно ощутив неслабый озноб, забрался в палатку и зарылся в тёплый спальный мешок. Впрочем, согреться и подремать мне не довелось. Сначала мимо палатки проскакал конник, разыскивающий своих напарников, а затем подошла на ночёвку группа уже знакомых барнаульцев. Так что спальник пришлось покинуть. У костра гости подали мне кружку с двумя «бульками» известной микстуры, а затем и гитару. С песнями у костра озноб быстро улетучился. Спустя два часа грянул дождь, окончательно загнавший всех в палатки спать до следующего утра.

Редкостная стоянка «У трёх медведей»! Вчера вечером перед дождём мы наблюдали необычный закат солнца, которое откуда-то снизу меж стволов старых кедров пробивалось жёлто-красными лучами, ежеминутно окрашивая ландшафт во всё новые тона. Ночью ещё раз прошумел дождь, но к утру небо полностью очистилось и появилась возможность просушить под ласковыми лучами солнышка палатки, спальные мешки и всё прочее, что успело промокнуть. В результате мы покинули стоянку с задержкой часа на полтора, пообедали у границы леса под скальными Замками.

После отдыха пересекли границу леса и допоздна пробирались горной тундрой. Насколько же легче было шагать здесь по сравнению с подъёмом по скользкой зыбучей конной тропе! Ане Фёдоровой даже показалось, что рюкзак её стал слишком лёгок и не мешало бы поскорее его догрузить! Впрочем, сей кураж быстро прошёл...

Первая передышка состоялась у скальных Замков, потом тропа повела нас сквозь карликовую берёзку да иву с можжевельником на Аккаинский перевал. Пройдя за вторые полдня солидный участок, где на высоте около двух тысяч метров уже никогда не растёт лес, к ночи спустились к его границе у истока реки Угул.

Заметно смеркалось, когда на крутом спуске тропа ушла под серый скользкий снег, который серьёзно затормозил наше передвижение. Похоже, мы снова догнали группу А.Ч. – дым от далёкого костра красиво курился впереди внизу. Мы же засветло едва успели на ближнюю площадку. Палатки

устанавливали в сгущающихся сумерках, а ужинали при свете костра, благо погода в этот раз не подводила.

Наутро выяснилось, что старенькая разбитая гитара, которую я нёс поверх рюкзака, приказала долго жить: гриф «с мясом» отвалился от лопнувшей банки, перемычка дала трещину, а струны лопнули. Недолго думая, то, что осталось от музыкального инструмента, прикрепили с помощью струн к стволу древнего кедра, и на фоне такой монументальной картины тут же сфотографировались. Двинувшись в путь, через десять минут убедились, что на следующей стоянке и в самом деле находятся наши спутники.

На пути к перевалу дважды пересекли верхние притоки реки Угул, потом вынырнули на узенькую тропу, вьющуюся змейкой меж невысоких деревьев к нужной нам седловине. Наверху А.Ч. нас догнал, и с полчаса обе группы стояли на перевале, любясь великолепной картиной Буюкских озёр. На спуске умудрились дружно сбиться с тропы и к озёрам прошли напролом. Нашей группе предстоял полудневный отдых у живописнейших озёр при отличной погоде.

Ближайшее озерко разлилось сразу за перегибом хребта, следующее маячило вдалеке под другим перевалом, ещё одно ютилось в камнях внизу справа. Два озера, обрамлённые дивными скалами, красовались внизу на дне чаши. В стороне выглядывало ещё одно крошечное озерко. А самое большое и живописное озеро приоткрылось позже, когда, преодолев обильно заросший карликовой березкой да ивой склон, мы спустились пониже.

В долине Буюкских озёр много прекрасных стоянок. Одна из них приютилась на живописной плосковерхой скале, отвесно ниспадающей в небольшое озеро. Туда и отправилась группа А.Ч. с тем, чтобы, пообедав, сегодня же двинуться в южном направлении к верховьям реки Ложя. Ну, а мы остановились на полуднёвку на шикарной стоянке под самим перевалом.

До ночи отдыхали, купались, загорали, а наутро, неспешно собравшись, двинулись к новому перевалу. Мощная тропа петляет у высокой каменной гряды мимо заснеженных цирков, живописных озёр и причудливых скал, а потом выходит за границу леса, пересекая кое-где небольшие снежные поля, неизменно вызывающие восторг у новичков. Медленно поднимаясь, дорога приводит к пологой седловине, за которой справа торчат скалы, похожие на гигантские скрюченные пальцы, один из которых, с кривым ногтем, угрожающе полусогнут. Потому и название у перевала нехорошее – Чёртов Палец. Сам же перевал прост, спуск с него в плоское болотистое урочище Сарысаз короток, а скотопрогонная тропа на нём – что столбовая дорога. Сарысаз встречает нас сказочным изобилием цветов: оранжевых, синих, жёлтых, и кое-где эти краски откровенно преобладают над зеленью. Спустившись, сворачиваем влево, наш сегодняшний путь – к Верхней Каракокшинской пещере.

Древняя пещера прячется под массивными скалами. Чтобы обнаружить вход в неё, надо сначала круто спуститься на дно сухого русла реки (чуть выше по которому вся вода меж камней уходит под землю). Потом надо также круто подняться к подножию скальных стен и там увидеть новый спуск, на этот раз – в подземелье... И тут ты попадаешь в обширный мрачный грот, похожий на исполинский подвал. В дальнем левом углу грота обнаруживается небольшой скрытый беглому взору лаз с причудливым каменным барьером, неглубоким колодцем за ним, а далее – узким коридором, ведущим в многочисленные подземные ответвления, камины, выходы к подземным озёрам.

Мы осмотрели все карманы грота, лаз, обильно залитый водой, и вволю нафотографировались на фоне угрюмых сумеречных сводов. Потом заглянули в соседний вход в пещеру, где вместо грота под землю сразу глубоко вниз ведёт наклонная яма. Внизу она круто сворачивает в новый подземный коридор, по которому можно пролезть около километра и выйти наружу через дальний верхний вход. Это и попытались проделать пришедшие сюда вслед за нами спелеологи, торжественно объявив: «Мы всегда здесь так лазим!» Однако, пробыв в подземелье более двух часов, незадачливые «дырколазы» со смущёнными лицами по одному выбирались в том же самом месте, где и начинали свой путь: оказывается, нынче под землёй непроход – вода льётся изо всех щелей...

У нас специального снаряжения для таких экспедиций не было, как и не было в нашей группе спелеолога. (Как-то раз в инструкторском отряде Эрлагола были в том числе спелеологи. И мы под руководством одного из них почти полдня не вылазили из-под земли, исследуя при свете фонариков коридоры, колодцы и всё прочее, включая ледово-известковые сталактиты и сталагмиты.)

Просто желающие с восторгом полезли в ту наклонную яму и таки дошли почти до поворота, несмотря на то что хотелось большего. Внезапно хлынувший дождь мы переждали в пещере. Пообедав, расположились на очередную полуднёвку, заранее поставив палатки и натаскав уйму дров, которые пришлось собирать в радиусе километра от палаток. Ну, а следующие два дня по плану предстояли основательно напряжёнными в ходовой части. Полные рабочие дни.

Наутро двинулись по границе леса вдоль каменной гряды к Айрыкскому перевалу. Погода испортилась окончательно, периодически моросил скучный, прямо-таки осенний дождь. С целью экономии времени по предложению Георгиевича обед сделали лёгким, без костра. Открыли рыбные консервы, зелёный горошек, кукурузу, достали сухари. А вместо чая в этот раз услаждались чистойшей талой водой.

Дождь преследовал нас и по каменистому подъёму на перевал. Он то и дело заслонял серой пеленой великолепную панораму Айрыкских озёр с экзоти-

ческим снежником над ними. Что ж, по крайней мере, не жарко карабкаться по камням до седловины! Наверху слегка разведрилось. Установив фотоаппарат на камушке, сфотографировались «автоспуском» всей группой. За перевалом пересекли широкую долину верховьев Аккаи и заночевали на превосходной стоянке перед крутым подъёмом на так называемые Сергезинские полати. К ночи плотный туман окутал нашу стоянку, и когда я заваливал камнями костёр, подошла дочь и спросила: «Папа, а у тебя нет никаких предчувствий?» Однако мои предчувствия вовсе не касались нашего путешествия, я почему-то ощущал беспокойство за близких, оставшихся в Новосибирске. Как говорится в песне у Юрия Кукина:

*И чтоб устать от усталости,
А не от собственной старости
И грустить об оставшихся,
О себе не грустя*

...

А потом отчего-то не спалось. Выбравшись ночью из палатки, я увидел вывездившееся, необычайно близкое, немыслимое для города небо и громадную чёрную хмарь, приближающуюся к нам с юго-запада.

Утро было пасмурным. Мы поднимались на крутой склон по широкому конному серпантину, любуясь живописным провалом в Аккаю и красивым трёхметровым водопадом в расселине её левого истока. Усиливающийся ветер доносил до нас шум падающей воды. Однажды под впечатлением этой картины у меня родились строки:

*Там, где снежные цирки глядят свысока,
Водопады шумят, разбиваясь о вечность.
Где начало своё обнаружит река,
Ночью небо приблизит свою бесконечность.*

Укрытый снежной шапкой цирк над Аккаинским озером, из которого берёт начало правый исток реки, красовался справа от нас.

Мы выбрались из провала и оказались на полатах – достаточно протяжённом, относительно ровном, как гигантское футбольное поле, плато, с которого берут начало истоки реки Сергезю. Тропа уходит вправо к спуску, а усилившийся ветер всё нагоняет и нагоняет чёрные тучи. И так не хочется дождя...

Сегодня мы преодолели последний походный подъём, и теперь оставалось только вниз, вниз и вниз, но по одному из следствий знаменитого закона Мэрфи ливень начался не где-нибудь, а перед самым крутым участком спуска. Конная каменистая тропа сразу стала скользкой, неудобной и, в общем-то, небезопасной. Мы замедлили темп передвижения и в условиях непрекращающе-

гося дождя отказались от остановки на обед на плановой стоянке под крутяком. Так и топали по скверной дороге ещё около трёх часов, пока не дошли до устья. За поздним обедом на превосходной стоянке уставшие участники предложили тут же и заночевать. Пришлось напомнить про начало нашего похода и непредсказуемое состояние Кубы: «Мы пока не знаем, что нас ждёт в промежутке Сергезю-Имурта!»

Погода неожиданно наладилась, выглянуло солнце. Смытая весенними паводками лесовозная дорога оказалась залитой настолько основательно, что пытаться по ней пройти было делом бесполезным. Полезли на правый склон, благо там задолго до нас была выбита конниками тропа. Поднимаясь от Сергезю, она нисходит к Кубе лишь около устья следующего её крупного притока – ранее упомянутой суровой Муехты. Имурта же впадает в Кубу ещё ниже, через километр с небольшим. Здесь и заночевали мы, на месте нашего первого походного обеда.

От устья Имурты по дороге оставалось пройти всего ничего – три с небольшим километра. Однако за неделю Куба хотя и уменьшилась в размерах, но не настолько, чтобы можно была шагать по залитой водой дороге. Так что мы вновь вышли на знакомую по первому дню конную тропу, идущую по прилавку на правом склоне. Теперь не нужно было искать, где тропа выходит на лесовозную дорогу, следовало всего лишь пройти по ней до конца. Оказалось, что семь дней назад, бредя по ледяной воде, мы свернули с дороги к этой тропе всего-то метров на сто дальше. Переправа из брёвен, в постройке которой мы принимали участие, уже не лежала на воде, а как бы висела в полуметре от неё и теперь казалась куда менее надёжной, нежели раньше. Однако другого пути не было...

Старенький УАЗик забрал группу там же, где и высадил в первый день. В «Эраголе» нас ждала подготовленная «матрасниками» театрализованная встреча. Кто-то угощал девушек шампанским. Вечером туристов ждала свежесвытопленная баня, а после бани – традиционные шашлыки.

Ну, всё! Можно начинать подготовку к следующему походу.

Бурелом

Александр Чиркин оказался не только талантливым музыкантом, известным многочисленным поклонникам по группе «Путти», но и превосходным художником. Приехав на Алтай в спортлагерь НГТУ «Эрлагол», они вдвоём с Игорем Шевченко за пять дней преобразили и столовую, и старенький УАЗик, и сторожку, и даже общественный туалет, который в результате их вдохновенной работы стал гармонично вписываться в окружающий горнотаёжный ландшафт. Однако парням прекрасно удалось не только пейзажи. С обширной стены столовского холла на отдыхающих теперь таращатся выпученными глазницами потешные туристы-дикари, грустные ручные медведи и снежный человек с добрым, слегка усталым взглядом.

Но самое главное – это дружеские шаржи на реальных сотрудников «Эрлагола». В центре стены на фоне двухэтажного коттеджа хлебом-солью встречают гостей хорошо узнаваемые директор комплекса Владимир Мальцев с нахлобученной на глаза шляпой и его заместитель Николай Нестеренко с огромной сигаретой за ухом. Рядом расположилась массовик-затейник Ольга Лёгкая в позе «супер-шпагат» с обручем в одной руке и карликовым пуделем Аланчиком на вытянутых пальцах – в другой. Слева изображён автор этих строк, ведущий на поводке растерянного косолапого мишку, а справа... Кто же будет справа?

– Борь, у тебя случайно нет фотографии Брикмана? – спросили меня ребята.

– Володи-то? Знаете что, фото нет, но вы рисуйте Розенбаума, не ошибётесь! – сообразил я. Они так и сделали. И всем окружающим было абсолютно ясно, что доктор в белом халате, очках и двухметровым шприцем в руках, нацеленным на ту самую часть тела пациента, в которую толстенная игла будет всажена, никто иной, как Владимир Иосифович Брикман, а никак не Александр Яковлевич Розенбаум. Даже приехавший вскоре сам врач и инструктор Владимир Брикман недоумённо поинтересовался:

– Как это они узнали, что я иногда надеваю очки, и почему шприц так похож на клизму?

На противоположной стене у выхода из столовой были вывешены всяческие правила, нормативы, а также документальный рассказ об однодневном походе, продлившемся всего восемнадцать с половиной часов. В ожидании

обеда отдыхающие вяло поглощали вывешенную информацию, и кто-то, читая, вслух недоумевал, зачем людям такие издевательства над собой. Это о том, как Георгий Матушкин, Александр Каспер и я брали Эликманаро-Кубинский водораздел.

В это самое время упомянутые герои стояли чуть в стороне и оживлённо обсуждали детали нового разведывательного похода. Мы планировали пятидневное путешествие по Чемало-Кубинскому водоразделу. Этот хребет был пройден нами от его начала у слияния Кубы с Чемалом до седловины, по которой едва заметная тропка переваливает с притока Чемала реки Уожан на Макахай, самый крупный приток Кеды, впадающей в Кубу. По Кеде-то и было намечено подняться на хребет, чтобы затем по хребту пройти до перевала Абаш в верховьях Кубы...

Пожертвовав казённым ужином, мы выехали на маршрут с вечера. Спортивного вида мускулистый, обритый наголо шофёр Александр Левицкий, передохнув после трудового дня, завёл свой УАЗик, на борту которого весёлые художники изобразили яростного гепарда в стремительном броске, и мы тронулись в путь. Старая лесовозная дорога изобиловала ямами, наполненными водой, камнями, скатившимися со склона, и поваленными во время недавней бури старыми ивами. Так что, наш «гепард» шёл вовсе не со зверской скоростью, но с трудом набирал не более пятнадцати километров в час, и пытаться из него выжать большее было бы самоубийственно опасно.

Перед выходом на маршрут. А. Каспер, Б. Скворцов, Г. Матушкин

Через час с небольшим, расплатившись с водителем, мы отправились к живописной поляне напротив устья Верхнего Каратурука, который сливался с Кубой у отвесной скалы на противоположной стороне. Поставили палатку. Поужинав, улеглись и моментально уснули, убаюканные шумом горной реки и пьянящим запахом таёжных трав. Пришедшая в сумерках группа, возвращающаяся с Каракольских озёр, неслышно расположилась рядом, стараясь ничем не помешать мирному отдыху братьев-туристов.

С утра мы подошли к устью Кеды, что метрах в трёхстах от нашего ночлега вверх по Кубе, и двинулись по старой дороге, идущей её берегами. Именно отсюда я когда-то впервые начинал поход в качестве руководителя туристской группы, и сейчас не мог отделаться от ощущения, что здесь ничего не изменилось. Вот и первый брод, по которому прохожу по колено в воде, не разуваясь, не задумываясь и не останавливаясь. Сколько их ещё будет в этом распадке! Не выискивать же каждый раз возможность переправы посуху! Хотя и здесь сейчас вот поваленная ветром берёза торчит рваным комлем над серединой реки, а через два метра под прямым углом к первой наклонилась и почти лежит на воде другая.

– Дай-ка мне руку! — вдруг просит семидесятидевятилетний Матушкин, прошедший по покачивающемуся стволу до самого его комля. Недоумевая, подаю руку и становлюсь свидетелем невероятного: опершись о мою ладонь своею и зацепившись левой ногой за ветку на берёзе, опытный участник походов начинает медленно-медленно наклоняться вперёд. Всё ниже, ниже, вот он уже почти параллельно реке. И как только ладонь его свободной вытянутой руки соприкасается со вторым деревом, тут же левая ступня освобождается из зацепления, и следует без преувеличения цирковой прыжок на сухое место за бродом. Разинув от удивления рот, молчу, не находя слов, и после паузы слышу радостный смех замыкающего группу Каспера:

– Ай да Жорж Георгиевич! Всё может!

Александру Эдуардовичу всего шестьдесят шесть, но чтобы вот так изловчиться! Хотя он и спортивного телосложения, и выглядит великолепно... Когда в 2004 году в Москве поэт Валерий Аушев, автор слов к песне «Студентка-практикантка», познакомил меня с кинорежиссёром Александром Шалвовичем Пороховщиковым, мне показалось, что Каспер и Пороховщиков – близнецы-братья и внешне, и по манере общения. Они и в самом деле очень похожи, да только не в тайге. Под рюкзаком Каспер махом сбрасывает с плеч лет десять, и ни дать ни взять – перед нами спортсмен-жених, только невесты рядом нет!

Георгий Георгиевич в походе всегда подтянутый, стройный, как юноша и, несмотря на почти восьмидесятилетний возраст, ни в чём не уступает другим участникам, в том числе студентам. Впрочем, студентам до него далеко, ибо здесь мы видим не только необыкновенную выносливость, но ещё и колос-

сальный опыт. Я же на фоне своих коллег выгляжу таким откормленным на закол кабанчиком. Мне нет и пятидесяти, и, следовательно, есть надежда, что когда-нибудь и внешне я обрету вид заядлого туриста.

*С Александром Каспером на пупыре
Чемало-Кубинского водораздела*

Несмотря на увесистые рюкзаки, довольно бодро добрались мы до места бывшей избушки лесорубов и остановились на обед. Вообще-то здесь туристы обычно ночуют, да только не часто сюда заходят. Слева хорошо набитая конная тропа уходит в мрачный тенистый распадок, а прямо продолжает угадываться дорога, по которой, похоже, уже давно никто не ходил и не ездил. Валежника на поляне нет, зато валяется множество старых поломанных досок, так что костёр был разведён моментально. Пока мы наслаждались обедом, на небе появились кучевые облака, погода начала портиться.

В верховьях Кеды дорога больше похожа на болото, и мы идём, то и дело зачерпывая вибрамами жидкую грязь. А тут ещё небо затянулось серой хмарью и заморосил дождь. Прикрывшись полиэтиленовыми накидками, мы неспешно поднимаемся к водоразделу, кое-где огибая прибрежные кустарники. Но мне в окружающей обстановке чего-то недостаёт.

Небо очистилось так же внезапно, как и замутилось, мы остановились на передышку, сбросили рюкзаки, и тут я понял причину своего недоумения. Всё было на своём месте: старые кострища, брошенные стоянки туристов, тропки, ведущие к реке, но не было... самой реки.

– Наверное, воды в бутылки надо было внизу набрать, – прочитал мои мысли Георгиевич. Каждый из нас для похода по хребту прихватил по две пластмассовые полторашки.

А ведь раньше-то народ у реки и здесь ночевал, и значительно выше, и даже перед последним взлётом на гребень... Тут, вспомнив, как один из истоков Каракокши в районе ближних пещер в урочище Сарысаз уходит под землю, а затем вновь появляется на поверхности, сливаясь с основным руслом, решили мы провести разведку. Каспер пошагал вверх по тропе к водоразделу, а я, круто спустившись к исчезнувшей реке, продираясь сквозь густо переплетённые заросли, ступил на сухое русло. Интересное ощущение, будто кто-то наверху наглухо перекрыл кран, и вся вода утекла, оставив после себя затвердевший рельеф со всеми особенностями дна речки.

*С легендарным Александром Пороховицким
после творческой встречи на МИЗе*

Безуспешно прошаршившись около километра вверх по руслу, я собрался было пробираться по нему вниз в поисках того места, где вода выбивается

из-под земли, но тут в небе здорово громынуло, и, выпрямившись, я увидел, что иссиня-чёрная туча заслоняет солнце. За последние полтора часа погода кардинально менялась уже в третий раз.

Я выкарабкался наверх, где Георгий Георгиевич неторопливо доставал накидку от дождя. Едва успели накрыться, как хлынул мощный ливень, перешедший в крупный град. Непогода ярилась около получаса. После этого, подождав ещё минут двадцать, мы понемногу начали тревожиться за Каспера. Эдуардович всё не появлялся, а также не отзывался на наши крики. Каждый раз в такой ситуации я начинаю беспокоиться, не повредил ли разведчик свой, так сказать, опорно-двигательный аппарат...

Не понимаю людей, которые сознательно идут в многодневный поход по тайге в одиночку! И даже не потому, что неоднократно доводилось таскать на собственном горбу спутников, повредивших ногу. Вынужденно-то и мне однажды пришлось чуть ли не с воспалением лёгких одному в течение трёх дней по дикой непогоде возвращаться на базу. Но мало ли что может случиться в тайге! Вспоминаю такую ситуацию. В несложном походе на плановой тропе одному из участников влетела в глаз мошка, да так, что в результате – полный аут. И что бы он делал один! А так уложили мы мужика в тень, задрали веко, извлекли крылатенькую инородность из глаза, промыв его затем специальной жидкостью из походной аптечки. До утра отдохнул коллега и – вперёд и с песней!

А Каспера всё нет и нет. В раздумье ходил я кругами, пока не обнаружил довольно свежие следы конских копыт на тропе, и вспомнил предостережение Торгашева. Руководитель отдела социального развития НГТУ Иван Иванович Торгашев направляет работу «Эрлагола», пробивает финансирование, добивается закупки нового снаряжения, всячески заботится и болеет за лагерь. В общем, отец родной.

– Борис! – пробасил он мне после того, как я перед отъездом на Алтай ознакомился с проектом кадрового приказа. – Нам сообщили одну очень неприятную вещь, доведи её, пожалуйста, до всех инструкторов. Там на Алтае объявилась какая-то банда, которая грабит туристов на тропках. Видят, что группа малочисленная, подходят, наставляют обрезы и забирают всё ценное, начиная с видеокамер и кончая продуктами. Потом садятся на лошадей, и ищи ветра в поле! Местная милиция не может пока ничего поделать. Обязательно расскажи об этом на собрании.

Тревога за Каспера от такого воспоминания только усилилась, но оказалось, что ушедший далеко вперёд наш разведчик, пересидев ливень, отправился не назад, а снова вперёд и в поисках воды залез аж на середину заключительного подъёма. Бесполезно. Ну и дела! Что ж, с этим распадком теперь всё ясно, он нам больше неинтересен, сейчас возвращаемся к месту обеда, ночуем, а завтра пойдём левее. Так и сделали.

Наутро после завтрака не успели пройти и километра, как передо мной на тропе что-то блеснуло. Наклонившись, с удивлением обнаружил огромный самодельный охотничий, в кожаном чехле нож весом, однако, не менее полкилограмма. «Ну вот, – недовольно проворчал я себе под нос, засовывая трофей в боковой карман рюкзака, – и так куль тяжёлый, а тут ещё кинжалы страшные под ногами попадают!»

Охотничья тропа вывела нас на перемычку между реками Кеда и Каяс и постепенно растворилась в мелком валежнике, а упавший туман залил молоком все окрестности. В этой ситуации было принято решение свалиться в Каяс, а затем подняться на хребет по его притоку – реке Корабель, и мы начали спускаться к левому притоку Каяса. Об этом участке потом вспомнил я, читая рассказ «Пока ты здесь» моего давнего друга и соратника по многим походам поэта Александра Чеха, спустившегося с гор дней за пять до нашего выхода на маршрут. Речь шла о спуске к реке Ложа от Сурдинских озёр:

«По карте было ясно, что это недалеко: полтора-два километра. Но эти километры умножаются высокими – в человеческий рост – травой и кустарником, в которых не видно ничего: ни щелей между камнями, ни самих камней, ни лежащих под ногами стволов. Ухватиться или опереться, в общем, не за что; а рюкзак на спине при падении исключает травму позвоночника, но порой удлиняет само падение на два-три кувырка... В чём мне и пришлось пару раз убедиться. Как ни осмотрителен, как ни осторожен я был, но все прелести «слепого» спуска, когда нога ставится в траву наугад, я вкусил за этот час вдвойне, поскольку идти впереди – священное право первого инструктора. Но и остальные, пожалуй, получили вдоволь. По окончании спуска, выведшего нас на заболоченный и широко растоптанный участок тропы (подумаешь, мелочи!), я возопил: «Мы сделали это!!» и поздравил остальных, сказав, что когда я прохожу подобные места как участник, у меня нет слов, чтобы выразить своё отношение к инструкторам, допустившим подобный экстрим».

Точнее, пожалуй, и не скажешь, за исключением лишь того, что наш спуск продлился не час, а все два, с некоторым ощущением безнадежности данного мероприятия!

– Интересно, есть ли у нас хоть какой-нибудь шанс отсюда выбраться? – самым серьёзным тоном спросил Каспер, выкарабкиваясь из попавшейся на пути почти двухметровой, скрытой кустами ямы.

– Да Вы что это, батенька! – удивился я. – Даже и не помышляйте о таких чудесах, Вы взрослый человек и должны понимать, что отсюда мы уже никогда не вылезем!

Где-то рядом послышался смех Георгиевича, полностью упрятого зелёной растительностью. Между прочим, каждый из нас был отягощён дополнительными тремя килограммами воды в пластиковых бутылках, с неба сыпал мелкий неприятный дождь, и шутки шутками, а по времени пора бы уже и становиться на обед. Но только где?

– Да вон бугорок и дерево, чтобы от дождя укрыться! – обрадовано сообщил Александр Эдуардович, показывая круто вниз. Вскоре выяснилось, что за бугром внизу контрфорса с правой стороны маскируется ещё один небольшой распадок, соединяющийся с нашим. Место под древней пихтой оказалось необыкновенно роскошным, а чай с дымком был настолько вкусным, что одного котелка нам не хватило. Вскипятив, приговорили и второй, перелив затем остатки чая в бутылку из-под воды.

Из правого распадочка сбегала едва заметная тропка, которая вывела нас на старую лесовозную дорогу у основного русла реки Каяс. С неба ушли все облака, и солнце радостно засияло, щедро даря нам своё беззаботное тепло. Для нас всё это составило такое противоположение с предобеденным периодом, что вызвало длительное и безудержное веселье. Радостно прошагав до устья Корабели, заночевали вблизи него на роскошной поляне.

По Корабели тянется такая же, как и по Каясу, дорога, но кое-где высоко поднимающаяся над рекой. Движение по этой дороге можно было начать и вчера, часа полтора ходового времени у нас для этого ещё оставалось, да не ясно было, где придётся ночевать. К тому же погода весь поход устойчивостью не отличалась, то и дело небо хмурилось, шёл дождь. Очень скоро впереди нас начала красоваться аккуратной острой пирамидой гора Корабель. Добрую часть Чемало-Кубинского водораздела мы обходили по рекам. Так ведь и не ставилась задача абсолютно всё тупо пройти по гребешку. Оставим пропущенное на другой раз, да и гора Корабель, как выяснится позже, сверху смотрится куда менее симпатично.

Помнится, года три назад шли мы по этому самому водоразделу ближе к его началу большой группой, взбираясь на гору Эрлагол. Красивые скалы обходились справа, но мы с Каспером решили пройти верхом по гребешку, отправив группу рядом по тропе. Спускаться со скал пришлось почти отвесно, благо уступов было достаточно, да не удалось вовремя развернуться, как положено, к стене лицом. Какой-то сухой карагач впился своими когтями мне сзади в плечо, я дёрнулся и... повис на собственной шкуре, честно признаюсь, не испытывая от этого никакого удовольствия.

– Повиси ещё чуть-чуть! – с ужасом воскликнул замечательную фразу Каспер, отчаянно пытаюсь подползти ко мне. Однако, оставив

лоскут плоти на цепких колючках, я уже соскользнул вниз и, почувствовав тёплую струйку на спине, слегка погрузтел. Потом до конца смены пришлось лепить пластыри...

А сейчас мне пришлось переодеться, потому что дорога заросла густым кустарником (можно сказать короче – заросла густарником). Снимая шорты и майку, обнаружил на животе маленькую сволочь в виде впившегося и уже разбухшего от моей кровушки клеща.

– Сам виноват, – резюмировал Матушкин, – давно надо было одеться, идёшь по зарослям голышом!

– Всем рекомендую осмотреться, – командирским тоном порекомендовал я и добавил: – Лидером по количеству впившихся клещей у нас обычно был Эдуардыч!

Однако в этот раз я оказался единственной жертвой паразита, что, впрочем, неудивительно, так как именно впереди идущий собирает на себя и воду со всех кустов, и клещей. Куда удивительнее то, что в наши времена, кажется, можно избежать заболевания энцефалитом, принимая таблетки йодантипирина.

Размытая, покрытая мелкой порослью дорога перешла на левый берег реки, и мы в недоумении остановились. Красивая пирамида горы Корабель, радуя глаз, красовалась перед нами слева от реки, а напротив отчётливо вырисовывались мрачные отвесные скалы. Ничего не скажешь, симпатичный каньончик! Да вот только ни о дороге, ни о тропе по нему не могло быть и речи.

Решили идти там, где правее скал желтел довольно крутой длинный глинистый склон, из подножья которого выбивался слабенький ручеёк. Других вариантов подъёма на хребет не просматривалось, и, зачерпывая по полкружки, мы набрали в бутылки воды из ручья и покарabкались вверх. На середине склона до меня дошло, что и на этой крутизне когда-то была дорога, по которой ездили гусеничные трактора. Добравшись до первого более или менее пологого участка, посмотрел вниз, и по спине пробежали мурашки, потому что представил себя в том самом тракторе, ползущем сверху вниз по этому откосу длиной более полукилометра. А ну как тормоза откажут!

Мы вышли на гигантский лесистый прилавок, где наличие тракторной дороги стало очевидным, но заворачивала она вправо, в то время как наш путь лежал вперёд и вверх. Какое-то ответвление тропы имелось и влево, причём с явной потерей высоты, поэтому мы, свернув с дороги и выйдя на поперечный гребень, радостно потопали прямой дорогой на хребет. Вскоре путь нам преградил исполинский поваленный кедр, чуть ли не два обхвата в диаметре. Дерево было не поломано, а выворочено из земли; гигантские, облепленные глиной корни его стояли стеной, похожей по форме на экзотический блин.

– Какой же силищи должен быть ветер, чтобы повалить такое дерево... — задумчиво произнёс Матушкин и, поправив очки, внимательно осмотрел местность.

Метрах в двадцати лежало ещё несколько поваленных кедров калибром поменьше. Когда мы, совершая зигзаги, обошли их, то увидели новые поваленные деревья, довольно густо разбросанные по гребню. Идти становилось всё неудобнее, и группа приостановилась для рекогносцировки, после чего выяснилось, что пытаться обогнуть участок погибшего леса ни слева, ни справа не удастся. С обеих сторон заваленная лесом полоса уходила глубоко вниз. Решили подниматься в лоб по гребню, вариант ухода назад на крутую глинистую дорогу нас решительно не устраивал.

Чем выше мы поднимаемся, тем бурелома становится всё больше и больше. Он делается гуще и заковыристей. Сваленные ветром деревья нагромождены как попало друг на друге, то и дело образуя своеобразные замкнутые колодцы неправильной формы, в целом напоминающие одну большую сетчатую западню. Стволы замшелые, скользкие, с острыми гнилыми сучками. Угодив в один из таких колодцев, я обнаружил на себе ещё одного впившегося клеща. «Саша, кидай гайку...» – пробормотал я, вспомнив сталкера братьев Стругацких.

– Какую... гайку? – услышал я откуда-то снизу сдавленный голос Александра Эдуардовича, безуспешно пытавшегося протиснуться ко мне под лысым стволом, утыканном массой длинных голых веток.

– Вот это да! – прозвучал рядом восторженный голос Матушкина, а затем из гущи бурелома показалась его голова, которая, повернувшись направо и налево, сообщила, что поползёт дальше по низу, так как иначе не проходит рюкзак. Затем мне пришлось забраться на скользкий до безобразия ствол, лежащий на других деревьях и, балансируя, пройти метров шесть по нему. До земли было метра три с половиной, так что спуск на грунт между всякого рода острыми торчками, норовившими разодрать одежду и тело, граничил с какой-то невероятной, но неизбежной эквилибристикой.

Мы постоянно перекрикивались, не хватало ещё в таком месте растеряться по одиночке. На каждом шагу приходилось то по-пластунски ползти, то перелезть сверху через очередные преграды. «Обожаю бурелом, но не в таком количестве!» – думал я, ёрзая между двумя наклонными стволами, тщетно пытаясь протащить застрявший там рюкзак. Утешало то, что вот он – верх Чемало-Кубинского водораздела, рядом угадывается, рукой подать до него, метров сто осталось.

Сориентировавшись на каменистый пупырь на самом верху, более или менее свободный от завалов, я наконец-то вырулил на него. С облегчением сбросив рюкзак, убедился, что мои коллеги откликаются, направляясь ко мне. Огляделся. За гребнем в густой дымке далеко внизу проглядывает впадение

реки Енгожок в Чемал. Так показано на карте, а вот местные жители считают иначе. Они говорят, что реки Бел и Енгожок, сливаясь, дают начало реке Чемал. Спуск в него очень уж крутой, совершенно дикий, заросший и тоже заваленный буреломом. Оглянувшись назад, вижу безбрежное море погибших деревьев.

Развернув генштабовскую километровку, убедился, что наш пригорок, расположенный между двух седловин на хребте, километра на полтора отстоящих друг от друга, чётко обозначен на карте, как и проглядывающее сквозь туман устье Енгожока. Местность полностью соответствует карте за одним единственным исключением – на ней не обозначен бурелом.

Эта шишка, на которой мы устроились на обед, представлялась неким спасительным островком в хаосе сваленных деревьев, и не хотелось даже думать о том, что, передохнув, придётся снова продолжать изощряться в своеобразном древолазанье. Мощнейший ветровал произошёл давно – деревья старые, высохшие, хотя и не успевшие ещё сгнить. Когда же это случилось?

Стоп! Что значит когда?! Да совершенно конкретно – в последних числах июля 1978 года, и этому событию я посвятил следующие строки:

Поутру поднялась, торжествуя, река,
Расплескала свои помутневшие воды.
Озверела, с обвалами красной породы
Размывает свирепо она берега.
В ураган переходит шальной ветерок,
Всё живое сметает, корёжит жилища,
И, спустив ветровала холодный курок,
Сокрушает леса и несётся ветрище!
И трясётся земля, и лежат ивняки,
Камнепады ревут, осыпаются горы!
Молодые лавины срывают запоры.
По бунтующей речке плывут рюкзаки...

Тогда после двух походов первой смены на вторую мы со Светой Курбаковой остались в лагере дежурными инструкторами. Всего лишь два месяца назад спасатели нас вызволили из Чебдарского ущелья, о чём подробно изложено в «Летописи одного турпохода»... В результате дождей и обильного таянья снегов в горах поднялись реки. В верховьях Чемала произошёл обвал, из-за чего вода в реке приобрела зловещий красно-бурый цвет, под мостом проплыли рюкзаки.

Света со своей новой знакомой отпросились сходить в посёлок Уожан, расположенный на восемь километров выше по Чемалу, чтобы

там расспросить местных жителей, не знают ли они чего, но это оказалось безрезультатным.

В целом всё обошлось благополучно, но трое человек: Александр Филиппов, Юрий Бондаренко и Алексей Шуркевич, ушедшие в контрольный выход, попали в страшный ветровал, и впечатлений у них было хоть отбавляй!

По рассказу Филиппова, к вечеру вторых суток своего контрольного выхода они намеревались остановиться на ночёвку на Енгожоке недалеко от устья реки Кызылтал и вдруг услышали какой-то непонятный нарастающий шум. Когда на их глазах стали падать деревья, мужики поняли, в чём дело. Мощный вал ветра всё сметал на своём пути.

Подскочив, они как зайцы рванули к открытому месту, благо такое рядом было, и залегли в траву. Ветровал прекратился так же внезапно, как и начался, за ним последовал ураганный ливень. Каким-то чудом мужики наскочили на маленькую охотничью избушку и заночевали в ней. Возвращались тем же путём, удивляясь, насколько серьёзно из-за обыкновенного ветра изменился пейзаж...

Итак, то место, где наших мужиков застал ураган, находится практически под нами, лишь ненамного выше по течению Енгожока. И если уж там внизу происходила такая вакханалия, то что же творилось здесь наверху, где урагану был предоставлен полный простор! А вот мы могли бы сейчас ничего и не увидеть, если бы пошли по верху хребта от истоков Кеды, потому что ориентировались бы тогда на нынешние тропы, которые неминуемо обходят бурелом по склонам.

Пообедав, двинулись по верху водораздела. Поваленного ветром леса и здесь было полно, но без прежних жутких нагромождений. Положа руку на сердце, сообщу: бурелом нам уже немножечко надоел. Так, самую малость... И попав на безлесный каменистый участок, где деревья не росли в принципе, а потому и не могли валяться под ногами, мы внимательно огляделись по сторонам. Гора Корабель маячила километрах в полутора от нас.

– Борис! – позвал меня Каспер. – Смотри-ка, отсюда вниз к реке Корабель уходит какая-то дорога.

И точно, тут прослеживались следы древней, явно проложенной ещё до ветровала тракторной дороги. Ну, а что там просматривается впереди по водоразделу? Да снова тот же бурелом! Вон торчат стволы... Решили идти по дороге, отчасти надеясь, что выведет она нас на обходную тропу.

– Ну почему всё хорошее так быстро кончается? – притворно вздохнул я. – Так славно было по бурелому лазить, так нет же, вот уходим теперь от него в сторону!

Тёмный языческий подземный алтайский дух Эрлик, именем которого названы гора и река Эрлагол, не вынес такой издевки и немедленно отреагировал. Моя правая ступня тут же провалилась меж камней, и я, как подкошенный, рухнул вперёд, не успев даже выбросить руки. Звонко шлёпнувшись физиомордией на тёплую загустевшую грязевую жижу, ободрал заодно о камень правую ногу ниже коленки...

Мы спускались около получаса, пока не попали на развилку дорог. Сравнительно свежая тенистая влажная стезя уводила наверх, теперь в сторону горы Корабель. Посомневавшись, решили этот путь разведать, и Каспер налегке побежал по дороге вверх. Как всегда, Эдуардыч, не удержавшись, скоро не остановился и добежал аж до самой Корабеля. Однако светового времени было ещё достаточно, а бурелома не было вовсе, и мы потопали вверх. За Корабелью вышли на обширную ровную луговину, где наткнулись на один из верхних охотничьих колодцев в метр глубиной, причём совершенно сухой.

По мощной конной тропе шагалось легко и весело, затем, легко сориентировавшись, мы свернули к крайнему левому истоку Абаша. Потом, услышав слева от тропы в глубокой щели шум речки, мы вылили воду из пластиковых бутылок, облегчив тем самым рюкзаки, и засветло добежали до стоянки, где веером сходятся истоки реки Абаш. Здесь мы встали на ночёвку.

С утра пробежали весь Абаш и вышли к Кубе. Когда, пройдя через неё вброд, мы перешли на правый берег, то обнаружили, что ниже дорога совершенно смыта, будто и не существовало её вовсе. Прочитирую строки о таком явлении из упомянутого рассказа Александра Чеха:

«Река Куба перешла в контрнаступление, и когда-то отличная дорога, проложенная военными и лесорубами, стала распадаться на отрезки между снесёнными наводнениями мостами. А правый приток Кубы – Аккая – со своеобразным юмором два-три километра перед впадением течёт теперь прямо по дороге! Поэтому мы должны были свернуть по другому притоку <...>, преодолев перед тем не столько броды на месте бывших мостов, сколько образовавшиеся возле них обширные завалы из стволов самого разного калибра. Кроме досадных задержек, они кое-где создавали удивительно живописные запруды».

Александр Васильевич писал об участке, расположенном ниже по течению Кубы, по которому нам предстояло сегодня пройти. Подобные завалы, если не покруче, наблюдались и выше, на пятикилометровом отрезке правого берега Кубы, между устьями Абаша и Каяса. Лет десять назад, когда дорога была в более или менее приличном состоянии, мы бы за день прошли сорок километров и к вечеру были бы на базе. Теперь же прохождение через дебри и завалы отняло уйму времени и сил.

Основательно вымотавшись, мы вознамерились для ночлега поставить палатку на поляне, с которой начинали наше путешествие, но она оказалась занятой размалёванными участниками какого-то молодёжного фестиваля. Ночевать рядом с гогочущими, остриженными наголо барышнями и их обкуренными волосатыми кавалерами да парочкой каких-то бесполок особей нам не хотелось. А потому, пройдя ещё около пяти километров, мы встали на берегу Кубы у того места, где обозначилась колея надёжнейшей из машин ГАЗ-66, которая шла по руслу реки метров двести и выныривала на дорогу, минуя шаткий от старости мост.

Последние двенадцать километров до «Эрлагולה» мы пробежали на следующий день до обеда. Оказалось, что Алла Каспер и моя Ирина, встретившие нас в лагере, надеялись, что мы придём ещё вчера, и сегодня начали беспокоиться.

– Папа Сидоров здесь! – обрадовали они меня сообщением о приезде старого доброго эрлагольского коллеги.

– А где он?

– Да прямо над нами! На горе свою палатку поставил, звони ему на мобильник.

Тем временем под навесом у домика женщины сервировали праздничный стол по случаю нашего возвращения. На столе с запотевшей бутылки смородиновой водки «Ворсин» покатила прозрачная слезинка, а обоняние дразнил запах только что нарезанных помидоров с майонезом, свежей грудинки и чего-то ещё невообразимо вкусного.

– Иду, иду! – прогудел в трубке до боли знакомый, с хрипотцой бас основателя компьютерной фирмы «НЭТА» Владимира Михайловича Сидорова.

Вскоре мы все сидели за столом, бурно обсуждая за обедом прелести только что закончившегося путешествия.

– А что, может, наберём стандартную группу и сходим теперь и в нормальный поход? – предположил Александр Эдуардович Каспер.

– Со мной, да в нормальный поход? – удивился я. – Разве такое возможно? Пойдём лучше куда-нибудь на Куминские Белки, сделаем там пару сидячих-висячих ночёвок.

– Давайте запланируем на будущий сезон поход к Уйменским озёрам. Дней на десять-двенадцать! – предложил Георгий Георгиевич Матушкин, убеждённый турист и неисправимый романтик.

Репортаж об Эрлаголе-2011

В студенческие годы среди туристов НЭТИ бытовала поговорка: если жена, учёба или работа мешают туризму – брось их! Смысл этой шутки стал понятен, когда сам начал ходить в горы. Трескучим декабрьским вечером 1978 года в донельзя промёрзшей землянке на берегах Оры и Петрушихи, празднуя собственное двадцатилетие с первой эрлагольской группой, вдруг остро ощутил то, что в старой туристской песне отмечено как «щемящее чувство дороги». Когда тебя тянет в горы, это чувство трудно передать словами и обосновать логически, но однажды ты понимаешь: путешествие по горам – это сильное радостное ощущение жизни.

Вспомнил старую поговорку нынче, когда работа не позволила вовремя приехать в Эрлагол. Однако, опоздав лишь на официальную часть открытия сезона 2011 года, на третье утро прибыл и тут же угодил в крепкие объятия восьмидесятичетырёхлетнего участника неоднократных наших разведывательных походов Георгия Георгиевича Матушкина.

– Представляешь, мост через Кубу на седьмом километре сожгли! – вдруг горячо и недоуменно сообщает он.

Вот это новость! Значит, теперь эрлагольский УАЗик не сможет нас добросить даже до пятнадцатого километра к бывшему кордону Чемальского лесничества...

Проложенная более полувека назад по долине Кубы лесовозная дорога являлась началом многих наших эрлагольских маршрутов. За годы походов, наверное, каждый камешек этой сорокакилометровой стези был знаком от устья Кубы до пяточка для разворота машин в урочище Абаш. А сколько мазолей здесь было набито!

Пока на тридцатом километре существовал посёлок лесорубов Каяс, дорога поддерживалась в приемлемом состоянии, переправы регулярно обновлялись. Но вот грянула перестройка, поселок ликвидировали, после чего первым же весенним паводком смыло самый верхний мост через Кубу. После этого с каждым годом дорога становилась всё более и более непригодной для транспорта, постепенно сливаясь с таёжным пейзажем. Потом приказал долго жить кордон, почти развалился мост около него, однако ещё долгое время УАЗик, управляемый бессменным Александром Левицким, забрасывал эрлагольские группы к этому мосту на пятнадцатом километре. А теперь?

Если честно, то в глубине души я всегда радовался тому, что в результате бездорожья восстанавливается алтайская природа, изрядно повреждённая бездумной деятельностью человека. Однако вот в чём вопрос. Группа новичков протопаёт по дороге и пешком: допустим, выйдет с вечера – да по прохладе вперёд. Но как быть с бродом через Кубу, которая бывает такой разной! Вот, скажем, в прошлом, 2010-м, году даже её разливы представляли собой серьёзные препятствия для туристов (очерк «ЧП в походе»).

В общем, после инструктажа и пробного похода на скальную гору Дураков отправились мы на седьмой километр Кубинской дороги, чтобы оценить возникшую там преграду. Мы – это я, мой коллега по инструкторской работе Виктор Фаддеенков и обладатель джипа врач Сергей Безнедельный, который любезно предложил подбросить нас до сожжённого моста.

Остановившись у Кубы в месте, где недавно пересёк реку какой-то мощный автомобиль, обнаружили, что ничего военного брод собой вроде бы не представляет, если не считать струи, бьющей у противоположного берега.

...Кстати, пока я доделывал срочные дела в городе, ко мне в поход записалась почти вся наша прошлогодняя группа. Только Юля Власова, к своему великому сожалению, не смогла приобрести путёвку на первую смену да у Георгиевича разболелась нога. Между прочим, не утерпев, он всё же сходил вместе с нами на гору Дураков, размялся и после этого записался-таки на более лёгкий маршрут.

Записались в нашу группу ещё и три новых человека: прошлогодние Митины участницы Ира Голикова с Настей Жарич и только что получивший необычные для себя ощущения на скальных участках горы Дураков новичок Роман Жеребцов. В итоге на маршрут вышло четыре парня и пять барышень, каждая из которых кроме личных вещей несла по шесть килограммов провизии. Общественное снаряжение и все остальные продукты достались парням.

Когда группа была готова выйти на маршрут, появился только что вернувшийся из похода Митя Лёгкий и сообщил: вода в Кубе поднялась, а сам он на той переправе уцелел лишь каким-то чудом.

– Ну, в одиночку-то, конечно, брести было рискованно, даже и с шестом, но мы пройдем брод тройками, по всем правилам! – выразил я мысли вслух.

– Но там струя по пояс! – горячо возразил Митя.

Планы менять не хотелось, и Сергей Безнедельный снова предложил свою помощь: пока мы налегке побежим до переправы, они с Митей доvezут туда наши рюкзаки и проследят, как переходим реку. Так и поступили. И действительно, последняя треть брода оказалась значительно серьёзнее, чем я предполагал, однако все благополучно переправились, и Митя даже радостно пальнул в честь этого события из своего помпового ружья.

Двинулись дальше, и очень скоро нас обогнал крытый брезентом автомобиль ГАЗ-66, до предела нагруженный туристами. «Эти ребята проехали брод,

но так и не узнали, что это такое», – подумалось мне, и тут появился ещё один ГАЗ-66, в кузове которого находилось лишь несколько человек. Водитель сам остановил машину и любезно пригласил попутно нас подвезти. «Мягче ехать будет!» – заметил он. Разумеется, мы не заставили себя долго уговаривать и тут же взобрались вместе с рюкзаками в грузовик, который подбросил нас до самого кордона, пересекши Кубу левее полуразрушенного моста.

На тропе

Обеденную стоянку в устье Имурты заняли прибывшие до нас туристы, а я, вспомнив, как в далёком 1978 году организовывал вместе с Юрой Бондаренко ночёвку с баней чуть выше устья на берегу самой Кубы, разыскал это место. Здесь и остановились на первый походный обед.

Отсюда до первой ночёвки у реки Сергезю остаётся пройти всего-то около пяти километров, чтобы метрах в шестистах от её впадения в Кубу расположиться на ночёвку в кедраче на ровной площадке для палаток, с готовым кострищем. А вот выше идти сегодня не стоит, потому что следующее приличное место для бивака далековато, да и первый день вводный – надо втянуться в нагрузку.

Сергезю – река небольшая, и в отличие от соседних притоков Кубы – раздольной Имурты и труднопроходимой Муехты – протекает в узком ущелье с крутыми склонами, густо заросшими лесом, кустарником и таёжной травой. Мощная конная тропа идёт исключительно правым берегом и поднимается

более круто, то и дело обходя скальные прижимы. При этом никаких бродов, если не считать пересечения по пути двух правых притоков.

На второй день, периодически отмахиваясь от назойливых слепней, поднялись до верховьев Сергезю, пообедав у верхнего её притока, и заночевали перед последним крутяком на закрытой со всех сторон растительностью стоянке. До реки здесь далеко, но метрах в двухстах от палаток в густых зарослях из-под камней пробивается ключ, к которому спускается едва заметная извилистая тропинка. На завтра запланирован полный рабочий день, с двумя перевалами.

Утро третьего дня встречает нас замечательной погодой. По небу бегут весёлые барашки, веет лёгкий ветерок. Нет ни изнурительной жары, ни дождя. Почти сразу от места нашей ночёвки начинается крутой подъём к границе леса. Здесь каждый идёт в своём темпе. Перед самой границей леса ожидаемся на небольшой стоянке всех участников и, набрав в пластиковые бутылки воду, вступаем, наконец, в зону горной тундры.

А денёк-то сегодня выдался не хилый! Поднявшись в верхнюю чашу реки Сергезю, оставляем слева Аккаинский перевал и выходим на так называемые полати, с которых крутой серпантин ведёт нас в верховья самого крупного притока Кубы – реки Аккаи. Во время обеда на прошлогодней стоянке успели позагорать и даже подремать...

Дальнейшая нитка маршрута была мною не раз уже описана, так что теперь – кратко. Итак. Взяли Айрыкский перевал, переночевали в урочище Сарысаз, ушли на озеро Серп, встали на полуднёвку. После этого пересекли Куралбасские болота, пообедали у поющего ручья, который, к сожалению, нынче не пел, и остановились на днёвку под Альбаганским перевалом, где объявился единственный за поход впившийся в Настю клещ. Ну, клеща, конечно, вытащили, укушенное место на ноге прижгли, а назавтра совершили радиальный выход к пику Альбаган, до полуразрушенного ребра. В радиалку парни сюда пошли все, а из девушек – только Аня Федорова. Остальные в это время под руководством Иры Голиковой усердно репетировали для заключительного концерта в «Эрлагале» оригинальный номер с походными кружками.

На следующий день, приблизившись к Альбаганской седловине, при ясном небе услышали подряд два мощных взрыва. Где-то недалеко сбросила первую ступень запущенная с космодрома Байконур космическая ракета. Сегодня же мы увидим на левом склоне правого истока Малой Сумульты обширный участок когда-то давно сожжённого гептилом леса.

Заночевали в километре от распадка, ведущего на перевал Сайгонош. Этот перевал взяли на следующий день до обеда, который в виде исключения был без костра – слишком уж бедная растительность оказалось в окрестности тёплых озёр у реки Тогузкол на восьмой день похода. После обеда подлечили Зинину мозоль.

К вечеру подошли к верхнему Чемальскому озеру. К той каменистой площадке, где в 1999 году с профессором Смелягиным сложили камин. Пришёл мой черед повторно дежурить, а с самого начала похода в пару ко мне попросилась Ира Голикова, чтобы «поучиться у опытного человека».

После ужина стало ясно: идеальная с начала путешествия погода начинает меняться. Предстоящая перемена настолько ощутима, что сообщаю об этом участникам. Дело в том, что в воздухе становится слишком уж тепло, причём при полном безветрии. В полночь резко громыхнуло, заморосил, а потом разразился, будто прорвало, дождь, который бушевал попеременно с грозой всю ночь, словно наворачывая собственный простой за весь поход. Непогода стихла лишь к утру.

Надо сказать, что обычно утром раньше других вставал Роман, и очередных дежурных, как правило, ждала приятная неожиданность: костёр был уже разведён, а дрова нарублены. Однако в этот раз Роман любезно уступил место штатным дежурным.

Выбравшись из палатки, я увидел сплошь затянутое облаками небо, наплывающий снизу из чемальской долины туман и залитую водой нашу каменистую поляну.

Костёр так просто было не развести, и решил я в качестве растопки использовать предназначенную к торжественному сожжению на последнем походном огнище старую футболку. Я ещё не знал, что костёр этот и в самом деле окажется последним в нашем походе.

Набрав воды и повесив котлы над огнём, я разбудил Иру, которая тут же побежала мыть сухофрукты для каши. Успели позавтракать и собраться без дождя, который, однако, возобновился уже на первых метрах подъёма на перевал Таман-Ёл.

По плану сегодня предпоследний день похода, но после того как дождь усилился, участникам было предложено в качестве варианта поднапрячься и дотопать до посёлка Эдиган с тем, чтобы уже к вечеру прибыть на базу. В ответ послышалось такое дружное одобрение, что стало ясно: быть посему.

Дождь припустил так, что спусковая тропа превратилась в ручей, по течению которого, забыв про усталость, добежали к вечеру до устья Адылды, где назавтра нас должен был встретить нанятый в Чемале ГАЗ-66. К этому моменту с неба всё вылилось и мы, наконец, спокойно перекусили, почувствовав при этом приятную физическую усталость. Однако никому на ночёвку становиться уже не хотелось.

В Эдигане снять машину не удалось, но километром ниже раскинулась турбаза, где нашлась «газель», водитель которой с радостью взялся за три тысячи рублей добросить нас до «Эрлагола». По дороге молодой алтаец радостно ворчал, что слишком много развелось тут новосибирцев ... Что касается ГАЗ-66, то с вечера не получилось дать ему «отбой», а с раннего утра сле-

дующего дня шофёр, как оказалось, прихватив рыболовные снасти, поехал за нами, решив совместить приятное с полезным. Собрав ему в качестве компенсации на бензин полторы тысячи рублей, мы отправились, наконец, в шикарную баню на соседней базе «Ареда-1», ставя тем самым походную точку. А через пару дней пришлось мне возвращаться в Новосибирск на работу.

Вновь вырваться в «Эрлагол» смог лишь во второй половине третьей смены. Успел организовать два однодневных путешествия. Причём в детском походе на гору Верблюд самой юной участницей была Ксюша, которой, представляете себе, ещё не было и четырёх лет отроду – своего рода рекорд! Кстати, Ксюшин папа Михаил Бирюков в этом походе снял великолепный фильм «Эрлагольские зарисовки».

А после похода на гору Крестовая мой одиннадцатилетний сын сообщил, что побил все свои прежние рекорды. Ещё бы! Кроме того, что сам поход продлился почти половину суток, были и разные приключения. Встретившаяся на пути туристов маленькая симпатичная гадючка, свернувшись колечками, живо заинтересовала собачку Герду, которую взяла с собой семья Смироновых. Дружелюбная Герда решила тут же познакомиться с красоткой поближе, а змейка в восторге от неожиданной встречи так горячо поцеловала Герду в нос, что та аж подпрыгнула от радости. Правда, на всякий случай хозяева заставили собачку съесть супрастин и щедро напоили дефицитной на хребте водой. Но это мелочи.

Уже вечерело, когда на подходе к перемычке, соединяющей Элекмонаро-Кубинский водораздел с выступом, заканчивающимся пиком Дураков, обнаружилась мощная конная тропа, ответвляющаяся в аккурат в сторону «Эрлагола», уютные домики которого призывно красовались с высоты хребта, подманивая к себе подуставших туристов. Ну не может такая красивая тропа вести в никуда! Пошли эти путём.

Но надо же! Приспустившись до явного сброса высоты, стезя, сделав крутой зигзаг, взяла да и пропала. Тщетно осматривал я окрестность, пытаюсь понять, куда дальше могли идти лошади, тем более что для пастбища здесь было не самое удачное место. Однако вниз проглядывала едва заметная стёжка, а на сваленном дереве был содран чьим-то башмаком мох, и мы двинулись вперёд. Пробурившись ещё около полукилометра вниз, то и дело проваливаясь меж замшелых камней различного калибра и перешагивая через гнилой валежник, убедились, что исчезли последние следы человека, а спуск становится всё более крутым и диким. Ещё не хватало, чтобы кто-нибудь тут шею свернул!

– Ну что, лошади здесь не спускались, возвращаемся, – объявил я.

– Не-ет! – дружно закричали дети.

– Никаких разговоров! – отрезал опытный седовласый Александр Серафимович, в отличие от ребятни прекрасно понимавший, что небезопасный путь по этому дремучему распадку может затянуться на неопределённое время.

Мы вскарабкались назад на водораздел и продолжали по нему путь, пока не упёрлись в недостроенные заборы вечно расширяющегося маральего заповедника. Далее двинулись наискосок по пологой, заросшей травой луговине к реке Чемальская Арета. Оставляя за собой ленточку примятой травы, дважды поднырнули под недостроенные изгороди, а потом выскочили на изрядно заросшую бывшую вездеходную дорогу. Тут все повеселели, а кроме того, обнаружилась мобильная связь, и я связался с лагерем, попросив оставить нам семнадцать порций ужина, на который поначалу в общем-то и не рассчитывали, так как окончание похода было объявлено на десять вечера.

Когда притопали к ручью и вдосталь напились, прикончив остатки провизии, оставшейся после обеда на горе Крестовая, уже заметно темнело. И тут раздался мощнейший взрыв, за ним второй, а потом в течение десяти минут слышались раскаты «ва-ва-ва-ва-ва». Сначала я не понял, в чём дело. Все участники знали, что над нами проходят космические трассы взлетающих с Байконура ракет, сбрасывающих над Горным Алтаем свои первые ступени, которые при падении создают не только грохот, но и порой весьма ощутимое сотрясение почвы. Но в данном случае произошло что-то другое. Позже выяснилось, что в соседнем с нами Чойском районе республики Алтай впервые за всю историю космонавтики рухнул в сцепке с ракетой-носителем космический грузовик «Прогресс». Взрыв произошёл в воздухе (иначе бы мы почувствовали землетрясение), и обломки разлетелись по всей округе так, что даже популярные Каракольские озёра оказались на какое-то время закрыты для туристов...

Выскочив к Кубе, в которую впадает Чемальская Арета, вновь увидели касающееся горных хребтов солнце. Оставалось пробежать до лагеря немногим более трёх километров. Но когда я замыкающим ступил на приэрлагольский мост через Чемал, солнце совсем ушло и наступила тьма. На мосту стояли Александр Эдуардович Каспер с супругой.

– Решили тебя встретить! – сообщил Каспер.

Группа изрядно уставших и получивших разнообразные впечатления туристов тем временем уже расположилась в столовой. Благодаря новому заместителю директора лагеря Валентину Ивановичу Гарбузову ужин нам был оставлен.

...А всё-таки жаль, что та тропа оборвалась, ведь так красиво она шла поначалу. Надо будет там как следует полазить и тщательно всё просмотреть. Но это в другой раз. Завтра – закрытие сезона.

«Бедный друг, истомил тебя путь...»

Эссе

С юности мне посчастливилось погрузиться в удивительный мир горных путешествий, где для меня открылся ещё один замечательный мир: мир самодеятельной песни.

После тяжёлых дневных переходов, насыщенных разнообразными приключениями и нередко сопряжённых с реальными опасностями, мы располагались у костра и кто-то брал в руки гитару. Потрескивали ветки на огне, дымился в котелке чай, а мы, безмерно уставшие, но счастливые, слушали очередную песню и как могли подпевали.

В Новосибирский электротехнический институт, где я в то время учился, постоянно приезжали с концертами барды. Мне довелось общаться с Юрием Визбором, Евгением Клячкиным, Александром Сухановым и многими, многими другими. Но один концерт мне запомнился особенно...

Имя молодого композитора-исполнителя поначалу ни о чём не говорило – Владимир Щукин. На сцену вышел высокий, стройный молодой человек с гитарой и пояснил, что он пишет музыку в основном на стихи классических поэтов. Зазвучали песни, которые я никогда раньше не слышал, – на слова Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Гумилёва, Мандельштама, Есенина, и других классиков.

Выходя после концерта из актового зала НЭТИ, находясь под впечатлением от услышанного, я вспомнил слова мастера спорта по альпинизму и музыковеда Владимира Кельберга. В альплагере «Талгар» в промежутках между восхождениями он читал нам свои лекции о музыке:

– Слушать эстраду, как правило, легко. Это всё равно, что прогуливаться по несложному маршруту до пикника. Классика – совсем другое дело, это восхождение на серьёзную вершину. Но какова же будет разница в ваших ощущениях, когда удастся на неё подняться!..

И вот Щукин. Он облакал стихи великих поэтов в какую-то простую, но удивительно богатую музыкальную форму. Пел он и весьма милые, забавные детские песенки, две из которых мне легко запомнились. Это «Маленький кузнечик» и, на мой взгляд, гениальная в своей поучительности «Кисуня и Крысуня»...

На концерте Владимира Щукина

Через двенадцать лет Владимир Всеволодович Щукин снова посетил Новосибирск. Его шурин оказался моим добрым товарищем и коллегой по Сибирскому НИИ авиации. Владимир Щукин ехал сватать шурина к своей знакомой, а тот возьми да и познакомь меня с её подружкой. Теперь это моя супруга и мать двоих моих детей. Такие вот дела.

И вот спустя четверть века с момента первой встречи я вновь оказался на концерте Владимира Щукина. Ловлю себя на мысли, что Щукин почти не изменился внешне: всё такой же молодой, высокий, стройный, с юношеским голосом. Но репертуар его расширился, стало больше духовных песен, многие из которых в то время были негласно запрещены. Неизгладимое впечатление производит его исполнение «Федота-стрельца» по пьесе Леонида Филатова. На старте – новые проекты...

Да, удивительный человек Владимир Щукин! Композитор, поэт, исполнитель, киноактёр и актёр театра на Таганке, педагог воскресной школы Детского православного центра, алтарник в одном из храмов Москвы и создатель группы «Последний шанс». Когда-то он работал и пастухом, затем звукорежиссёром в театре...

Летом Щукин мечтал вырваться на Алтай, но... не сложилось. В поход отправились без него. Один из походных дней минувшего лета оказался особенно напряжённым. Пройдя цепь Каракольских озёр снизу вверх, мы по предложению идущего с нами старейшего туриста Георгия Матушкина вылезли на хребет Иолго в лоб через провал Воронка.

Здесь у тура на семи ветрах я вдруг замечаю, что со мной идут вовсе не те новички-студенты, которых три дня назад я вывел на маршрут, а самостоятельные, явно повзрослевшие люди. И вот мы ещё долго карабкаемся по хребту, пока не достигаем долгожданных верховьев реки Аккая.

На хребте Иолго у провала Воронка

Место для ночёвки нашлось быстро – чья-то зимняя стоянка у ручья на границе леса с сохранившейся поленницей дров для палаточной печки...

Пока дежурные разводили костёр, вокруг которого устроились четыре разномастные палатки, надвинулись сумерки.

– Сегодня был перебор... – произнёс за ужином один из новичков.

– Не перебор, а нормальный рабочий день! – возразил другой, более опытный участник.

В таёжных сумерках зазвучала гитара:

«Бедный друг, истомил тебя путь...» – послышалась вдруг песня Владимира Щукина.

«Не костровая песня» – подумалось мне. Но все шестнадцать человек внимательно и даже как-то жадно слушали гитариста. Потом одна из девушек робко спросила:

– А это чьё?

...

21 октября 2002 г.
г. Москва.

Снова горы зовут

– Дядя Боря, а Вы напишете о нашем походе? – спросили меня вчерашние новички после его завершения.

– Так, о чём писать-то? Как-то без особых приключений у нас нынче обошлось, даже вон погода отступила, – озадаченно пробормотал я, а потом подумал: в самом деле, почему бы и не черкнуть пару строк об этом путешествии! Ведь вспоминать о походах всегда приятно – как бы заново идёшь ты горными каменистыми тропами, вдыхаешь пряный аромат тайги, взбираешься на крутые заснеженные перевалы, шагаешь по горной тундре, альпийским лугам, кремнистым осыпям...

Выдалась мне в этом году работать инструктором не в первую и вторую смены «Эрлагола», как обычно, а в заключительную, третью. Дело в том, что чадо моё старшее Елена в этом году, окончив школу, в вуз поступала, да не в один, а из интереса сразу в несколько, как теперешние правила позволяют. Вот и провёл я с ней душный и дождливый месяц июль в столице нашей Родины. Горы звали, душа томилась, а ситуация смиряла.

И всё-таки август для походов – отличный вариант!

Из отдыхающих спортлагеря, успешно прошедших пробные испытания в полудневных выходах на окрестные вершинки, набралось четыре группы походников. Наиболее подготовленные участники пошли в одиннадцатидневку на отдалённые Уйменские озёра, вторая группа отправилась в десятидневку к верховьям Ложи, к Альбаганскому перевалу. Ну, а мы запланировали достаточно насыщенное семидневное путешествие на Буюкские озёра, в урочище Сарысаз, верхнюю пещеру, на озеро Серп и затем через Айрыкский перевал в Аккаинскую чашу, на Сергезинский серпантин, так называемые полати, да по урочищу Сергезю – вниз к Кубе.

Ещё одна группа, добравшись до Буюкских озёр, пребывала там почти трое суток, совершая радиальные выходы по их окрестностям, после чего тем же путём вернулась на базу.

Наконец, оставшийся дежурным по лагерю инструктор Сергей Прокопенко периодически водил всех оставшихся желающих в безночёвочные походы вблизи Эрлагола и был готов в случае необходимости организовать поисково-спасательные работы...

Пожертвовав столовским ужином, двинулись мы на маршрут с вечера, пока служебная «газель», подбросившая нас на пятнадцать километров по донельзя разбитой лесовозной дороге вдоль реки Кубы, была свободна. И первая палаточная ночёвка состоялась, так сказать, в нулевой день, недалеко от бывшего кордона на той поляне, где с противоположной стороны у отвесной скалы из узкого распада втекает в Кубу загадочный Верхний Каратурук. Тут-то выяснилось, что непрерывные проливные дожди настолько залили округу, что сухого клочка земли не найти. Попробуй-ка разведи огонь на такой пропитанной водой губке, где и нормальных дров-то взять негде! Пришлось разложенное по всем таёжным правилам огнище минут тридцать непрерывно раздувать махалками, пока ужин готовился. Лишь когда котелки сняли да положили сверху толстый обрубок на шипящие поленья, разгорелся наш костёр по настоящему.

Группа подобралась необычная – девять человек, включая пятерых новичков. Мне пятьдесят лет, а самому старшему участнику Александру Эдуардовичу Касперу шестьдесят восемь. С ним неоднократно мы отправлялись в разведывательные походы по незнакомым местам, периодически попадая в разнообразные, а порой и вовсе не безобидные ситуации. Владелец прекрасной физической формы Александр Эдуардович весь поход каждое утро просыпался на заре первым, разводил костёр, набирал воду в котлы и будил свою благоверную Аллу Юрьевну. Затем они вдвоём готовили завтрак, кардинально решив таким образом проблему утреннего дежурства.

Что касается Аллы Юрьевны, то с ней у меня связана особая история. В августе 1990 года, следуя своей ребячьей традиции проходить исхоженный маршрут нестандартно, повёл я группу вниз не по конной тропе справа у реки Сергезю, а по левому её истоку. Если кто-то захочет повторить мою глупость, не советую. Не вдаваясь в подробности, сообщу: этот путь совершенно непригоден для прохождения, как на лошадях, так и пешим ходом.

Во избежание холодной ночёвки вскарабкались мы тогда, хватаясь за кусты, на водораздел между левым и правым истоками реки и вывалились-таки в сумерках на старую стезю. Палатки пришлось ставить при свете костра. Второй инструктор после этого похода был отстранён от дальнейшей работы ввиду обнаружившейся профнепригодности, к тому же он панически боялся змей. Зато две девушки: Ира и Алла, наоборот, вели себя превосходно. Так вот, Ира в том году стала моей женой, а чуть позже Алла стала женой Каспера.

Сближает Эрлагол людей! Ничуть не удивлюсь, если узнаю, что как минимум две пары из нашей нынешней группы после похода тоже поженятся. Это проверено временем. Здесь, у далёких и близких Алтайских гор, люди часто находят свои половинки.

Впрочем, не будем опережать события, вернёмся к группе. Ещё один участник – крепкий веснушчатый помощник мой Дима Давидович. Он не первый раз в эрлагольских походах, и чувствуется, что спортивный туризм

по-хорошему его зацепил, как говорится, всё при всём. Остальные участники в походе впервые, но случайных людей, как это иногда бывает, среди них не оказалось – все показали себя наилучшим образом. Это двадцатилетние студенты: Света Алексеева, Дима Ахременко, Катя Полингер, Миша Петрушков и маленькая Катя Королькова, резонно сообщившая при загрузке её рюкзака собственный вес – 43 кг.

Поутру мы немного задержались на поляне, поддерживая костёр для группы туристов, заезжающих на маршрут с утра, однако те, как выяснилось после, решили не завтракать сразу, а перекусить попозже и просвистели мимо нашего поворота дальше по дороге.

Отправившись в путь, мы перебрались по полуразрушенному мосту через Кубу на правый берег, дошли до распадка, из которого вытекала Имурта, и свернули в него. Нынешнее лето на самом деле оказалось рекордным по обилию непрерывных дождей, и синоптики утверждали, что за полтора летних месяца выпала тут годовая норма осадков. Никогда ещё тропа тут не была столь раскисшей и расквашенной несусветным количеством лошадиных копыт! Так что весь день пришлось нам в буквальном смысле месить ногами глину. Признаюсь, удовольствие это ниже среднего.

Догнав к полудню идущую впереди эрлагольскую группу, у их кострища надолго останавливаться не стали, обедать было рановато. Передохнув минут десять, мы выслушали встречных конников о дикой непогоде в горах, ливнях, снегопадах и страшном граде, застигшем их наверху.

– Сегодня первый день как погода более или менее, ещё вчера тут всё заливало, – мрачновато сообщил пожилой алтаец.

Лучше бы он этого не говорил. Тотчас солнце померкло, заморосил дождь и нам пришлось доставать накидки.

– Этот дождь нам не нужен, пусть проваливает! – в пику аборигену безапелляционно потребовал я от тучи, проходя очередной брод.

Дождь и вправду прекратился, но последнюю фразу в течение дня я повторял как минимум трижды. Вообще же небо большей частью было заволочено, хотя голубой, вытянутый вперёд его красивый овальный лоскут находился в аккурат над нами. Где-то на пятнадцатом бросе встретились знакомые новосибирские туристы, которые почти слово в слово повторили лирический рассказ конников о дикой непогоде в горах, граде, снеге на перевалах. Ну, а двухчасовой обеденный отдых устроили мы с комфортом у верхнего брода.

Когда же вышли наверх, то дорога стала совсем скверной, она больше напоминала сплошное глинистое месиво – кони размолоти здесь не только тропу, но и широченные полосы рядом с ней на пологом, болотистом водоразделе. В общем, выскочив на кедровую стоянку, названную туристами «Три медведя» за сходство с картиной Шишкина, решили мы, что по всему пора становиться на ночлег, что и сделали.

С водой здесь непросто: выбивается из-под замшелых камней ручеек лишь в одном месте и тут же вновь уходит под землю. Ведёт к нему маленькая тропинка, которая в обычных условиях сразу видна внимательному взгляду, но сейчас почва вокруг стоянки была растоптана до неузнаваемости так, что когда Дима Давидович сообщил о нахождении нашего родничка, остальные не сразу-то и поверили такому счастью...

Вот она долгожданная ночёвка после первого походного дня, который, как всегда, наиболее тяжёл, а нынче ещё и усугублён отсутствием нормальной дороги. Красное вечернее солнце пробивается сквозь кедровый лес, придавая и без того живописной поляне сказочную красоту. Небо к вечеру расчистилось, но бегущие по нему на огромной скорости облака отнюдь не сулят хорошей погоды. Когда всё было готово к ночёвке, поспел и ужин. И тут кто-то заметил, что вокруг воцарилась звенящая тишина, необычно глубокая давящая тишина. Абсолютное безмолвие и небо, бурлящее облаками, – несовместимое слилось в одну картину.

Ночью прошёл ливень, а к утру похолодало настолько, что в местах задержавшейся влаги обнаружили льдинки. Однако погода милостиво позволила нам нормально позавтракать. Когда же двинулись мы по размолоченной тропе в сторону границы леса и горной тундры, обходя справа забуреломленные верховья Имурты, то сначала поморосил дождь, а потом усилился ветер. Погода стремительно менялась, пока, правда, неизвестно, в какую сторону. Устроили обеденный перерыв на самой верхней, обширной стоянке конных туристов. Внимательно приглядевшись к участникам, я объявил о предстоящем полудневном отдыхе с тем, чтобы на следующие сутки, восстановив силы и разобравшись с погодой, добежать до Буюкских озёр, окончательно догнав находящуюся впереди группу.

После обеда поднявшийся ветер сначала разгоняет все облака, а затем мощно дует, не прерываясь и нагоняя лютый холод. Небо остаётся девственно голубым, торжествующе сверкает солнце, но и стоя под ним, ощущаешь, как через все одежды пробирает тебя отнюдь не августовская стужа. А далёко впереди на юго-западе безмятежно сияет всевозможными оттенками синевы плотно алтайских хребтов, напоминая картины Николая Рериха...

На тропе появляется ещё одна идущая сверху группа знакомых новосибирских туристов. И от них мы слышим о проливных дождях, штормах и снегопадах.

Стылый ветер ярился всю ночь, под утро стих, оставив после себя густой иней на ставшей хрустальной траве; чистое, без единого облачка небо, пар изо рта и особенно ясное многогорье синих гор на горизонте. Становится очевидным: период затяжных дождей окончился.

Через двадцать минут после выхода мы пересекли границу леса и далее до самого обеда шагали по тундре. Первая передышка состоялась у скальных

Замков, далее тропа повела нас сквозь карликовые берёзку да иву на Аккаинский перевал, а потом и в верховья реки Угул.

Солнце и ветер сцементировали раскисшую тропу, шагалось бодро и весело. К полудню прибыли мы на стоянку у правого истока реки Угул рядом с границей леса. Подсохший кедровый валежник вспыхнул в костре мгновенно, и уже минут через десять в котелках радостно заклокотала вода. После обеда более часа все отдыхали, а кто-то успел и подремать под ласковыми лучами полуденного светила.

Двинувшись к Буюкскому перевалу, пересекли русла двух истоков Угула и вынырнули на узенькую тропу, вьющуюся змейкой меж невысоких деревьев к нужной нам седловине. Через два с небольшим часа мы уже стояли на каменистом перевале, любуясь великолепной картиной Буюкских озёр.

Ближайшее озерко разлилось в небольшой выемке сразу за перегибом хребта, другое виднелось далеко перед Чёртовой грядой, ещё одно ютилось в камнях впереди справа. Два нижних озера красовались, обрамлённые островерхими скалами, внизу на дне основной чаши, из которой вытекала река Буюк. Чуть в сторонке от них выглядывало ещё одно маленькое озерко. Самое большое и живописное двойное озеро с небольшой, поросшей редким лесом перемычкой открылось чуть позже.

Спустившись к озёрам, мы вскоре увидели ту самую эрлагольскую группу, которая проскочила мимо нашей поляны в первый день путешествия. На их стоянке уже были установлены палатки, разведён костёр. Мы же облюбовали не менее уютное место, пройдя дальше.

На следующий день до обеда мы отдыхали, купались в безмолвных студеных озёрах, загорали под горячим солнцем. Дважды общались с проходящими встречными конными туристами, весьма довольными внезапным улучшением погоды.

Когда же мы надели рюкзаки и тронулись было по тропе, на нашу стоянку с Буюкского перевала пришла группа конных туристов, которая мгновенно поменяла нам планы. Усатенький и улыбочивый их черноволосый руководитель, стрельнув у парней курево, сообщил: будут ночевать они у той самой пещеры, куда собираемся и мы, а следом за ними идёт туда же на ночёвку ещё одна большая группа конников.

Оценив обстановку, я сообщил участникам, что коль скоро у пещер сегодня скапливается чересчур много народу, рванём мы сейчас к озеру Серп. Увидев расстроенное лицо Димы Ахременко, который ни разу не бывал в настоящих пещерах, подумал, что вообще-то времени у нас пока достаточно, чтобы побывать и там. Так оно назавтра и вышло. Для этого, правда, пришлось немного удлинить маршрут...

Мы отправились к скотопрогонному перевалу, туда, где торчат на пологой седловине каменные пальцы, один из которых, с кривым ногтем, угрожающе полусогнут. Так и называют это место – перевал Чёртов Палец.

Скала Чёртов Палец у урочища Сарысаз

Тропа под ногами сухая, твёрдая, идти по ней одно удовольствие, не то что в первый день! Легко взбежав наверх, пересекли каменистую грядку и, проскочив слева от каменных останцев, спустились к поперечной тропе на северной границе урочища Сарысаз. Если пройти по ней влево на восток километра четыре – найдёшь пещеру, вправо на запад – через пять километров объявится Айрыкский перевал. Ну а мы через болота на юг двинулись. Туда, где в шести километрах от Чёртова Пальца обозначено на карте маленьким серпиком у подножья горы Кары симпатичное озерко.

Сами болота хотя и обширны, но вообще-то несерьёзны, можно прохлюпать по ним и напролом, хотя, конечно, никакого удовольствия при этом не получишь. Можно обойти их вовсе тропками справа, но при этом сделаешь лишнюю петлю километра на три. А ещё можно, как мы, уйти чуток вправо, где узкая полоска леса среди пучкастых кочек пунктиром поперёк болот прорисовывается, и вдоль этой полоски пробиться к мощной тропе, что протянулась по противоположной стороне урочища с последующим заворотом вправо к Каре.

Так что прохлюпали мы сарысазским болотом самую малость, даже и не ощутив особой сырости в ботинках. А выскочив на превосходную конную тропу, весело побежали в сторону перевала Куролбас, где интригующе маячила своей плоской каменной макушкой гора Кара. Не скажу, что путь этот был такой уж близкий, но факт, что нетяжёлый. Это вам не глину месить вверх по Имурте! Вот и распадок открылся, в котором обнаруживается начало реки

Сарысаз, а вот и граница леса проглядывает да гигантский каменный зуб на выходе к перевалу. Значит, по описанию скоро будет подъём к озеру.

– Вот он – поворот на Серп! – торжественно объявляет бывавший здесь ранее Каспер, указывая ленинским жестом на узкую, едва приметную тропку, уходящую круто вверх по откосу. Сколько раз пробегал мимо этого склона то вверх, то вниз, достигая порой аж Сумультинского хребта, а вот на самом озере Серп так не был!

Поднимаясь замыкающим, свернул я где-то по лёгкой стёжке вправо и оказался сверху почти отвесных скал, откуда были прекрасно видны и Чёртов Палец, и поворот на завтрашний Айрыкский перевал, и вершина горы Айрык. «Эге, а озерцо-то непростое, с секретом! Похоже, лишь с одного места к нему и можно пробраться», – подумал я, догоняя группу.

Эрлагол-2009. На Айрыкском перевале. Слева направо: Б. Скворцов, С. Алексеева, Е. Королькова, Д. Ахременко, А.Э. Каспер, А.Ю. Каспер, Д. Давидович, Е. Полингер, М. Петрушков. 19 августа 2009 года. Фото Е. Полингер (автосъёмка)

Озеро предстаёт взору неожиданно, как по мановению волшебной палочки. Выныриваешь наверх, а там – за небольшим перегибом, в живописной каменной чаше – оно, слегка вытянутое серпом с юго-востока на северо-запад. С южной стороны вплотную к воде спускаются высокие серые скалы горы Кара со снежником внизу, правее – невысокий, густокаменистый, поросший

древним таинственным лесом берег. Занятое место! Раньше эрлагольцы о нём не знали, но лет десять назад инструктор Александр Перминов, заявивший в маршрутном листе несложное восхождение на вершину Кары, после похода оживлённо сообщил: «Представляешь, пошли мы на подъём и шикарное озеро наверху обнаружили! В следующую смену снова туда пойду».

Кто-то водит группы туристов по давным-давно избитым маршрутам, полагая, что для участников-новичков и это неплохо, а кто-то ещё и находит что-то новое. Помнится, отправились мы с Владимиром Шишкановым в десятидневку, так столько открытий для себя сделали, что просто удивительно! Дело в том, что Володя, будучи руководителем, девяносто процентов маршрута запланировал по нехоженным ранее эрлагольцами рекам и хребтам, предварительно сбегав туда в разведку...

За перегибом тропа свернула направо и пошла берегом по кромке озера. На небольшой поляне попадает самодельный каркас от походной баньки. Вот и стоянка, но она, к сожалению, занята. Кто-то здоровается со мной, называя по имени, это сын оставшегося в лагере инструктора Сергея Прокопенко – Егор, с ним его приятель Артём, который перед походом припоздал со своей просьбой записаться в нашу группу. Остальные мне незнакомы.

– Здесь есть ещё одна стоянка, пойдём к ней, – кричит Каспер, и метров через сто мы видим поляну в стороне от озера, кострище и площадки для палаток. Чем-то неуловимым отличаются эти участки от прочих. Но чем?

– Конников здесь не бывает! – вдруг отвечает моим мыслям Александр Эдуардович, выживая из кострища оставшийся от наших предшественников мусор. – Но если появятся они здесь, то всё, конец придёт этому месту: и вытопчут всё, и «заминируют»!

Отдыхали мы у этого удивительной красоты озера до обеда следующего дня.

Хотел было повести группу сразу под Айрыкский перевал, но очень уж добрая тропа отвернула к восточной оконечности урочища Сарысаз, где пещера под мощным скальным выходом пряталась! Помчались весело по ней. И никто потом, кажется, не пожалел, что дополнительных восемь километров тогда отмахали.

Совершив экскурсию по обширному мрачному гроту, заглянув в его карманы, лазы и вдосталь нафотографировавшись, двинулись мы вдоль всей Чёртовой гряды к запланированному месту ночёвки у границы леса под Айрыкским перевалом. Подошли туда уже в сумерках, времени на поиски обжитой стоянки не оставалось. Встали на ближайшем удобном месте, где разбили палатки и ужинали при свете костра.

«Наши новички совсем уже даже не новички!» – сооружая кострище, подумал я, видя, как оба Димы и Миша без лишних слов ставят палатки, обе Катти им помогают, а заметно приуставшая, как и все участники, Света выносит

откуда-то из темноты огромную охапку хвороста. Назавтра же предстоял нам полный двухперевальный рабочий день, лимит полуднёвок истёк.

Правый исток реки Айрык начинается с красивейших озёр. При подъёме на Айрыкский перевал эти озёра покоятся слева от тропы, и особенно привлекает взор одно из них – вытянутое, слегка сплюснутое посередине обрушившейся с крутого каменного склона осыпью. Мистическое ощущение, будто оно медленно движется на фоне облаков, оставаясь при этом на месте.

На перевале сочинили записку, вложили её в тур в пластиковой банке. Спустившись в Аккаинскую чашу, пересекли верховья реки Аккаи и устроили обеденный отдых на противоположной стороне чаши у каменного дракончика близ серпантина, откуда прекрасно просматривался весь наш путь с перевала. Когда вода в котлах уже закипала, мы увидели далеко на этом пути две желтоватые фигурки. Это были Егор и Артём, которые шли к костру, как к маячку. Они продвигались нашим маршрутом и, как потом выяснилось, решили поднапрячься и уже сегодня добежать до бывшего кордона Чемальского лесничества.

Крутым серпантинном, с которого открывается вид на шумящий далеко внизу Аккаинский водопад, все вместе поднимаемся на водораздел между реками Аккаей и Сергезю. Наверху мы с Аллой Юрьевной вспоминаем об упомянутом вначале рассказа походе девятнадцатилетней давности.

Разумеется, в левый исток Сергезю больше не сунемся, идём плановым порядком, пропустив вперёд себя спешащих к кордону парней. День в части энергозатрат оказался тяжёлым, и дабы не висеть ни у кого над душой, на спуске замыкаю группу с максимальным интервалом, позволяющим видеть последних шагающих впереди меня участников, и невольно радуясь тому, что не требуется никого ни догонять, ни подгонять. Время позволяет, к стоянке недалеко от впадения Сергезю в Кубу всё равно успеем засветло.

А ведь бывало и по-другому. Где-то на незнакомом крутом, скалистом спуске часы отсчитывают последние десятки минут светового времени, и уже Георгий Матушкин, опытный горный турист, предлагает остановиться на сидячую ночёвку прямо тут, на склоне, чтобы «не заниматься ночной эквилибристикой», но...

Пока минут двадцать в запасе ещё есть, мы упорно карабкаемся вниз и – успеваем!!! Ещё полчаса, и глухая тьма обволакивает всё вокруг, но у нас уже горит живой костёр, закипает в котле вода.

Вдруг в непроглядной мгле начинается буйный ливень, но поставленная при свете огня палатка надёжно укрыта полиэтиленовым тентом.

Мы в безопасности.

Верная своей походной традиции чета Касперов успела приготовить завтрак до дождичка, которого мы уж никак не ждали. Впрочем, небо тут же

очистилось, и, немного грустя о том, что путешествие заканчивается, двинулись в путь – за кордоном к пяти часам вечера за нами должна была подойти эрлагольская «газель».

От устья Сергезю на протяжении трёх километров лесовозная дорога смыта весенними паводками, а после нынешнего половодья от неё и вовсе не осталось следа. Однако по правому склону на месте старой трассы протоптана мощная тропа. Поднимаясь от устья Сергезю, она нисходит к Кубе лишь около следующего её крупного притока – труднопроходимой Муехты. Ещё через километр в Кубу впадает река Имурта, по которой поднимались мы в первый день похода. От устья Имурты остаётся пройти пешком ещё три с небольшим километра. Так к обеду и добежали мы до стоянки, с которой начали маршрут семь дней назад. Оставалось дожидаться машины...

У туристов есть традиция после похода ставить «точку»! Ну, это вроде небольшого банкета с гитарой, песнями, юмором. Ещё бы! Ведь количество «доходяг» равнялось количеству «проходимцев», которое, в свою очередь, равнялось числу «выходцев», и никак не меньше. Такой точкой послужил день рождения Аллы Юрьевны, который отмечали всей группой. На следующие сутки все отдыхали и репетировали представление для заключительного концерта на закрытии сезона. Потом походники, которых теперь уже нельзя было назвать новичками, пригласив меня с гитарой на костёр к вечернему, приготовленному по особому рецепту шашлыку, вдруг спросили:

– Дядя Боря, а Вы напишете о нашем походе?

Так о чём писать-то?..

Просто всё было нормально!

Только вот слегка саднило на душе – очень не хотелось расставаться с горами.

Фото В. Гарбузова

Эрлагольская летопись продолжается

Сезон юбилейного 2012 года выдался жарким и засушливым настолько, что в походе по болотам урочища Сарысаз мы прошли почти посуху, не выбирая пути. По всему региону разнеслась небывалая кишечная инфекция, но она была бессильна для тех, кто уходил в манящие приключениями горы. Сорокалетие Эрлагола было ознаменовано выходом книги «До встречи, Эрлагол!» и роскошным банкетом по окончании сезона с участием первых лиц Чемала и Чемальского района.

Годами раньше наши разведывательные походы с Александром Каспером и Георгием Матушкиным неизменно убеждали, что незнакомые места недалеко от Эрлагола полны изумительными красотами и сюрпризами. Один фантастический бурелом на Чемало-Кубинском водоразделе в районе горы Корабель чего стоит!

Но вот наступил 2013 год, я по-прежнему работал старшим инструктором по туризму. Мои коллеги ушли в многодневные походы, и я решил полазить один. Ранним утром 17 июля совсем недалеко от лагеря, стоя в одиночестве у подножья очень крутого травянистого склона, обнаружил, что метрах в сорока надо мной имеется небольшой прилабочек, и справа к нему можно пролезть по едва заметной стёжке. Недолго думая, поскребся вверх, цепляясь за небольшие, но многочисленные уступчики.

Скоро понял, что лезу не по тропинке, а по дождевому сливу. Едва не сорвавшись, добрался до интересного места: открывшаяся передо мной небольшая идеально ровная терраса поразила отсутствием какой-либо растительности и камней. Здесь свободно разместились бы три небольшие палатки!

Огляделся. Под ногами черная, будто аккуратно вытоптанная кем-то земля, справа крутой склон, прямо – полуразрушенные отвесные скалы, а слева – обрыв. И куда теперь идти?

Спускаться вниз тем же путём было неинтересно, полез выше. Уже не оставалось даже видимости тропы, но метров через пятьдесят склон стал постепенно выполаживаться. Пришлось карабкаться по откосу, поросшему густой растительностью ещё полтора часа, собирая на одежду несметное количество паутины, пока не обнаружил более или менее сносный спуск к реке...

В этом году на первую смену Эрлагола приехало совсем уж мало отдыхающих, а желающих пойти в поход было и того меньше. Знающие эрлагольцы-преподаватели предположили, что пятикурсникам пришлось отказаться от поездки, поскольку внезапный недуг ректора повлиял на сроки выдачи дипломов.

Но горы звали, и небольшие группы желающих идти в поход сформировались.

– Ну сколько можно быть вторым инструктором! – горячо воскликнула моя дочь Лена, узнав о моём решении объединить её группу с группой Александра Эдуардовича Каспера.

– На второй и третьей смене поведёшь самостоятельно, – твёрдо пообещал ей, не подозревая о том, что полную самостоятельность ей придётся проявить уже в этом походе...

После обеда полез на гору Дураков на разведку нового спуска. Перед выходом ни с того ни с сего брякнул жене, что группа Александра Эдуардовича и Лены, наверное, придёт сегодня, хотя по плану приход был завтра. Оказалось, что Ирина почему-то думает так же и даже заказала соседке, отъезжающей в Чемал, купить свежих овощей и фруктов.

Вечером с друзьями собрались в нашем домике. Пили чай, пели туристские песни под гитару, вспоминали разные истории, засиделись допоздна. А когда все уgomонились и Эрлагол погрузился в сон, около часу ночи в дверь постучали. Это была Лена, и прямо с порога:

– У Каспера под Айрыком сегодня утром стало плохо с сердцем, с ним остались четыре человека, а мы к ночи дошли до кордона, оттуда нас подвезла машина.

Сон как рукой сняло. Я подскочил с кровати – у пышущего здоровьем Александра Эдуардовича плохо с сердцем! Да не может быть! Однако всё было реальностью, и для того чтобы сообщить о случившемся, участники пробежали за день двухсуточный переход. С Леной шли два подростка: внук Каспера Миша и мой сын Ваня, а ещё новички-первокурсники Оля и Андрей.

Уход гонцов с места происшествия к Айрыкскому перевалу оставшаяся с Каспером Катя Климакова запечатлела так: «...Дети уходили в сплошной белый туман, в котором тяжело дышать, холодно идти и невозможно ориентироваться».

Произошло же следующее. Утром предпоследнего дня похода, безуспешно пытаясь развести костёр, семидесятитрёхлетний инструктор вдруг остро ощутил, что нечем дышать. «...Серое землистое лицо, еще вчера молоджавое, а сегодня постаревшее на много лет, глубоко запавшие глаза, заострившийся до пугающей хрупкости нос... Командор с ножом в одной руке и со щепой в другой растерянно стоял над костром и чуть покачивался из стороны в сторону», – напишет потом Катя. В груди у Каспера нарастала пугающая жгучая боль,

становилось всё хуже и хуже. Но вот парадокс: перед выходом на маршрут он своей же рукой вынул из походной аптечки часть лекарств, включая нитроглицерин, заботливо выданный врачом Сергеем Безнедельным.

Рядом находилась стоянка конников. Однако у их врача не оказалось необходимого лекарства. Тогда и было принято решение половину группы с детьми под руководством Лены отправить в лагерь за помощью, чтобы «навстречу хоть мужики с нитроглицерином вышли...»

И в этой тяжелейшей ситуации Александр Эдуардович не потерял силу духа, не допустил деморализации группы. Как мог сам успокаивал встревоженных участников.

Выслушав Лену, побежал будить заместителя директора лагеря Валентина Гарбузова, с которым совсем недавно пили чай, и мы вместе отправились к директору Эрлагола Владимиру Мальцеву.

Обсудив втроем возникшую ситуацию, пришли к выводу, что в первую очередь необходимо, вооружившись аптечкой, двинуть с раннего утра к месту ЧП и привлечь на помощь конников.

Со мной согласился идти Володя Сидоров, а братья Виктор и Андрей Фаддеенковы инициировали поиски вертолётки. Все трое работали инструкторами по туризму.

Вертолёт – это наилучшее решение проблемы!

С помощью вертолётки пострадавшего очень быстро можно переправить в безопасное место – в населёнку, в больницу.

Но практика говорила, что вертолётки можно и не дожидаться, а помочь Касперу нужно было как можно быстрее. О том, что у него инфаркт, никто ещё не знал, но было абсолютно ясно: надо срочно что-то делать. И мы бы с Сидоровым обязательно отправились к Касперу, да сложилось иначе.

В четыре часа утра Валентин Иванович, к которому я уже пошёл за «отмашкой», сообщил, что ситуация с вертолёткой прорисовывается. Позже Гарбузов, до этого закончивший военную службу полковником, пояснил: Касперу просто повезло, что на переговорах по вертолётке встретились два офицера запаса и быстро нашли общий язык. Вот он – человеческий фактор!

В итоге оставшуюся в тайге часть группы доставил на базу вертолёт горно-алтайской «Лесоохраны», чьи пилоты имели лицензию на спасательные работы, а следовательно, и необходимую квалификацию. Бросив все свои дела, спасатели экстренно вылетели из Горно-Алтайска в Чемальский район.

К месту ЧП полетели братья Фаддеенковы, принявшие активное участие в поиске вертолётки, и врач Сергей Безнедельный – договорённость со спасателями предполагала вылет только трёх человек. Сначала думали забросить пострадавшего в больницу Горно-Алтайска, однако Сергей определил, что Каспера можно всё-таки отправлять в Эрлагол, куда тотчас была вызвана «Скорая помощь».

В итоге Александр Эдуардович отлежал после инфаркта 18 дней в больнице Элекмонара, затем вернулся в Эрлагол и пребывал здесь до конца смены. Целебная природа Горного Алтая – что может быть лучше для восстановления здоровья!

Ну а Каспер, слава богу, к окончанию сезона восстановился настолько, что на заключительном банкете уже всю танцевал!

...Наступил 2014 год, сменился директор «Эрлагола». На смену Владимиру Ивановичу Мальцеву пришёл подполковник запаса Константин Борисович Левенских, который быстро и энергично вошёл в курс дела. Я подготовил служебную записку, основное внимание в которой уделил мерам безопасности, настаивая на приобретении спутниковых телефонов, подготовке стажёров, наличии страховок и прочее. Записка была запущена в дело. Всё необыкновенно ладилось. Даже список инструкторов получился с резервом.

И вдруг в конце мая на Алтае происходит небывалое наводнение. МЧС объявляет режим чрезвычайной ситуации на территории всего региона. Разрушены дороги, мосты, линии электропередач.

В разных местах залило федеральную трассу, особенно на границе между Республикой Алтай и Алтайским краем. Село Уожан, базы «Ареда» и «Эрлагол», многочисленные стоянки по рекам Чемал и Куба были отрезаны от районного центра, затоплены турбазы «Берель» и «Турсиб». Водная стихия изменила ландшафт, русла рек и планы на активный летний отдых у любителей Алтайских гор. Впервые за сорокадвухлетнюю историю эрлагольцы поголовно сдавали путёвки.

Сменилось и руководство «Эрлагола». В следующем году исполняющим обязанности директора была назначена Вера Левицкая. Александр Каспер был поставлен её заместителем. Неизменным остался старший инструктор по туризму.

6 июля 2015 года «Эрлагол» вновь принимал отдыхающих и туристов. Эрлагольская летопись продолжается.

Контрольный срок

К встрече путешественников было всё готово. На низкой скамеечке близ моста через горную реку выстроились в рядок семь упаковок с соками (по числу участников похода), столько же шоколадок, а размалёванная малышня репетировала для встречи туристов шуточный номер. Погода стояла замечательная, безмятежно светило солнце, сияло чистое голубое небо, не было даже ветерка, и казалось, что по всему Горному Алтаю царит ласковый зелёный спокойный июль.

Время шло, в столовой уже начинался ужин, но группа не появлялась. Туристов на базу должна была доставить надежная машина ГАЗ-66, которая с большим трудом передвигалась по разбитым берегам, а кое-где и по ложу горной реки Кубы. Весной 2014 года здесь произошло сильнейшее наводнение. Река изменила русло, стала неузнаваемой и почти непроходимой для пеших туристов. Проторенная более полувека назад лесовозная дорога была безжалостно смыта.

Уже в сумерках вышел я на развилку дорог, одна из которых шла по правому берегу Чемала в село Уожан, а другая – вверх по Кубе. И неожиданно у обрыва увидел рядом с мотоциклом молодого чемальского жителя Александра Григорьева, отец которого с утра выехал за группой. Отец и сын Григорьевы работали в паре, подстраховывая друг друга.

А может, произошла поломка машины, и поэтому «ГАЗ» задерживается!

Александр тоже допускал такую возможность, и мы долго стояли во мгле у бурлящей реки, обсуждая последствия прошлого стихийного бедствия. Когда стемнело, я почти уверился в мысли, что подвела техника, а с туристами всё нормально. Ведь по такому опасному бездорожью машина ночью в любом случае не пошла бы. И тут вдалеке сквозь темноту прорезались два ярко-жёлтых пятна.

– Это не отец, – произнес Саша, – у его «газона» другие фары.

Однако он ошибся. Оказалось, что это та самая машина, которую мы с нетерпением ждём.

Ну, наконец-то!

Крытый грузовик, поравнявшись с нами, остановился. Пожилой поджарый шофёр вышел из кабины и недоумённо развёл руками:

– Не дождался! Ждал до семи, дальше уже нельзя было...

Вот тебе и раз! Значит, группа задержалась на маршруте. Это, конечно, не такая уж редкость. Бывает, кто-нибудь подвернёт ногу, и туристам приходится использовать запасной день, контрольный срок-то через сутки в двадцать четыре ноль-ноль. Но всё равно неприятно, да и за машину придётся платить...

С беспокойным сердцем дошёл до своего домика и плюхнулся на деревянную койку. Окутывающая Эрлагол ночь была чересчур тёплой, это к непогоде. В домике спали.

– Ну и что ты думаешь? – вдруг из темноты спросила Ирина.

– До контрольного срока ещё сутки, завтра придут, – пробормотал я и снова задумался.

Как поступит в этой ситуации группа, в которой пять барышень и всего два мужика?

Если задержка произошла на плановом маршруте, то туристы завтра попытаются где-то склонами, а где-то и по воде пройти около четырёх километров вниз вдоль реки до бывшего кордона Чемальского лесничества. Сейчас там конная база, почти всегда есть люди, техника и, возможно, связь.

А может, они выберут в качестве запасного варианта возвращение через Каракольские озера и придут в соседнее с Чемалом село Элекмонар. У озёр расположена крупная база, всегда много людей, имеется спутниковый интернет, а главное, дорога, по которой каждый день к подъёму на Караколы подвозят экскурсантов, поддерживается в приличном состоянии.

Но вот если произошло что-то серьёзное, да ещё на дальней точке маршрута...

Больше всего мучит неизвестность. Не спится.

В густых сумерках вкрадчиво зашелестел дождь. Мобильник показал начало новых суток, я задремал, но тут же был разбужен мощным раскатом грома, вслед за которым вдарил во всю силу ливень, который не переставая продолжал хлестать и час, и другой... Лёжа в уютной постели, невольно представил, каково сейчас туристам на маршруте, да вдруг вспомнил, как 23 мая далёкого 1978 года в походе через несколько часов после гибели Андрея Истова в Чебдарском ущелье в ночь вот так же разыгралась стихия...

Сколько же совпадений: Куба почти непроходима, машина возвращается без группы, ливень превращает Кубу в настоящую ловушку, а ещё... эти аналогии.

Дождь продолжал бушевать, и под его аккомпанемент я, наконец, уснул. Проснулся лишь в половине седьмого утра. Было пасмурно, вся обширная эрлагольская поляна превратилась в огромную лужу.

Черпая калошами воду, прошёл на мостик через Кубу. Этой весной смыло штатный мост, и сейчас я стоял на металлической временке, изготовленной, наверное, из понтонных модулей. Куба в переводе с алтайского означает «грязная, мутная, жёлтая». Именно так она сейчас и выглядела, но главное,

поднявшись едва ли не на метр, сейчас смотрелась просто устрашающе. Озадаченно оглядев беснующуюся реку, вернулся на развилку дорог, где вчера встречали «ГАЗ».

По левому берегу Кубы километра на два вверх по течению растянулся кемпинг, так что здесь дорога поддерживалась в более или менее сносном состоянии. И вдруг вдалеке на ней разглядел медленно идущего усталой походкой мужчину. Встрепенувшись, рванул навстречу.

Увидев меня, средних лет незнакомец остановился.

– Я старший инструктор «Эрлагола». Вы издалека идёте, туристов, семь человек, не видели? – спросил его.

– Нет, не видел. Я с кордона на ГАЗ-66 ехал, а тут у вас сошёл сель и преградил дорогу. Пришлось оставить машину, иду искать экскаватор...

– Сель?! У нас тут сель!!!

– Да, сейчас там не пройдут даже танки! – сокрушённо подтвердил он.

Мы познакомились. Собеседник назвался Владимиром.

– А Вы не пробовали пересечь Кубу километра на три выше, ведь на той стороне за базой «Ареда» ещё неплохая дорога?

– Нет туда пути!

Вот так юмор! Значит, ловушка захлопнулась.

То, что Владимир назвал селом, на самом деле оказалось камнегрязевым оползнем метров двадцати в ширину, который преградил путь автомашинам вязким валом высотой до двух метров. Казалось, что этот язык живой и продолжает медленно ползти, в чём мы скоро убедились.

Встревоженный последними событиями заместитель начальника «Эрлагола» Александр Эдуардович Каспер, выслушав меня, ринулся осматривать обвал. С ним двинулись я, отдыхающий профессор Дмитрий Колкер и активный турист Борис Юдин, которые первыми вызвались быть добровольцами на спасработках.

Осторожно обойдя оползень по кромке воды, мы обследовали ещё три километра дороги до полуразрушенного моста напротив устья реки Ареды, впадающей в Кубу с противоположной стороны.

Чуть позже выяснилось, что в ту ночь обвалы произошли в нескольких местах, а на километр ниже ректорского домика произошло обрушение левого берега реки Чемал. И это рядом с лагерем! А что же делается в горах?

Пока мы обследовали дорогу, жена с подругой поехали в райцентр Чемал, чтобы поговорить с местными шоферами. То, что они услышали, повергло в шок. Подъём рек на маршруте к Каракольским озёрам оказался куда большим, чем на Кубе. Даже надежные ГАЗ-66 не смогли вернуться с базы, и на озёрах в результате зависла куча туристов! А может, и наши там? Я рванул в Чемал.

– Да вообще такого никогда не было! – запальчиво воскликнул шофёр, – Ну, камни сваливались на дорогу, преграждали путь, но чтобы вот так... селевые потоки!

Этот парень зарабатывал тем, что ежедневно возил на своём ЗИЛ-131 экскурсантов сначала до соседнего села Элекмонар, а затем по дорогам вдоль рек Элекмонар и Каракол до устья Туры, откуда начинается подъёмная тропа на озёра...

Сегодня он с огромным трудом пробился от Туры до Чемала, наших туристов не видел, но обещал связаться по спутниковому интернету с базой на Караколах и спросить про группу из семи человек, а также дал номер мобильного телефона своего напарника, который на таком же ЗИЛ-131 должен был появиться в Чемале позже.

Но нет! О наших туристах не было ни слуху ни духу.

– А как там другие группы? – спросила директор Эрлагола Вера Левицкая, когда доложил ей о возникшей ситуации.

– Остальные две группы, находящиеся на маршруте, должны прийти позже. Одна из них возвращается через село Эдиган по нормальным дорогам, а вторая идёт хребтами до лагеря. То, что сейчас творится на реках Куба и Элекмонар, ни тем ни другим не угрожает.

...В своё время в инструкторской школе нас учили, что спасательные работы начинаются в трёх случаях: если получено известие о несчастном случае, если закончился контрольный срок и, наконец, если резко ухудшились погодно-метеорологические условия.

Последний вариант был налицо, и знающие люди, в том числе Александр Григорьев, убеждали нас, что в этой ситуации без МЧС не обойтись. Однако, обсудив все варианты с Каспером, мы решили справиться своими силами.

Шофер, грузовик которого упёрся в сель, куда-то исчез. До этого на наш вопрос о возможности провоза спасателей он ответил, что и бензина нет, и машина барахлит. В этой ситуации было принято решение в любом случае завтра с утра выходить на маршрут исчезнувшей группы. То, что в этой ситуации туристы к контрольному сроку не вернутся, было уже очевидно.

Основным препятствием для нас была река Куба, но думалось, что втроем-вчетвером, выйдя на рассвете, и без машины сумеем к завтрашнему вечеру пробиться к устью Сергезю, по которой путешественники должны были спускаться к Кубе. Дальше планировалась искать группу, продвигаясь по тропам в обратном направлении нитки маршрута группы. Если уж с машиной ничего не получится, то надо как-то проскрестись двадцать с небольшим километров вверх по Кубе, а дальше будет проще.

Борис Юдин предложил взять его лёгкую палатку, вмещавшую троих, а Каспер настоял на том, чтобы с нами пошёл его старший сын Константин, ранее работавший инструктором в «Эрлаголе». Поэтому рвущегося в бой Дмит-

рия Колкера пришлось уговорить остаться в резерве. Но вот как бы отыскать Владимира и убедить добросить нас хотя бы до кордона?

– У машины же есть государственный номер, по нему можно найти хозяина, – предложил Борис Юдин.

– Кажется, понял, как быстрее его вычислить. Он житель Чемала, а там не так уж много владельцев ГАЗ-66, – встрепенулся я, набирая номер мобильного Григорьева.

Александр, с которым мы сотрудничали уже не один год, моментально понял задачу и пообещал помочь. Уже минут через сорок он перезвонил и продиктовал телефон Владимира, с которым мы тут же обо всём договорились. Общий сбор шофёр назначил в 10 утра у машины, предупредив, однако, что утреннее состояние реки может нам и не позволить выехать.

Нам разрешили взять любые продукты со склада, выдали деньги для оплаты машины, а врач пополнила походную аптечку сильнодействующими препаратами, остатки которых надлежало потом вернуть.

Упаковались с вечера.

– Знаешь... всё-таки... произошло что-то серьёзное, – непривычно хмуро произнёс Александр Эдуардович перед выходом, – предлагаю: под Чёртовым Пальцем Костя пусть идёт на озеро Серп, а вы с Юдиным обследуйте Буюкские озера...

Шофёр ещё раз с сомнением посмотрел на беснующуюся реку, обернулся к нам и произнёс гагаринскую фразу:

– Ну, поехали.

...Последний раз проходил здесь в 2013 году по дороге, которую мы тогда считали ещё вполне сносной. Теперь же видели полное отсутствие дороги, если не считать отдельных, чудом уцелевших её фрагментов. Уже после третьего километра, считая от лагеря, машина продвигалась по каким-то невероятным косогорам и бродам, постоянно преодолевая различные препятствия. Я не переставал удивляться, что нешуточно поднявшаяся вода в реке, то и дело заливающая капот машины, ещё не заставила заглухнуть её мотор.

Поднявшись по правому берегу довольно высоко над рекой, грузовик приостановился, как мне сначала показалось, над обрывом. Однако шофёр медленно-медленно, с пугающим креном влево повёл машину круто вниз. Когда таким образом съехали в реку, грузовик тут же стала сносить мощная водная струя. Машина натужно редела на пониженной скорости, а нахмуривший брови водитель всё направлял её против течения. Наискосок, медленно, боком, кое-как проехав к противоположному берегу, мы уперлись в каменный вал, который грузовик, однако, довольно легко преодолел.

– Не парься, машина надёжная, – выдохнул Владимир, глянув на меня, и добавил: – Думаю, до Имурты как-нибудь доберёмся.

– А до Сергезю никак? – спросил я, на что шофёр неопределённо пожал плечами.

Достигнув кордона, мы пересели на другой ГАЗ-66, более потрёпанный, с открытым кузовом, и двинулись по бездорожью дальше.

– Следы! – вдруг сказал Владимир.

Я пригляделся к «дороге», но ровным счётом ничего не обнаружил. Машина тем временем, продолжая выделывать новые кульбиты, пробивалась к устью Имурты. Шофёр ещё раз увидел следы, потом, воскликнув: «Стоят, стоят!», повернул влево, въезжая на поляну к устью впадающей в Кубу реки Имурты...

Неужели наши туристы!

Точно, это они!

– Все здесь?

– Все, – услышал ответ, и у меня отлегло от сердца – по лицам понял, что ничего особо серьёзного не произошло.

Опоздав к приходу машины, группа оказалась в своеобразной водной западне – тонны воды, вылившейся с неба, превратили Кубу в неприступную преграду для пеших туристов.

Группа решила на отчаянную попытку прорваться к кордону, несмотря на то что Имурта впадает в Кубу справа, а кордон расположен на левом берегу Кубы на четыре километра ниже.

Не тут было! Взбунтовавшаяся Куба не оставила на это ни малейшей возможности.

Туристам пришлось вернуться к стоянке около устья Имурты и встать на ночёвку. В полночь наступил контрольный срок, а наутро выехала наша поисковая группа.

Днём раньше с Александром Эдуардовичем Каспером мы перебрали все возможные варианты причин задержки группы. Случился один из них. Самый лёгкий...

Энергично убирались палатки, упаковывались рюкзаки. В котле дымился крепкий ароматный чай, на перекус перед отъездом была нарезана колбаса, а ещё каждому участнику было выдано по шоколадке...

Насколько легче и быстрее шла нагруженная машина вниз по Кубе! Насколько легче стало на душе – ведь все живы и здоровы.

Стихотворения

Здравствуй, Эрлагол!

Напоённый целебными травами гор
Свежий воздух – дышу, не могу надыхаться...
Я приехал к тебе, здравствуй, мой Эрлагол,
Одарявший не раз счастьем в горы подняться.

Там, где снежные цирки глядят свысока,
Водопады шумят, разбиваясь о Вечность,
Где начало своё обнаружит река,
Ночью небо приблизит свою бесконечность.

Где таёжное утро встречает росой
И рассветное солнце ласкает вершины,
По Куминским Белкам хлещет дождик косой,
А внизу облака обнимают долины...

И опасности тоже – на каждом шагу!
На ветру перевала, в ущелье дремучем,
У хрустальных озёр на крутом берегу.
Здесь узнаешь, кто друг, а кто просто попутчик.

А когда мы, вернувшись в свои города,
Пропадём в суете неприкрашенных буден,
Будет снова и снова тянуть нас сюда:
На Восточный Алтай, в Эрлагол – не забудем!

Я приехал сюда, здравствуй, мой Эрлагол!

Река Чемал

Поутру поднялась, торжествуя, река,
Расплескала свои помутневшие воды.
Озверела: с обвалами красной породы
Размывает свирепо она берега.

В ураган переходит шальной ветерок,
Всё живое сметает, корёжит жилища,
И, спустив ветровала холодный курок,
Сокрушает леса и несётся ветрище.

И трясётся земля, и лежат ивняки,
Камнепады ревут, осыпаются горы!
Молодые лавины срывают запоры,
По бунтующей речке плывут рюкзаки...

Осенние раздумья

к Н.Г. Нестеренко

*Это не о войне. Просто после сели мы однажды
поздно вечером с Николаем Григорьевичем у потух-
шего костра, и то, о чём говорили, утром вдруг лег-
ло на рифму.*

А снаряды ложатся всё ближе и ближе,
И товарищ, что справа, сражён наповал.
Рухнул тот, что был слева, хотя ещё дышит,
Но уже обречён, а ведь был он удал...

И тебя прихватило, зачем-то таблетку,
Суетливо нашарив, кладёшь под язык.
А затем, отдышавшись, накинешь жилетку
И шутиливо промолвишь: «Как жить я привык!».

Что случилось в горах, ты забудешь едва ли.
Спрос суров с комиссаров, а годы летят.
И ты помнишь тот август: меня откачали,
Мне почти было сорок, тебе – шестьдесят.

Это осень пальнула, листок пятипалый
Жёлтый-жёлтый летит средь берёз и полей.
Как у Визбора в песне: «Так выпьем, пожалуй!»,
Ты серьёзно ответишь: «Пожалуй, налей».

И Алтайские горы синеют в тумане,
А луны ровный свет заливает луга.
Звёзды мелко дрожат, наблюдая за нами,
На далёких вершинах не тают снега.

20.08.2004 г., Эрлагол

Рассказ пилигрима

В той угрюмой тайге я совсем изнемог,
Одолели недуги, сдавило дыханье.
Сиротливо растаял костра уголёк,
А раздуть нет уж сил, уплывает сознание.

«Но шалишь, не пройдёт! Эй, приятель, вставай,
Ведь в движении жизнь», – силюсь я улыбнуться...
Хоть зубами скрипи, хоть совсем помирай,
Всё мерцает вокруг, не могу шевельнуться.

Захотелось в тот миг закусить удила,
Закричать на весь мир, напоследок ликуя,
Но явилась ко мне золотая пчела,
Загорелась щека от её поцелуя.

И сознание долой! Растворившись во тьме,
Я уснул, будто ухнул в бездонную яму.
В ускользящий миг лишь почудился мне
Чей-то ласковый взор, как прощенье Адаму.

Пробуждаюсь наутро – и вправду живой!
Небо в ранней заре, воздух свежестью веет.
Окунувшись в ручей, вновь люблюсь тайгой,
Жизнь клокочет кругом, и трава зеленеет.

Эх ты, пчёлка моя, ты примчалась одна.
Но откуда взялась? Прилетела из рая?
Ты ведь знала: спасая, погибнешь сама!
Так спасает Христос, на кресте умирая.

Самый младший из стажёров веснушчатый пятнадцатилетний Димка Осипов достаёт из тура записку и, совершенно по-взрослому нахмурив брови, начинает читать её вслух. От неожиданности кровь ударяет мне в голову. Отнимаю у Димки записку и читаю сам. На размокшем, разваливающемся клочке бумаги, пролежавшем на хребте почти два года в консервной банке среди камней, с трудом различаю текст...

16 июля 1985 года. «Летопись одного турпохода»

Ну как же так? Человек работал инструктором в горах, потом прошёл со спецназом множество горячих точек бывшего СССР. Воевал. Выжил. Вернулся. И тридцати семи лет отроду утонул в Оби. Какая нелепость!

26 августа 2007 года. Запись в дневнике.

Молитва

Памяти Димы Осипова

Когда придёт последний срок,
Потухнет взор, оставят силы,
О Боже, сделай, чтоб я смог
Дойти достойно до могилы.

Ещё прошу, пожалуй мне
Успеть в последнем покаянье.
Не дай, Господь, уйти во сне,
Покинуть мир хочу в сознание.

Но если небом суждено
Иную смерть принять неволью,
То, Боже, я прошу одно:
Дай этот путь пройти достойно.

В полудрёме лежу...

Истекает песок в золочёных часах,
Неизбежное время шуршит торопливо.
Бригантина несётся на всех парусах,
Только мачты скрипят да трепещут ветрила.

Телевизор гремит. Со стаканом вина
В полудрёме лежу на уютном диване.
Стадион переполнен, на поле война,
Футболисты мелькают на тусклом экране.

Некрасивые лица, футболки грязны,
А спортсмены дерутся на нервах и в мыле.
Ну а я, отхлебнувши глоточек «Зимы»,
Лишь, зевая, скажу: «Снова мы победили!»

Но зачем суетиться, куда-то спешить,
Воевать за мячи, надрывать свои жилы,
Если можно спокойно без этого жить?
Просто жить – не тужить, тратя попусту силы.

И зачем уходить на всё лето в тайгу,
Для чего эти горы, отвесные скалы?
Загорай на песчаном обском берегу.
Пусть другие идут чудаки в экстремалы.

Пусть они говорят, что в движении жизнь.
Добавляя ещё: мол, в борьбе лишь победа.
Да какая победа, там только держись,
Если хочешь, конечно, дожить до обеда!

Для чего рисковать, надрывая живот,
Не надеясь, что кто-то придёт на подмогу...
Но потёртый рюкзак отчего-то зовёт.
Значит, всё же пора отправляться в дорогу.

За тех, кто в дороге

Ещё рано искать моё место на хмуром погосте,
Я помчусь в Эрлагол, я наполню потёртый рюкзак.
Пожелают удачи пришедшие вечером гости,
И с улыбкой заметят: «А ты всё такой же чудак!».

Дорогие мои, невозможно озвучить словами,
Что такое вершины в сиянии вечных снегов,
Невесомая даль, обрамлённая ста ледниками,
И пьянящая нежность вечерних таёжных костров.

Голубую тайгу замечают седые метели,
Но и лютый мороз не задушит целебный родник.
Одинокая старость, сама оставайся в постели,
А я двину в поход, на любимый Аккемский ледник.

Предлагаю я выпить за тех, кто сегодня в дороге,
И, конечно, за нас, за здоровье, удачу и дом,
Чтоб любимые наши не знали шемящей тревоги
И за то, что сегодня мы вместе за этим столом.

02.12.2006 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Летопись одного турпохода. Документальная повесть.....	7
Пролог	9
Поход.....	13
Эпилог	87
Постфактум.....	89
Возвращаясь к трагедии на Чебдаре.....	91
Старая папка	107
Заключение КСС	115
Фотослайды А. Шуркевича, 6–30 мая 1978 года.....	121
Читательские письма.....	135
Рассказы	149
Первый раз в Эрлаголе.....	151
В грозовой туче	159
Поющий ручей.....	166
Такой долгий день августа	172
Клещевой энцефалит.....	180
Голодный поход	196
ЧП в походе.....	209
Бурелом	223
Репортаж об Эрлаголе-2011	237
«Бедный друг, истомил тебя путь...»	244
Снова горы зовут.....	247
Эрлагольская летопись продолжается.....	257
Контрольный срок.....	261
Стихотворения.....	267
Здравствуй, Эрлагол!	269
Река Чемал	270
Осенние раздумья.....	271
Рассказ пилигрима.....	272
Молитва.....	273
В полудрёме лежу.....	274
За тех, кто в дороге.....	275

Скворцов Борис Владимирович

ЭРЛАГОЛ

В авторской редакции

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Корректор *Л.Н. Кинит*
Дизайн обложки *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *Н.В. Гаврилова*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Подписано в печать 27.03.2017. Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная
Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 22,25. Печ. л. 17,25. Изд. № 14. Заказ № 496
Цена договорная

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20